

Сэмюэл Н. Крамер

История начинается в Шумере

*History
begins
at Sumer*

Сямяюэл Н. Крамер

История
начинается
в Шумере

**ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ**

КУЛЬТУР ВОСТОКА

Серия основана
в 1961 году

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

Сэмюэл Н. Крамер

История начинается в Шумере

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1991

ББК 63.3(0)3
К 78

Samuel Noah Kramer
HISTORY BEGINS AT SUMER

Редакционная коллегия

К. З. АШРАФЯН, Г. М. БАУЭР,
акад. АН СССР Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН (председатель),
Р. В. ВЯТКИН, Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, И. М. ДЬЯКОНОВ,
С. С. ЦЕЛЬНИКЕР, И. С. КЛОЧКОВ
(ответственный секретарь)

Перевод с английского
Ф. Л. МЕНДЕЛЬСОНА

Предисловие, переводы шумерских поэтических текстов
и комментариев

В. К. АФАНАСЬЕВОЙ

.К $\frac{0503010000-146}{013(02)-91}$ Без объявления

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-02-016729-0

© Перевод, предисловие и коммен-
тари: Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1991

ШУМЕРЫ, ШУМЕРОЛОГИ И ШУМЕРОЛОГИЯ. СЭМЮЭЛ НОЙ КРАМЕР

С 11 по 15 июля 1988 года в Филадельфии проходила международная научная конференция, *Rencontre*, — встреча людей, называющих себя ассириологами, шумерологами, гебраистами и посвятивших свою жизнь изучению Древнего Востока. По инициативе группы французских ассириологов такие встречи проводятся ежегодно, объединяя ученых в их трудах над древними памятниками и являясь рабочим и отчетным органом международного содружества. Среди организаторов и активных участников этой, тридцать пятой встречи был профессор Сэмюэл Ной Крамер, чье девяностолетие в 1987 г. торжественно отметила научная общественность Америки, Европы и Азии. Полный сил и энергии, живой, остроумный, строгий, но при этом постоянно доброжелательный, профессор Крамер радовал любящих его коллег и радовался сам. Понятная радость: многие из выступавших — его ученики, а темы докладов отражают основные направления его деятельности. Дожить до возраста патриарха и при этом сохранить ясность ума и живость мысли — подвиг, и немалый. Собрать при жизни плоды своих трудов — это значит получить заслуженную награду. Но продолжать сеять свободно и радостно новые семена, уже не беспокоясь о результатах, — великий дар, свидетельствующий о большой силе души. И все вместе — счастливая судьба, что вовсе не означает — легкая судьба. Судьба Крамера, как и всех истинно счастливых людей, не была легкой.

Сам профессор Крамер выделяет три главных аспекта своей деятельности: 1. Ему удалось возродить к жизни древнюю шумерскую литературу. 2. Он стремился открыть к ней доступ представителям других гуманитарных областей — историкам, антропологам, литературоведам. 3. Именно благодаря его работам восстановилась память о шумерах, определена роль их культуры в истории человеческой цивилизации.

«История начинается в Шумере» — один из первых обобщающих трудов Крамера, где удивительно удачно и плодотворно соединились все три направления его усилий. Итак, книга посвящена шумерам, народу, обитавшему на юге Двуречья, или Месопотамии, в долине рек Тигра и Евфрата в IV и III тысячелетиях до н.э. Несколько тысяч лет человечество не знало о существовании этого народа. О вавилонянах и ассирийцах до нас дошли сведения от античных авторов и из Библии, а о шумерах стало известно лишь в XIX в. после расшифровки вавилонской клинописи и зарождения науки ассириологии.

Каждый век воспринимает древнюю культуру по-своему, на свой манер, обязательно внося в него нечто от своего собственного мировоззрения, своего понимания истории. Образ античности, созданный эпохой Возрождения, и античности, воспринимаемой временем классицизма, — различны, хотя в основу каждого из них легло наше знание о культурах древней Греции и Рима. Европейская культура, в особенности европейская христианская культура, а как таковая она и творилась в течение нашей, «от Рождества Христова», эры, вскормлена струями двух могучих источников древности — античностью и Библией. Тот, кто в этом сомневается, пусть пройдет по залам музеев — без знания мифологических античных и библейских сюжетов невозможно понять и почувствовать культуру прошлого.

Книга Крамера рассчитана на читателя, хорошо знакомого с Библией, — первый Ной, первый Моисей, первый Иов — эти имена должны вызывать определенные ассоциации, чтобы стал полностью ясен смысл сравнения библейских и шумерских персонажей. Столетиями мы привыкли видеть «начало начал» в историях библейских героев. Первыми были шумеры, уверяет нас ученый, влюбленный в свои занятия и открытый им мир, и это не просто литературный прием, который автор столь последовательно проводит через всю книгу. Шумерская цивилизация, насколько мы можем судить в настоящее время, — единственная в своем роде: до нас дошло такое огромное количество письменных документов, как ни от какой другой древней культуры мира.

Эти документы сообщают сведения буквально о всех сторонах жизни древних людей. Даже от египетской, значительно превосходившей шумерскую по числу памятников изобразительного искусства, не сохранилось памятников письменности в таком объеме. Вот в чем они первые для нас, они — знак развития древнего общества в целом, представители раннего этапа общечеловеческой культуры. И все, что они делали, они делали как бы в первый раз, а кое-что и действительно впервые.

Шумеры освоили земли, малопригодные для жизни, осушив болота и проведя каналы, научились строить из тростника, глины и песка, ибо в стране не было леса и камня, научились формовать кирпич, решать сложнейшие созидательные задачи. Они изобрели письменность и на глиняных табличках тростниковыми палочками записали первые сказания, предания, поучения. Они учились искусству общения, воюя и заключая перемирия, но предпочитали мир и согласие, ибо им приходилось много торговать — нехватка в стране леса, камня, полезных ископаемых вызвала острые потребности в обмене с очень раннего периода. Они, наконец, были первыми по своему мироощущению, они чувствовали себя первооткрывателями, и это явственно отразилось в созданных ими мифах и сказаниях — через всю шумерскую литературу проходит идея первооткрывательства мира, в котором обитали «черноголовые», как себя называли шумеры. «От начала начал, от сотворения мира» отталкивается действие почти каждого сказания, земля отделяется от небес, рождаются боги, создаются мотыга и другие орудия труда, боги сотворяют людей, сходят на землю, наводя на ней порядок, неся изобилие людям и научая людей трудиться. Как соотносится эта идея первооткрывательства с библейскими преданиями, не умаляют ли авторитет

Библии шумерские памятники? Отнюдь, они его подкрепляют, дают возможность углубить и продлить древнюю общечеловеческую традицию, обнаруживая источники, напитавшие в свое время Библию. То же самое можно сказать и об античности, ибо благодаря новым археологическим раскопкам обнаруживается роль ближневосточных культур в сложении средиземноморских цивилизаций. А новые находки документов письменности, в частности памятников шумерской литературы, дают нам возможность наметить предположительные пути развития и сохранения письменной традиции в древности.

Большая часть шумерских литературных текстов дошла до нас в копиях конца III — начала II тысячелетия до н.э., от времени, когда шумерский язык стал уже мертвым и изучался в школах как язык канцелярии, литературы, культа. Археологические изыскания 50-х годов нашего века познакомили нас с памятниками шумерской литературы эпохи расцвета культуры, середины III тысячелетия до н.э. У ученых появилась возможность сравнить тексты, дошедшие до нас в двух версиях, отделенных друг от друга расстоянием почти в восемьсот лет, такие, как, например, «Поучение мудреца Шуруппака своему сыну» или «Гимн храму города Кеша». И оказалось, что за восемьсот лет эти памятники практически не изменились. Увеличилось число поговорок, добавились новые поучения в тексте «Поучения», стало больше строф в «Гимне», но общая композиция, поэтические приемы, структура произведений сохранилась. За этим явлением стоит многое — уважение памяти к «слову запечатленному», к традиции письменной, а также к слову, написанному на языке другого народа, что само по себе — признак высокой духовной культуры. Не только в III, но и во II, и в I тысячелетиях до н.э. мы встречаемся с тем же подходом к памятникам письменности. Аккадский (вавилонский) разговорный язык сменяется аморейским (языком другой семитической группы), затем арамейским, а памятники на аккадском языке сохраняются, переписываются и изучаются. Сочиняются и новые произведения на аккадском и даже на шумерском языках.

Они, шумеры, были не только первыми, у них, хотя и под другими названиями и в других формах, было многое из того, что есть у нас. Это вторая мысль, которую профессор Крамер так же последовательно проводит через всю книгу. Наверное, поэтому он начинает рассказ о Шумере со школьных историй. Нам так понятны заботы и опасения маленького школьника, боящегося опоздать в школу. Близки нам и тревоги отца, наставляющего лентяя-сына, его старания избавить сына от тяжелой работы и заставить наследовать «чистую» работу писца. Знаком и сын, не желающий учиться и предпочитающий общество бродячих певцов и скоморохов. Общность и родство с древним народом ощущаем мы, читая поговорки, пословицы, притчи, басни и побасенки. Удивительно, что именно записи пословиц оказались наиболее ранними памятниками письменности, а ведь до сих пор в науке считалось, что пословицы и поговорки стали записываться много позднее других литературных жанров. Но еще более удивительно то, что такого рода тексты в древнем Шумере служили для обучения детей грамоте — до нас дошли школьные глиняные таблички с записями пословиц и назидательных поговорок.

тельных наставлений. Этот тонкий педагогический прием не мешало бы перенять и современным учителям! Живые, лаконичные, коротенькие фразы, составленные в стихотворной форме и построенные на игре слов и каламбурах, легко воспринимаются, хорошо запоминаются, развивают воображение. С помощью таких текстов легче привить детям житейские навыки, обучить правилам поведения. Данью автору представлениям современного читателя, в первую очередь американского, является и выражение «двухпалатный парламент». Так называет Крамер древнее народное собрание и совет старейшин, и наглядность этого сравнения, специально взятого им в кавычки, не должна сбивать читателя с толку. Осовременивание всегда несколько упрощает древность, но зато делает понятнее, приближает ее к современности. Нельзя забывать, что в этой книге впервые создан образ древнего Шумера. Он создан американским ученым для XX в., и очертания его будут со временем изменены.

Другой образ, возникающий на страницах книги, — ученый, который читает клинописные таблички, — более стоек. Труд его кропотлив, требует невероятной усидчивости и подчас изнурителен. Недаром во введении к английскому изданию написано, что эта книга приправлена его «кровью, тяжким трудом, слезами и потом». Крамером опознаны и атрибутированы десятки тысяч клинописных фрагментов и табличек, многие из них скопированы им собственноручно; все таблички прочитаны впервые им, транскрибированы, то есть записаны латинскими буквами для удобства работы над ними, и только после этого истолкованы и переведены. Книга написана живо и легко, каждая история открытия того или иного текста почти детектив, а у автора к тому же нет тенденции выпячивать себя на первый план, поэтому и «пот и кровь» почти не ощущаются. И если Крамер, рассказывая о табличке из клинописного собрания с отбитым верхним углом, обнаруженной в 1914 г., пишет: «Уголок этот мне удалось отыскать в 1937 г. в Музее Древнего Востока в Стамбуле», то пусть читатель попробует представить себе, что кроется за словами: «удалось отыскать...».

Всю сложность работы можно представить себе и по истории открытия и публикации мифа о спуске богини Инанны в подземное царство. Можно лишь догадываться, сколько усилий вложено в работу над текстом, который в результате его изучения оказался не поэтическим сказанием, но... библиотечным каталогом литературных произведений! Однако буквально каждый текст, приведенный в книге, воскрес из мертвых в результате многолетнего труда. Мы можем с полным правом сказать, что история изучения шумерской литературы начинается с Крамера.

Воистину ему выпала роль первопроходца. Он шел первым, а те, кто следовали за ним, находились уже в других условиях. Им работать было много легче. Наши знания шумерского языка до сих пор еще таковы, что многие тексты трудно понять целиком, не всегда можно дать вполне убедительный вариант перевода. К памятникам, публикуемым Крамером, возвращались не раз, и порой предпочтительнее оказывалась трактовка другого исследователя, но это происходило потому, что первая, самая тяжелая часть работы уже была проделана профессором Крамером.

Наверное, именно сложность работы с клинописными источниками является основной причиной того, что клинописные дисциплины имеют тенденцию развиваться как науки коллегиальные. Дешифровка клинописи — удел не гениального одиночки, как это имело место в случае с Франсуа Шампольоном, раскрывшим миру тайну египетской письменности: у колыбели науки ассириологии стояло несколько замечательных имен. И если на заре науки ученый, разрабатывая и начиная ту или иную отрасль, все же был вынужден трудиться один, то это происходило в силу необходимости. Многие десятки лет в каждой стране, где изучали клинопись, ею занималось очень мало людей. Но уже поколение Крамера — Бенно Ландсбергер, Адам Фалькенштейн, Торкильд Якобсен и другие — стремились работать в тесном содружестве, понимая, что только таким образом можно дать мощный толчок науке. Лучше всех и, может быть, самым первым понял это Крамер.

Читатель наверняка обратит внимание, что он всегда упоминает коллег, так или иначе принимавших участие в работе над текстом, над интерпретацией особо трудных мест. Так, к текстам «Гильгамеш и Агга» и «Гильгамеш и Гора Живого» делал поправки американский ученый, швед по происхождению Т.Якобсен, сказание о нисхождении Инанны и многие другие тексты дополнял немец А.Фалькенштейн. Но каким образом это осуществлялось? Прежде чем отправить публикацию в печать, Крамер посылал ее Якобсену или Фалькенштейну, и, таким образом, текст появлялся на суд читателей с дополнениями, поправками, уточнениями, исправлениями, а иногда и опровержениями друзей-специалистов, в виде комментариев. Это уже не одна только любовь к научной акрибии, это черта характера!

Следующим естественным этапом явилась совместная работа с учениками, и об этом также может прочесть читатель на страницах книги. В комментариях ко второму изданию книги на русском языке приводится много имен и называется много новых публикаций текстов, над которыми впервые трудился профессор Крамер. Хорошо, если на них обратит внимание читатель — они приведены как раз для того, чтобы нагляднее продемонстрировать развитие молодой науки. Почти все издания начинаются со слов благодарности наставнику и учителю, тому, кто так или иначе вводил их в шумерологию — или лично, или своими трудами. Замечания Крамера, неоднократно встречающиеся на страницах его книги, о том, что тот или иной текст, выражение, оборот, наверное, будут прочитаны по-другому, оказались пророческими, так как он с самого начала ясно оценивал ситуацию, знал, в каком направлении должны двигаться исследователи.

И те изменения, которые произошли в книге Крамера во втором издании ее на русском языке — спустя более тридцати лет со времени ее выхода в свет под названием «Из шумерских табличек», — естественный ход развития науки. Пусть читателя не смущает, что комментатор исправляет имена собственные, излагает по-новому события того или иного сказания, дает новые переводы памятников, к тому же стихотворные. Так, многим привычное имя правителя Урукагины предлагается читать «Уруинимгина», утверждается, что в мифе о скоте и зерне действует не бог, а богиня, оспаривается, что бог Энки сражался с Куром, как это

предположил автор книги в первом издании. Книга, которая уже через год после публикации в Америке была переведена на французский язык и получила признание как лучшая зарубежная книга года, дополнялась и дорабатывалась автором неоднократно, о чем читатель может прочесть в предисловии самого Крамера к первому русскому изданию.

Но впоследствии у книги началась своя жизнь — ее перевели на многие языки мира, а у ее автора своя — он стал писать новые труды, к этой своей работе уже не возвращаясь. Переиздавать книгу в прежнем виде было бы в первую очередь неуважением к автору, к его постоянно движущейся мысли. Так, одной из наиболее сенсационных для шумерологов новостей явилось утверждение, что знаменитые законы царя Ур-Намму, на сегодняшний день признанные древнейшими в мире, составлял не он. Скорее всего, хотя с полной определенностью этого еще нельзя доказать, они были созданы во время правления сына Ур-Намму, Шульги, который, по всей видимости, и есть их автор-составитель. Вопрос об этом поднял в 1983 г. сам профессор Крамер в маленькой статье «Кто автор законов Ур-Намму?». После находки новой таблички с фрагментами текста законов Крамер еще раз внимательно пересмотрел текст опубликованной им в конце 50-х годов статьи, еще раз тщательно изучил глиняную табличку и пришел к выводу, что один плохо сохранившийся знак был неверно прочитан им, поэтому лакуна, следовавшая за этим знаком, должна быть восстановлена иначе. Так работает историческое мышление ученого, таким оно должно развиваться и в читателе, интересующемся вопросами исторической «точности», иногда слишком готовом цепляться за факты и верить в их неопровержимость. Поиск знания подчас важнее самого знания в его застенелом виде, особенно если речь идет о времени, столь удаленном от нас.

Но если факты древней истории подчас расплывчаты и неопределенны, то факты биографии самого Крамера известны нам много лучше — он рассказал о себе и о своем пути в науку на страницах воспоминаний, частично опубликованных. Некоторые события его жизни стоят в столь тесной связи с его научной деятельностью и так ясно выражают черты его характера, что читателю наверняка будет интересно познакомиться с ними.

Крамер родился 28 сентября 1897 г. в маленьком еврейском местечке Жашков, под Киевом. При рождении он получил имена Симха, что в переводе с еврейского означает «радость», и Ной, в честь легендарного патриарха, пережившего потоп и обретшего бессмертие. Отец его обучал Талмуду детишек девяти—тринадцати лет; это соответствовало второй ступени начального образования, принятого в еврейской среде. Семья, в которой воспитывалось трое детей, была глубоко религиозной. Воспоминания раннего детства — молитвы, радостное ожидание священных праздников. Обстановка и достаток — более чем скромные, но все члены семьи полны любви и доверия друг к другу. Любимые герои — с детства и навсегда поразившие воображение мальчика — Моисей, «первый законодатель», сочинитель псалмов Давид, и в особенности царь-мудрец Соломон, составитель, по преданию, бессмертного шедевра — Песни Песней. Образование мальчика началось с четырех лет — старший брат взял его за руку и отвел к учителю-реббе, обучавшему молитвам на идиш и на

древнееврейском, а также и библейским сказаниям. С самого начала мальчик проявил себя усердным и трудолюбивым учеником, и к восьми годам, вспоминает профессор Крамер, «я мог читать и переводить и знал наизусть большие куски из Библии и даже комментарии к ней». Так началось его филологическое образование, первая профессиональная подготовка к будущей деятельности. Но в то время ни он сам, ни его родные об этом не догадывались.

В 1905 г., спасаясь от еврейских погромов, семья покидает Россию, перебирается в Америку. Они обосновываются в Филадельфии, где отец Крамера продолжает преподавать Талмуд, обучая детей еврейских эмигрантов. Он внимательно следит за образованием младшего сына, и в последующие годы юный Крамер значительно углубляет свои знания в области древнееврейской грамматики и истории. Однако сразу же по прибытии в Америку он поступает в английскую школу и начинается вхождение девятилетнего ребенка в англоязычную среду, приобщение его к новой культуре. Тогда же и имя Симха превратилось в Сэм, Сэмюэл, более привычное для американского уха.

Надо сказать, что почти все древневосточные культуры складывались как многоязычные, или уж по крайней мере как двуязычные. В Шумере в III тысячелетии до нашей эры — шумерский и семитский аккадский языки, во II тысячелетии на севере — хурритский и аккадский, на юге — аморейский, аккадский (и шумерский не забыт, изучается в школах), в Малой Азии — хаттский, индоевропейский: хеттский, хурритский, в первом тысячелетии — лувийский параллельно со многими другими, переводчики были необходимы с глубокой древности, но в обиходе почти каждый человек с малым говорил минимум на двух языках. Двуязычие в раннем возрасте воспитывает филологическое мышление, расширяет кругозор, развивает память, делает детский ум более гибким, восприимчивым. И учит уважению к чужой культуре. И наверное, человеку, с детства впитавшему разные языковые традиции, много проще войти в многоликий мир древневосточных культур и его освоить.

Решив продолжить свое образование, Крамер избирает поначалу карьеру учителя и поступает в филадельфийскую Школу педагогики, готовящую учителей начальных школ. В это же время начинается его серьезное увлечение философией и литературой, он пробует писать и сам, но вскоре решает, что литературного таланта у него нет и он должен искать другое поприще. Крайне требовательный к себе и склонный смотреть на себя критически, он, однако, отмечает, что именно эти годы поисков помогли ему оценить собственные возможности. А тем временем он приближается к тридцати годам. И тут он начинает понимать, что имеет уже почти готовую специальность, к тому же соответствующую его филологическим склонностям, — знание древнееврейского. Чтобы усовершенствоваться в нем, завершить свое гебраистическое образование, он поступает в специальный колледж в Филадельфии, где преподают древневосточные языки, и попадает к первоклассным специалистам. Его очень сильно увлекает и египтология; два года он занимается ею серьезно, одновременно продолжая углублять свои знания по гебраистике. Все же в конечном итоге он останавливается на клинописных дисциплинах. Крамер поступает в аспирантуру Восточного отделения

Пенсильванского университета, который тогда имел в своем составе таких замечательных знатоков древневосточной культуры, как Георг Бартон, Алан Монтгомери. Начал же работу Крамер с тогда совсем молодым Эфранмом Шпейзером, сделавшимся в скором времени крупнейшим специалистом в области библистики, клинописной литературы, археологии. И тему докторской (нашей кандидатской) диссертации помог выбрать ему Шпейзер. Крамер начинает работать над клинописным архивом табличек из Нузи, только что обнаруженного хурритского поселения в Северном Ираке. Тексты, однако, были написаны на аккадском (семитском) языке, и Крамер посвящает свое исследование глаголу. Диссертация была им защищена в 1930 и опубликована в 1931 г.

В эти же годы начались его первое знакомство со странами Малой и Передней Азии, поездки в Стамбул и Багдад, знакомство с коллекциями клинописных табличек в музеях Азии и Европы, участие в археологических экспедициях на Востоке, попытки чтения только что найденных текстов из древнего города Шуруппака, места рождения шумерского Ноя, Зиусудры.

В течение пяти лет работал Крамер как ассириолог, прежде чем сделал свой окончательный выбор — шумерология, шумерская литература.

Шумерология, как отрасль ассириологии, начала выделяться в самостоятельную дисциплину в 20—30-е годы нашего века. Отдавая дань ее создателям, замечательным ученым — Франсуа Тюро-Данжену и Антону Даймелю, Крамер в числе своих непосредственных учителей с благоговением называет имена Арно Пёбеля и Эдварда Кьера, которые ввели его в шумерологию, когда он начал работать в Восточном Институте в Чикаго, участвуя в труде над проектом Ассирийского словаря.

Эдвард Кьера в 1923 г. скопировал в Стамбульском музее — хранилище одного из крупнейших собраний клинописных текстов, где впоследствии много лет провел Крамер, занимаясь подобной же работой, — 50 больших литературных композиций, найденных в ходе раскопок в древнем шумерском городе Ниппуре.

За 1923—1927 гг. Кьера сделал великолепные копии 270 клинописных табличек и фрагментов литературных текстов. Ими до сих пор пользуются ученые всего мира. Кьера работал также над первым словарем шумерских знаков. Его популярная книга «Они писали на глине» появилась в русском переводе в 1984 г., почти через 50 лет после ее первого выхода в свет. Преждевременная смерть прервала работу этого талантливейшего и многообещающего ученого. Крамеру пришлось продолжить труды своего коллеги и учителя, еще не обладая достаточными навыками и опытом. Но уже в 1934 г. он подготовил к изданию два тома клинописных шумерских литературных текстов, над которыми трудился Кьера.

Первыми собственными публикациями Крамера стали «Сказание о нисхождении богини Инанны», появившееся в 1937 г., и «Рассказ о Гильгамеше и дереве Хулуппу» — в 1938 г. С тех пор публикации не прерываются в течение пятидесяти лет. За это время Крамером написано более 200 работ, из них 27 монографий. Кроме того, ряд работ лежит в издательствах и ждет своего выхода в свет, о других уже заявлено, третьи готовятся к печати.

Но самые теплые слова, полные благодарности, обращены к Арно Пёбелю. Именно ему, подчеркивает Крамер, он обязан знанием шумерского языка. В 1923 г. Арно Пёбель опубликовал свой знаменитый фундаментальный труд по шумерской грамматике. Он базировался на тщательнейшем изучении шумерских надписей буквально всех периодов истории шумерского языка и многие годы служил основой знаний специалистов. Немец по происхождению, Пёбель работал в университетах Германии и Америки, пока не обосновался в Чикагском Восточном Институте, где и занимался публикацией шумерских памятников. Почтительное восхищение ученика замечательным учителем постепенно переросло в дружбу. Однако этой дружбе суждено было подвергнуться тяжким испытаниям. В годы, когда в Германии пришли к власти фашисты, и позже, во время второй мировой войны, Пёбель оказался охвачен националистическими, если даже не пронацистскими настроениями. Трудно сказать, насколько глубоко и серьезно, и что послужило тому причиной — оторванность от родины и желание хоть как-то разделить ее судьбу, отключенность от реальности в силу чрезмерного вхождения в древность, неумение ориентироваться в действительности... Сам Крамер описывает этот период их жизни с глубокой горечью: «...мы не общались и не здоровались, и если случалось нам встречаться, то отводили глаза и молча проходили мимо...» Тем не менее после второй мировой войны их отношения возобновились, и, может быть, не стоило бы и вспоминать об этом, если бы не еще одно обстоятельство: когда в 1956 г. появился первый вариант книги Крамера под названием «Из шумерских табличек», на титульном листе стояло посвящение: «Мастеру шумерологического метода, моему учителю и коллеге». Пёбель умер в 1957 г. и успел оценить благородство и великодушие своего ученика-«неприятели». А в последующих изданиях уже стояло: «Памяти учителя...»

Человеку, посвятившему свою жизнь изучению древности, на какие-то материальные блага особенно рассчитывать ни приходится: занятия, не приносящие непосредственной практической пользы для государства, не престижны и не необходимы, а расходов требуют немалых — тут и публикации, интересные лишь малому числу людей, и научные командировки в другие города и страны, и археологические экспедиции. Путь исследователя часто начинается с полуголодного существования, а то и с полным отсутствием работы по специальности. Пришлось пережить тяжелые годы и Крамеру с семьей, прежде чем он смог доказать свое право на творческую работу и обрести статус уважаемого и признанного ученого. Неизвестно, как сложилась бы его судьба (особенно трудными были годы второй мировой войны и ей предшествующие), если бы не прекрасный обычай, издавна бытующий в странах Европы и Америки, — благотворительность. Специальные фонды, стипендии для начинающих ученых, выделяемые богатыми людьми для поддержки научных изысканий, — вся эта система благотворительных обществ помогает людям и стимулирует развитие науки.

И все же главная мечта профессора Крамера, к осуществлению которой он прилагает много усилий, пока не исполнилась — он стремится к созданию специального Американского института шумерологии, где в широком масштабе велось бы изучение языка, истории и культуры Шуме-

ра. Института нет, а подготовка специалистов в международном масштабе ведется. Как уже упоминалось, много лет подряд Крамер, а ныне и его младшие коллеги Акё Шеоерг и Джейн Хампердингер заняты обучением студентов и аспирантов — семинары, лекции, специальные занятия. Стажировка в Америке (обычно на год) начинающего ученого стала традицией. А за последние годы появились молодые специалисты из стран, непосредственно связанных с очагами древних культур, ареною нынешних археологических раскопок, — Турции, арабского региона, Израиля.

Когда осенью 1957 г. по приглашению Академии наук профессор Крамер приехал в научную командировку на свою первую родину, в Россию, его встретили пять специалистов по клинописи, работавшие в Ленинграде. Двое из них — академик В.В. Струве и И.М. Дьяконов — занимались в то время Шумером и были широко известны. Только что появились и три аспиранта. Один был оставлен для преподавания в Университете, а две аспирантки решились изучать шумерскую культуру — И. Т. Канева избрала своей областью шумерскую грамматику, а автор этих строк — литературу и искусство Шумера. При первой же встрече профессор Крамер заговорил о важности стажирования в Америке, где находятся такие обширные собрания, и предложил свою помощь в обучении. «Вы не хотите? — наивно спрашивал он нас, — вам не кажется, что это может принести вам пользу? Ведь можно добиться такой поездки по научному обмену». К сожалению, даже по обмену этой стажировки добиться не удалось, хотя по возвращении в Америку профессор Крамер сразу же занялся организацией этой поездки и даже обращался по этому вопросу в Госдепартамент США. И все же осмеливаюсь причислить себя к ученикам Крамера, хотя бы отчасти. Моя дипломная работа и первые статьи были написаны на основании его публикаций. Его замечания и одобрения при встречах, к сожалению, очень немногочисленных и почти всегда случайных, ободряли и вдохновляли на дальнейшую работу. И то, что здесь, в книге Крамера помещены мои стихотворные переводы шумерских текстов, в первую очередь говорит о том, что его заочные уроки не пропали даром. Главная заслуга в этом, конечно, моих замечательных отечественных учителей, первым из которых я считаю И. М. Дьяконова, но, несомненно, что основная ветвь изучения шумерской литературы отходит от трудов Сэмюэла Ноя Крамера. Остается надеяться, что и новая интерпретация шумерских памятников будет принята тем, кто так любит, когда ему возражают.

В конце своих воспоминаний профессор Крамер делится с читателем еще одной болью своего сердца, может быть, самой глубокой — враждой, и поныне делящейся между двумя народами-родственниками. Он хотел бы, чтобы прах его был погребен в древнем шумерском городе Уре, по преданию, месте рождения праотца Авраама, «...как символ и напоминание арабо-еврейского родства и братства... но боюсь, что даже шумерский дух-покровитель не сумеет помочь воплощению этого символического желания». И все же он не теряет надежды: «...я верю, что настанет день, когда древний Шумер и Ур, воскрешенные из пыли и пепла современными археологами, помогут оживить духовные и родственные связи между арабами и евреями». Он приводит древнюю шумерскую поговорку — «Дружба длится день, родство — вечно».

«История начинается в Шумере» и все остальные труды Крамера, вся его жизнь и общественная деятельность показывают, насколько глубоко и истинно его понимание родства — это представление о целостном развитии человеческой культуры и цивилизации, о единстве духа, о земле как об общечеловеческой вотчине. Вот почему мечтает он о погребении в Уре — даже после смерти хотелось бы ему послужить этому единству. Что ж, оба свои имени оправдал Симха Ной Крамер — принес в мир радость и, достойно пережив многие катаклизмы, обрел право на бессмертие духа, на человеческую память.

Закончено 28 сентября 1988 года.

В. Афанасьева.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Россия никогда не производила раскопок в Ираке, на родине клинописи, и тем не менее, начиная со второй половины XIX в. и вплоть до наших дней, у русских была и есть замечательная школа научного изучения клинописи.

После первых исследований, проделанных двумя заслуженными учеными Н.П. Лихачевым и М.В. Никольским, эта наука быстро двинулась вперед благодаря трудам В.К. Шилейко, А.П. Рифтина и, наконец, академика В.В. Струве, одного из виднейших востоковедов и историков мира. Их ученики и последователи И.М. Дьяконов и Л.А. Липин (я называю только тех, с работами которых хорошо знаком) воспитывают новое поколение советских шумерологов и ассириологов при всесторонней поддержке Академии наук СССР. Поэтому я считаю большой честью то, что моя книга «История начинается в Шумере» переведена на русский язык и стала доступной людям страны, сумевшей воспитать замечательную плеяду ученых, несмотря на годы гражданской войны, второй мировой войны и прочих трудностей.

«История начинается в Шумере» впервые была опубликована в 1959 г. Это популярное издание моего труда «Таблички Шумера», вышедшего в 1956 г. В издании 1956 г. помещены очерки от 25 первых письменно зафиксированных достижениях человечества. В последующем издании я смог рассказать еще о двух таких достижениях, выявленных за последние годы в результате специальных исследований. Что касается русского издания, то я счастлив заявить, что могу включить в него еще три новые главы. Глава о первых элгиях — расшифровка очень интересной глиняной таблички из московского Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина на основе моей монографии, вышедшей в Москве в 1961 г. (с параллельным текстом на русском и английском языках). «Первые успехи в труде» и «Первый рыбный заповедник» — результаты новейших

исследований моего молодого испанского коллеги, сотрудника Музея Пенсильванского университета М. Сивила.

Глава «Медицина» (о первой фармакопее) фактически написана заново для русского издания в связи с последними данными, полученными М. Сивилом. И наконец, глава «Сельское хозяйство» (о первом «календаре земледельца») подверглась значительной переработке в соответствии с новым переводом шумерского документа, подготовленным мною несколько лет назад.

Последняя, 30 глава русского издания книги рассказывает о том, как шумеры представляли себе «золотой век» человечества. Далекое прошлое рисовалось их воображению как счастливое время, когда люди жили в мире и согласии, не зная страха, раздоров и нужды. На протяжении четырех тысяч лет, которые прошли с тех пор, как шумеры написали задушевные строки о «потерянном рае», войны и раздоры, нищета и голод, страх и произвол непрестанно терзают человечество. Но сегодня свежий ветер подул над миром и освежил атмосферу, пропитанную противоречиями. Сегодня дух сотрудничества и взаимопомощи начинает овладевать умами людей — и прежде всего в сфере науки и культуры. Возможность установления мира и согласия на земле стала более реальной. Пусть этому способствует русское издание моей книги, в которой я, американский ученый, родившийся в России, рассказываю о древнейшей цивилизации — цивилизации, свидетельствующей о глубоком единстве рода человеческого во все времена и во всех странах мира.

*Посвящается памяти
выдающегося шумеролога,
моего учителя и коллеги Арно Пёбеля
(1881—1958)*

1. ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕРВЫЕ ШКОЛЫ

Шумерская школа возникла в результате появления письменности, той самой клинописи, изобретение и усовершенствование которой явилось самым значительным вкладом Шумера в историю цивилизации.

Первые письменные памятники были обнаружены среди развалин древнего шумерского города Урука (библейский Эрех). Здесь нашли более тысячи маленьких глиняных табличек, покрытых пиктографическим письмом. В основном это были хозяйственные и административные записи, однако среди них оказалось несколько учебных текстов: списки слов для заучивания наизусть. Это свидетельствует о том, что по меньшей мере за 3000 лет до н.э. шумерские писцы уже занимались вопросами обучения. В течение последующих веков это дело развивалось медленно, однако к середине III тысячелетия до н.э. на территории Шумера, по-видимому, существовала сеть школ для систематического обучения чтению и письму. В древнем Шуруппаке — на родине шумерского «Ноя» (см. гл. 22) — во время раскопок 1902 — 1903 гг. было найдено значительное количество табличек со «школьными текстами», относящимися к периоду около 2500 г. до н. э.

Однако шумерские школы достигли своего расцвета только во второй половине III тысячелетия до н. э. Обнаружены десятки тысяч глиняных табличек этого периода, и не вызывает сомнений, что сотни тысяч аналогичных текстов еще покоятся в земле, ожидая будущих исследователей. Большинство табличек заполнено административными и хозяйственными записями. По ним можно шаг за шагом проследить весь ход экономической жизни древнего Шумера. Из них же мы узнаём, что количество профессиональных писцов в тот период достигало нескольких тысяч. Писцы

делились на младших и старших; были писцы царские и храмовые, писцы с узкой специализацией в какой-либо одной области и писцы высокой квалификации, которые занимали важные государственные должности. Все это дает основания предполагать, что по всему Шумеру было разбросано множество довольно крупных школ для писцов и что этим школам придавалось немалое значение.

Однако ни одна из табличек этой эпохи еще не дает нам ясного представления о шумерских школах, о системе и методах обучения в них. Чтобы получить такого рода сведения, необходимо обратиться к табличкам первой половины II тысячелетия до н. э. Из археологического слоя, соответствующего этой эпохе, были извлечены сотни учебных табличек со всевозможными заданиями, выполненными самими учениками во время уроков. Здесь представлены все стадии обучения. Такие глиняные «тетрадки» позволяют сделать немало интересных выводов о системе обучения, принятой в шумерских школах, и о программе, которая там изучалась. К счастью, и сами преподаватели любили писать о школьной жизни. Многие из этих записей также сохранились, хотя и в отрывках. Эти записи и учебные таблички дают достаточно полное представление о шумерской школе, о ее задачах и целях, об учениках и учителях, о программе и методах обучения. В истории человечества это единственный случай, когда мы можем узнать так много о школах столь отдаленной эпохи.

Первоначально цели обучения в шумерской школе были, так сказать, чисто профессиональными, то есть школа должна была готовить писцов, необходимых в хозяйственной и административной жизни страны, главным образом для дворцов и храмов. Эта задача оставалась центральной на протяжении всего существования Шумера. Но по мере развития сети школ, а также по мере расширения учебных программ школы постепенно становятся очагами шумерской культуры и знания. В них формировался тип универсального «ученого» — специалиста по всем существовавшим в ту эпоху разделам знания: по богословию, ботанике, зоологии, минералогии, географии, математике, грамматике и лингвистике, причем нередко эти ученые обогащали знания своей эпохи.

Наконец, в отличие от современных учебных заведений шумерские школы были своеобразными литературными центрами. Здесь не только изучали и переписывали литературные памятники прошлого, но и создавали новые произведения.

Большинство учеников, оканчивавших эти школы, как правило, становились писцами при дворцах и храмах или в хозяйствах богатых и знатных людей, однако определенная их часть посвящала свою жизнь науке и преподаванию. Подобно университетским профессорам наших дней, многие из этих древних ученых зарабатывали себе на жизнь преподавательской деятельностью, посвящая свое свободное время исследованиям и литературному труду.

Шумерская школа, первоначально возникшая, по-видимому, как придаток храма, со временем отделилась от него, и ее программа приобрела в основном чисто светский характер. Поэтому труд учителя, вероятнее всего, оплачивался за счет взносов учеников.

Разумеется, в Шумере не было ни всеобщего, ни обязательного обучения. Большинство учеников происходили из богатых или зажиточных семей — ведь беднякам было нелегко найти время и деньги для продолжительной учебы. Хотя ассириологи давно пришли к такому выводу, это была только гипотеза, и лишь в 1946 г. немецкий ассириолог Николаус Шнейдер сумел подкрепить ее остроумными доказательствами, основанными на документах той эпохи. На тысячах опубликованных хозяйственных и административных табличек, относящихся примерно к 2000 г. до н. э., упоминается примерно пятьсот имен писцов. Многие из них, во избежание ошибки, рядом со своим именем ставили имя своего отца и указывали его профессию. Тщательно рассортировав все таблички, Н. Шнейдер установил, что отцами этих писцов — а все они, разумеется, обучались в школах — были правители, «отцы города», посланники, управляющие храмами, военачальники, капитаны судов, высшие налоговые чиновники, жрецы различных рангов, подрядчики, надсмотрщики, писцы, хранители архивов, счетоводы. Иными словами, отцами писцов были наиболее зажиточные горожане. Интересно, что ни в одном из документов не встречается имени писца-женщины; по-видимому, в шумерских школах обучались только мальчики¹.

Во главе школы стоял «уммиа» (знающий человек, учитель), который именовался также «отец школы». Ученики назывались «сыновьями школы», а помощник учителя — «старшим братом». В его обязанности, в частности, входило изготовление каллиграфических табличек-образцов, которые потом переписывали ученики. Он же проверял письменные задания и заставлял учеников рассказывать выученные ими уроки.

В числе преподавателей были также учитель рисова-

ния и учитель шумерского языка, наставник, следивший за посещаемостью, и так называемый «владеющий хлыстом» (очевидно, надзиратель, отвечавший за дисциплину в школе). Трудно сказать, кто из них считался выше по рангу; мы знаем только, что «отец школы» был ее фактическим директором. Нам ничего неизвестно и об источниках существования школьного персонала. Вероятно, «отец школы» выплачивал каждому его долю из общей суммы, поступавшей в уплату за обучение.

Что касается школьных программ, то здесь к нашим услугам богатейшие сведения, почерпнутые из самих школьных табличек, — факт поистине уникальный в истории древности. Поэтому нам нет нужды прибегать к косвенным свидетельствам или к сочинениям древних авторов: мы располагаем первоисточниками — табличками учеников, начиная от каракулей «первоклассников» и кончая работами «выпускников», настолько совершенными, что их с трудом можно отличить от табличек, написанных преподавателями.

Эти работы позволяют установить, что курс обучения шел по двум основным программам. Первая тяготела к науке и технике, вторая была литературной, развивала творческие способности.

Говоря о первой программе, необходимо подчеркнуть, что она отнюдь не была подсказана жадной жаждой знания, стремлением познать истину. Эта программа постепенно сложилась в процессе преподавания, основная цель которого заключалась в обучении шумерскому письму. Исходя из этой основной задачи, шумерские учителя создали систему обучения, основанную на принципе лингвистической классификации. Лексика шумерского языка разделялась ими на группы, в которых слова и выражения были связаны общим смыслом. Эти группы слов заучивались и переписывались до тех пор, пока ученики не привыкали воспроизводить их самостоятельно. Но к III тысячелетию до н. э. подобные «ученые тексты» начали заметно расширяться и постепенно превратились в более или менее стабильные учебные пособия, принятые во всех школах Шумера.

В одних текстах приводятся длинные списки названий деревьев и тростников; в других — названия всевозможных живых существ (животных, насекомых и птиц); в третьих — названия стран, городов и селений; в четвертых — названия камней и минералов. Подобные списки свидетельствуют о значительной осведомленности шумеров в области «ботаники», «зоологии», «географии» и «минералогии» —

весьма любопытный и малоизвестный факт, который лишь недавно привлек внимание ученых, занимающихся историей науки.

Шумерские педагоги также создавали всевозможные математические таблицы и составляли сборники задач, сопровождая каждую соответствующим решением и ответом.

Говоря о лингвистике, следует прежде всего отметить, что особое внимание, судя по многочисленным школьным табличкам, уделялось грамматике. Большинство таких табличек представляет собой длинные списки сложных существительных, глагольных форм и т. п. Это говорит о том, что грамматика шумеров была хорошо разработана. Позднее, в последней четверти III тысячелетия до н. э., когда семиты Аккада постепенно завоевали Шумер, шумерские педагоги создали первые известные нам «словари». Дело в том, что завоеватели-семиты переняли не только шумерскую письменность; они также высоко ценили литературу древнего Шумера, сохраняли и изучали ее памятники и подражали им даже тогда, когда шумерский стал мертвым языком. Этим и была вызвана необходимость в «словарях», где давался перевод шумерских слов и выражений на язык Аккада.

Обратимся теперь ко второй учебной программе, которая имела литературный уклон. Обучение по этой программе заключалось в основном в заучивании и переписывании литературных произведений второй половины III тысячелетия до н. э., когда литература была особенно богата, а также в подражании им. Таких текстов были сотни, и почти все они представляли собой стихотворные произведения размером от 50 (или менее) до 1000 строк. Судя по тем из них, которые удалось составить и расшифровать, эти произведения принадлежали к различным жанрам: мифы и эпические сказания в стихах, прославляющие подвиги шумерских богов и героев; хвалебные гимны богам и царям, плачи о разрушенных, побежденных городах, поучительные произведения, включающие басни, пословицы и назидания. Среди тысяч литературных табличек и их обломков, извлеченных из развалин Шумера, многие представляют собой школьные копии, переписанные руками учеников.

О методах и технике преподавания в школах Шумера мы пока знаем совсем немного. С утра, придя в школу, ученики разбирали табличку, которую написали накануне. Затем «старший брат», то есть помощник учителя, подготавливал новую табличку, которую ученики начинали разбирать и переписывать. «Старший брат», а также «отец

школы», видимо, следили за работой учеников, проверяя, правильно ли они переписывают текст. Несомненно, что успехи шумерских учеников в значительной мере зависели от их памяти. Учителя и их помощники должны были сопровождать подробными объяснениями слишком сухие списки слов, таблицы и литературные тексты, переписываемые учениками. Но эти «лекции», которые могли бы оказать нам неоценимую помощь в изучении шумерской научной и религиозной мысли и литературы, по-видимому, никогда не записывались, а потому навсегда утрачены.

Несомненно одно: преподавание в школах Шумера не имело ничего общего с современной системой обучения, при которой усвоение знаний в значительной степени зависит от инициативы и самостоятельной работы самого ученика. Что касается дисциплины, то без палки дело не обходилось. Вполне возможно, что не отказываясь от поощрения учеников за успехи, шумерские педагоги все же больше полагались на устрашающее действие палки, мгновенно каравшей за любую ошибку или небрежность. Жизнь ученика была отнюдь не райской. Он ходил в школу каждый день и просиживал там с утра до вечера. Наверное, в течение года устраивались какие-то каникулы, но мы об этом не имеем никаких сведений. Обучение длилось годами, ребенок успевал превратиться в юношу. Интересно было бы узнать, имели ли шумерские ученики возможность выбирать себе ту или иную специализацию, и если да, то в какой мере и на каком этапе обучения. Однако об этом, как и о многих других подробностях, источники умалчивают.

Как же выглядела сама шумерская школа? В ходе многочисленных раскопок в Месопотамии было обнаружено несколько зданий, которые по тем или иным признакам можно определить как школьные. Одно из них находилось в Ниппуре, другое — в Сиппаре, а третье — в Уре. Но, кроме того, что в каждом из этих зданий найдено большое количество табличек, они почти ничем не отличаются от обыкновенных жилых домов, а потому наша догадка может быть и ошибочной. Только зимой 1934/35 г. французские археологи обнаружили в городе Мари на Евфрате (на северо-запад от Ниппура) две комнаты, которые по своему расположению и особенностям явно представляют собой школьные классы. В них сохранились ряды скамеек из обожженного кирпича, рассчитанные на одного, двух или четырех учеников.

Но что думали сами ученики о тогдашней школе? Чтобы дать на этот вопрос хотя бы неполный ответ, обратимся

к следующей главе, в которой приводится весьма любопытный текст о школьной жизни в Шумере, написанный почти четыре тысячи лет назад, но лишь недавно собранный из многочисленных отрывков и наконец-то переведенный. Этот текст дает, в частности, ясное представление об отношениях между учениками и учителями и является уникальным первым документом в истории педагогики.

2. ШКОЛЬНЫЕ БУДНИ

ПЕРВЫЙ «ПОДХАЛИМ»

Этот документ — один из самых человеческих среди обнаруженных на Ближнем Востоке текстов — посвящен повседневной жизни шумерского школьника. Его сочинил неизвестный учитель, живший за две тысячи лет до нашей эры.

Простыми словами, без всякого приукрашивания, анонимный автор ведет свой рассказ, из которого явствует, как мало изменилась человеческая природа за прошедшие тысячелетия.

Шумерский школьник, о котором повествует текст, очень похож на современного. Он боится опоздать в школу, ибо за это «учитель побьет его палкой». Едва проснувшись, он торопит мать, чтобы та поскорей приготовила ему завтрак.

В школе за каждую провинность учитель или помощник учителя бьют его палкой. Последняя деталь не вызывает сомнений, потому что шумерский знак, означающий «телесное наказание», состоит из двух знаков: «тело» и «палка» (или «трость»).

Что касается учителя, то его доходы в те времена были, по-видимому, ничтожными, как нередко бывает и в наши дни. Во всяком случае, он очень радовался, когда получал от родителей учеников дополнительные приношения и подарки.

Текст, несомненно составленный одним из «педагогов» «дома табличек», начинается с прямого вопроса, обращенного к ученику:

- Школьник, куда ты сызмальства ходишь?²
- Я хожу в школу.
- Чем же ты занимаешься в школе?
- Я табличку мою изучаю. Завтрак мой потом съедаю.

Вот табличку мою я сделал, написал ее, закончил.
Копии мои поставив,
К полудню задания мои подготовив,
Окончив школьные занятия, я могу идти домой.
Я спешу домой, где отец меня ждет.
Вот задание мое я ему рассказал,
Табличку мою ему прочитал — очень доволен мой отец³...
Вот поутру пробудился я.
Матушку увидел я.
— Приготовь мне поесть — я в школу иду! — вот что я ей сказал.
Матушка мне два хлебца дала — прямо перед нею я и поел.
С собою мне матушка два хлебца дала — и в школу я побежал.
А в школе наставник: «Ты что опоздал?» — так он сказал.
Все внутри у меня затряслось.
Вот к учителю я подошел, вот ему поклонился я.

Однако почтительность не помогла: как видно, это был черный день для нашего ученика. Ему досталось от разных учителей и за болтовню, и за то, что он встал с места во время урока, и за то, что вышел за ворота школы. Но хуже всего было то, что учитель сказал ему: «Твоя рука (рукопись) никуда не годится», и снова побил его палкой.

Похоже, что для ученика это было чересчур. Поэтому он внушает своему отцу мысль о том, что неплохо было бы пригласить учителя к ним в дом и задобрить каким-нибудь подарком. Это, несомненно, первый «подхалим» в истории школы⁴. Далее автор продолжает.

«Отец внял словам ученика.

Учителя школьного он позвал.

В дом пригласил, на место почета его посадил.

Школьник служил ему, пред ним он встал

И все, что грамоте он постиг,

Отцу своему он показал.

Отец его с ликующим сердцем

Отцу школьному радостно молвит:

"Вот малыш мой руку раскрыл, и ты мудрость свою в нее вложил.

Грамотейную мудрость, всю искусность ее ты ему открыл.

Все решения, все вычисления, все толкования ты ему объяснил,

Познание, сокровенность его — тем сиянием ты его озарил!"

И новое платье обрядили, хлебом-пищей одарили, кольцами руки
его украсили.

Учитель в радости сердца молвит:

"Малыш, ты слов моих не отбрасывал, не отшвыривал.

Грамотейной мудрости вершины достигнешь, в совершенстве

ее изучишь!

Нечто ты сумел мне дать, так, что я мог это принять.

Хлеб — мое пропитанье, сверх меры ты дал, честь великую

мне оказал.

Нидаба, владычица защитниц, твоей покровительницей да станет!
В тростниковую палочку удачу да вложит!

Из копии глиняной зло да изымет!

Перед братьями своими да встанешь!

Над сверстниками верховодить будешь!

Лучшим из лучших среди учеников школы да будешь признан!"»

Этими радостными, исполненными оптимизма словами учителя и завершается текст о школьной жизни. Вряд ли автор предполагал, что его литературную безделушку через четыре тысячи лет извлекут из-под развалин и что в двадцатом веке новой эры она будет восстановлена и прочитана профессором американского университета! К счастью, этот текст уже в древности стал популярен и получил широкое распространение, о чем можно судить хотя бы по тому, что мы располагаем сейчас 21 его копией, в различной степени сохранности. Тринадцать копий находятся в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии, семь — в Музее Древнего Востока в Стамбуле, одна хранится в Лувре.

Документ дошел до нас в многочисленных отрывках, которые постепенно собирались воедино. Первый фрагмент был издан в 1909 г. тогда еще молодым ассириологом Гуго Радау. Но это был отрывок из середины текста, а потому Радау не смог понять, о чем идет речь. В течение следующих 25 лет новые фрагменты были опубликованы выдающимися, ныне покойными учеными Стефаном Лэнгдоном, Эдвардом Кьера и Анри де Женуяком. Однако их расшифровки все еще не раскрывали смысл всего произведения. В 1938 г., во время моего продолжительного пребывания в Стамбуле, мне удалось отыскать еще пять фрагментов. Один из них, в довольно хорошем состоянии, сохранился на табличке, на которой когда-то четыремя столбцами был начертан весь текст целиком. Затем были опознаны другие фрагменты, хранившиеся в Музее Пенсильванского университета. Среди них оказались хорошо сохранившаяся табличка в четыре столбца и множество обломков, на которых уцелели по одной-две строчки. В конечном счете сегодня текст, за исключением нескольких знаков, восстановлен практически полностью.

Однако это был только первый этап: оставалось еще сделать научно достоверный перевод, чтобы древний документ стал доступен широкому кругу читателей. Сделать такой перевод не менее важно, чем восстановить текст, и, пожалуй, гораздо труднее. Отдельные отрывки были с успехом

переведены шумерологами Торкильдсом Якобсоном (Восточный институт, Чикаго) и Адамом Фалькенштейном (Гейдельбергский университет). Их труды, а также многочисленные предположения, высказанные Бенно Ландсбергером, ранее работавшим в Лейпциге и Анкаре, а ныне профессором Восточного института в Чикаго, позволили подготовить первый полный перевод текста, который был опубликован в 1949 г. в *Journal of the American Oriental Society*.

Разумеется, многие слова и выражения шумерского текста до сих пор не вполне ясны. Но мы не сомневаемся, что в будущем какой-нибудь пытливый ученый сумеет сделать абсолютно точный перевод этого древнего документа⁵.

Шумерская школа была довольно мрачной и неприветливой, программа обучения — сухой, преподавание — скучным и однообразным, дисциплина — суровой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что некоторые ученики под любыми предлогами пропускали занятия и становились, как теперь говорят, «трудными» детьми. Это подводит нас к первым письменно зафиксированным случаям «детской преступности». Относящиеся к данному вопросу документы любопытны сами по себе, не говоря уже о том, что в них впервые встречается шумерское слово «намлулу», то есть «человечность». Оно употребляется для обозначения поведения и поступков, приличествующих человеку.

3. ОТЕЦ И СЫН

ПЕРВЫЙ «НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ»

В наши дни преступность несовершеннолетних стала серьезной проблемой. Пусть нам послужит утешением то, что в древности дело обстояло немногим лучше! Своенравные, непослушные и неблагодарные дети были наказанием для своих родителей уже тысячи лет тому назад. Они слонялись по улицам и перекресткам и вертелись на людных площадях — может быть, даже целыми группами, — несмотря на все усилия их наставников. Они ненавидели учение и школу и досаждали своим родителям вечными жалобами и нытьем.

Обо всем этом мы узнаем из древнего шумерского текста,

который лишь недавно был восстановлен. Этот документ, состоящий из семнадцати глиняных табличек и фрагментов, написан примерно 3700 лет тому назад. Вполне возможно, что текст был создан на несколько сот лет ранее.

Произведение, о котором идет речь,— диалог между писцом и его непутевым сыном — предваряется введением. В нем отец более или менее дружески убеждает сына ходить в школу, прилежно учиться и возвращаться домой, не задерживаясь на улице. Чтобы убедиться, что сын слушает его внимательно, отец заставляет его повторять дословно каждую свою фразу.

Затем беседа превращается в монолог отца. Отец начинает с практических советов, которые должны помочь сыну «стать человеком»: не болтайся по улицам и садам; слушайся своего наставника; ходи в школу, изучай опыт прошлого. Далее следуют горькие упреки в адрес своенравного сына, который, по словам отца, довел его до отчаяния своей трусливостью и «нечеловечным» (т.е. недостойным человека) поведением. Отец глубоко опечален сыновней неблагодарностью. Он никогда не заставлял сына ходить за плугом и погонять быков, никогда не посылал его за топливом, не просил помочь ему, как это делают другие отцы. И тем не менее сын его оказался гораздо хуже, нежели сыновья других людей.

Подобно многим современным родителям, отец больше всего огорчен тем, что сын отказывается следовать по его стопам — не хочет быть писцом. Он побуждает сына превзойти друзей, приятелей и братьев, избрав отцовскую профессию, хотя она и труднее всех остальных, ибо искусство письма — самое сложное из всего, что придумал и дал людям бог искусств и ремесел. Отец говорит, что эта профессия необходима для передачи человеческого опыта в поэтической форме. В любом случае, продолжает он, сын должен следовать по стопам отца, ибо так приказал Энлиль, повелитель богов.

После заключительных упреков отца в связи с тем, что сын стремится к материальным благам, а не к достойной человека деятельности, значение текста становится неясным. Создается впечатление, что далее следуют краткие, афористические высказывания, цель которых, по-видимому, заключается в том, чтобы наставить сына на путь истинный. Так или иначе, концовка благополучная. Отец благословляет сына и молится, чтобы на того снизошла милость их семейного бога (бога луны Нанны) и его супруги, богини Нингаль.

Вот почти буквальный, хотя и неокончательный перевод наиболее понятных отрывков текста. Опущены только отдельные неясные фразы или поврежденные кое-где строки.

— Куда ты собрался?

— Никуда не собрался.

— Если ты никуда не ходишь, как ты дни свои проводишь?

В школу иди. В школе сиди.

Заданье читай. Задачки решай.

Табличку глиняную пиши.

Новую глиняную табличку «старший брат твой школьный» пусть тебе напишет.

Как домашнее заданье свое окончишь,

Старосте своему ответишь, вот тогда ко мне иди.

Что сказал я, ты понял?

— Да, я понял и могу ответить.

— Так отвечай.

— Ну и отвечу.

— Так говори же.

— Ну и скажу.

— Быстрее скажи же!

— Чтобы в школу я ходил, ты мне говорил.

Чтоб уроки отвечал. Уравнения решал.

Табличку глиняную писал.

Чтоб мой «старший школьный брат» мою табличку начинал.

Чтоб, когда я заданье сделаю, к трудам моим возвратившись,

Когда старосте расскажу его, то к тебе бы шел, вот что ты сказал.

— Ну так ступай же, будь человеком.

На площадях не торчи, не шляйся,

По улицам не слоняйся.

Переулком идешь, по сторонам не пялся.

Для тебя же я стараюсь!

Если уж я тебя наставляю,

То наставлениям, что даются,

Не должен ли младший им подчиниться?

Вот для тебя лишь и живу я,

А ты по улицам шатаешься!..

Учись у меня, учись у старших!

Пока полностью не стал ты взрослым,

Сердцем, печенкой ты рассуждаешь, но плоть твоя еще не созрела!

Так, как я о тебе забочусь,

Никто о сыне своем не заботится!

По одаренности природной никто ведь не может с тобою сравниться!

Ты поступаешь, как бездельник. рука твоя тебя недостойна!

Ведь если среди семьи искать нашей,

Тебе подобного не найдется!

Ведь то, что ныне тебе я молвлю,

Воистину глухоту проясняет!..

Лень твою, ложь твою не принимаю!

Мое сердце полно, полно сверх меры,

Оттого, что на тебя я гневаюсь!

Столько из-за тебя беспокойства!..

Твои заботы меня приканчивают,

Ты пустил мое сердце бродить по степи!
А ведь никогда я тебя на тростник, носить тростник не отправлял.
В тростниковых зарослях, там, где все малолетки его таскают,
Ты никогда в своей жизни тростника не таскал!
Вслед за быками моими идти я тебе не приказывал.
Да уж, трудиться — вслед за быками моими идти — я тебе
не приказывал!
Да и в полях моих трудиться с мотыгой я тебя не заставлял.
Да, этот труд — поля мотыжить — к нему я тебя не принуждал.
Да и к какой-либо иной работе никогда я тебя не принуждал.
«Иди, мол, трудись, хлеб для меня добывай!»
Да ни разу в жизни такого я тебе не сказал!
А живут по-иному тебе подобные — своим трудом.
Для отца с матерью хлеб добывают!
Стоит лишь посмотреть, как дети родных моих трудятся!
Ведь они, равно как все прочие, по десять *гуров** зерна добывают!
Малыши, а слуги своих отцов — по десять *гуров* зерна добывают!
А иные отцам своим и добавляют —
Зерно, масло, шерсть овечью приносят!
Вот это люди, они тебя превосходят!
Да рядом с ними ты не человек!
В умении выполнять работу ты не можешь с ними сравниться!
Да, да, с сыновьями родителей тех,
Что сынов своих научили трудиться!
— Что? Я не сумею так, как они трудиться?
— Да ведь больше, чем я о тебе пекусь,
Кто из людей о сыне печется?
Да никто из родичей моих смотреть на это бы просто не смог!
Вот же слова, что тебе говорю:
Стыд поймей, поймей совесть!
Твой ровесники, что одно ярмо
С тобой волокут — отчего ты на них не смотришь, по ним
не равняешься?
Друзья-сотоварищи твои — отчего ты на них не смотришь, по ним
не равняешься?
Вот! По «старшим братьям» твоим равняйся!
Вот! По «младшим братьям» твоим равняйся!
Средь премудростей человеческих, существующих в мире,
Из тех, что богом Энки по имени названы,
Столь тяжелого дела, как грамотейная мудрость, то, что я избрал,
Не было названо. Разве что искусство пения.
Подобно морским берегам, что далеки друг от друга,
Сердце, суть искусства пения также удалены.
Вот, о деле писцовом моем ты не думаешь вовсе...
А то, что Энлиль судьбою определил людям —
Дело отца своего да избирает сын,
Путь почитания благодный, — ты по нему не следуешь!..
Из-за тебя все мое тело днем и ночью будто разбито, все ребра
будто поломаны,
А ты денно и ноцно все веселишься!
Как пивно разбавленное, сочусь я по капле, мое тело обмякло!
А вот ты с деяньями твоими великими и вовсе распух!

*Гур. — 252,6 л. — *Примеч. пер.*

Стал ты толстым, стал ты жирным,
Весь расползся, весь расплылся!
Вся родня твоя думает, что плохо ты кончишь!
Почему ты не хочешь стать человеком, чему веселишься?
А меня вот веселье твое докснало!
Когда с клоунами, с певцами бродячими,
С ними и вокруг них ты крутишься,
То вся работа твоя — скакать и прыгать!
Для этого только ты и пригоден!
Но я заставлю тебя возвратиться!

Далее следует отрывок, состоящий из сорока одной строки, смысл которого неясен. По-видимому, он включает пословицы и старинные поговорки⁷.

Затем текст завершается отцовским поэтическим благословением:

Найди же милость своего бога!
Подними голову, грудь распрями — человек же ты!
Средь мудрецов городских ты должен быть лучшим!
Город твой, место прекрасное, да н^езов^от тво^е имя!
Имя честное, слово доброе да будет дано тебе твоим богом!
У Нанны, твоего бога, ищи милости!
Матерью Нингаль да будешь обласкан!
Нисаба, хвала тебе!

Однако, хотя многие и не хотят с этим согласиться, миром правят не преподаватели, не поэты и не гуманисты, проповедующие человечность, а государственные деятели, политики и солдаты. Поэтому наша следующая, 4-я глава будет посвящена первой в истории «политике с позиции силы» и шумерскому правителю, который 5000 лет назад пытался разрешить при помощи такой политики «международные конфликты».

4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПЕРВАЯ «ВОЙНА НЕРВОВ»

В том месте, где Мраморное море сужается, на стыке залива Золотой Рог и узкого, как река, Босфора, находится та часть Стамбула, которую турки называют Сарай-бурну, то есть «Дворцовый нос». Здесь около 500 лет назад завоеватель Стамбула султан Мехмед II воздвиг свой дворец, окружив его неприступными стенами. В последующие столетия его преемники постепенно расширяли эту резиденцию, возводя все новые мечети и павильоны, сооружая новые фонтаны и разбивая новые сады. По гладко вымощенным

дворам и под сенью деревьев некогда прогуливались обитательницы гаремов со служанками и сами повелители Османской Порты в сопровождении свиты. Мало кому открывался доступ во дворец, и еще меньше было число избранных, которым удавалось проникнуть в тайны дворцовой жизни.

Но эпоха султанов миновала, и «Дворцовый нос» преобразился. Стены с высокими башнями сильно разрушены временем, а сады превращены в общественные парки, где жители Стамбула находят прохладу. Что же касается самих зданий — запретных дворцов с уединенными павильонами, — то почти все они стали музеями. Султаны сюда никогда не вернутся, Турция стала республикой.

И вот я сижу в одном из этих музеев, в Музее Древнего Востока. Свет, струящийся из многочисленных окон, падает на большой стол. На стене висит портрет мужчины с широким лицом и задумчивыми глазами. Это Кемаль Ататюрк, основатель Турецкой республики. Много можно было бы написать об этом человеке, которого можно считать одним из самых выдающихся политических деятелей XX века. Но заниматься героями современности, даже если их деяния открыли целую новую эпоху, не мое дело. Я шумеролог и должен всецело посвятить себя забытым героям далекого прошлого.

Передо мной на столе лежит глиняная табличка. Примерно 4000 лет назад неведомый шумерский писец начертал на ней клинописные знаки. Табличка квадратная — 23×23 см, то есть меньше обычного листа бумаги для машинки. Однако писец разделил эту табличку на двенадцать столбцов и ухитрился уместить на ней крошечными значками более 600 строк героической поэмы. Поэму эту можно назвать «Энмеркар и правитель Аратты». Хотя описываемые в ней события происходили почти пять тысячелетий назад, поэма звучит удивительно современно, ибо в ней описывается международный конфликт, живо напоминающий о некоторых приемах поборников «политики с позиции силы».

Поэма повествует о том, как в давние времена, за много столетий до рождения нашего писца, городом-государством Уруком, расположенным в Южной Месопотамии между реками Тигром и Евфратом, правил славный шумерский герой Энмеркар. А далеко на севере от Урука, в Персии, находился другой город-государство, называвшийся Аратта. Он был отделен от Урука семью горными хребтами и стоял так высоко, что добраться до него было почти невозможно.

Аратта славилась своими богатствами — всевозможными металлами и строительным камнем, то есть именно тем, чего так не хватало городу Уруку, расположенному на плоской низменной равнине Двуречья. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Энмеркар с вожделием взирал на Аратту и ее сокровища. Он решил во что бы то ни стало подчинить себе народ Аратты и ее правителя и с этой целью начал против них своего рода «войну нервов». Ему удалось настолько запугать правителя Аратты и ее жителей, что те подчинились Уруку. «Война нервов» была выиграна.

Обо всем этом повествуется спокойным, неторопливым слогом, со множеством всяких околичностей, короче — в традиционном стиле эпической поэзии всех времен и народов.

Поэма начинается прославлением величия Урука и Куллаба. (Куллаб — часть города Урука или поселение близ него.) Автор подчеркивает, что покровительство богини Инанны давало Уруку преимущество перед Араттой. После этого введения начинается собственно повествование.

Однажды Энмеркар, сын бога солнца Уту, решив подчинить себе Аратту, воззвал к своей сестре, богине Инанне, — всеильной шумерской богине любви и войны, — и попросил ее сделать так, чтобы жители Аратты принесли ему золото, серебро, лазурит и драгоценные камни, а также построили святилища и храмы, в частности священный храм Абзу для бога воды Энки в городе Эриду.

Выслушав Энмеркара, Инанна советует ему выбрать подходящего посланца, способного пересечь высокие горы Аншан, отделявшие Урук от Аратты. Она обещает, что народ Аратты покорится Энмеркару и построит ему то, что он хочет. Энмеркар выбирает посланца и отправляет его к правителю Аратты, угрожая разрушить и опустошить город, если народ Аратты не пришлет с гор золото и серебро и не выстроит богато украшенный храм для бога Энки.

Чтобы произвести на правителя Аратты еще большее впечатление, Энмеркар приказывает своему посланцу произнести «закливание Энки». В нем идет речь о том, как Энки положил конец «золотому веку» человечества еще в те времена, когда над землей и ее обитателями единолично властвовал бог Энлиль.

Преодолев семь горных хребтов, посланец Энмеркара прибывает в Аратту, передает правителю все, что приказал передать его господин, и требует ответа. Однако правитель

Аратты не собирается уступать Энмеркару. Он тоже объявляет себя любимцем Инанны и утверждает, что богиня сама возвела его на трон Аратты. Тогда посланец сообщает правителю, что Инанна теперь — «царица Эанны» в Уруке и что она обещала Энмеркару господство над Араттой.

Правитель Аратты, ошеломленный этим сообщением, передает Энмеркару через его посланца ответ, осуждая его за то, что он хочет прибегнуть к силе оружия. Правитель предпочитает, чтобы вопрос был решен поединком двух воинов, представляющих каждый свою страну. Вместе с тем, поскольку Инанна от него отвернулась, он готов подчиниться Энмеркару, при условии, что тот пришлет ему много зерна. Посланец возвращается в Урук и передает этот ответ Энмеркару.

Прежде чем принять решение, Энмеркар совершает ряд обрядов, очевидно, составлявших часть какого-то ритуала. Посоветовавшись с богиней мудрости Нидабой, он нагружает зерном вьючных животных и поручает своему посланцу отвести караван в Аратту. Но вместе с тем посланец несет ответ Энмеркара, в котором Энмеркар провозглашает свое могущество и славу, ставит Энмеркару такие же точно условия, требуя от него сердолика и лазурита.

Достигнув Аратты, посланец сгружает зерно на дворцовой площади и вручает ответ Энмеркара. Народ Аратты, обрадованный присылкой зерна, готов послать Энмеркару сердолик (лазурит здесь не упоминается) и поручить своим «старейшинам» построить ему «божественный дом». Однако вспыльчивый правитель Аратты, провозгласив, в свою очередь, свое могущество и славу, ставит Энмеркару такие же точно условия, требуя от него сердолика и лазурита.

По возвращении посланца Энмеркар, по-видимому, обращается к различным оракулам. В частности, он берет тростник «сушима», который он переносит «из света во тьму, из тьмы на свет»; под конец, «когда проходит пять лет, когда проходит десять лет», Энмеркар срезает этот тростник.

Затем он вновь отправляет посланца в Аратту, но на сей раз вместо всякого ответа вручает ему свой скипетр. Вид этого символа власти почему-то приводит правителя Аратты в трепет. Он совещается со своим «шатамму» (очевидно, советником, обязанности которого не совсем ясны). С горечью говорит он о тяжелом положении, в которое поставила его и весь народ немилость Инанны, и склоняется к тому, чтобы уступить Энмеркару. Тем не менее он еще раз бросает Энмеркару вызов. Возвращаясь к первоначальному

плану, он снова предлагает решить дело поединком двух воинов. Тогда «станет ясно, кто сильнее».

Вызов составлен в весьма туманных выражениях. В нем говорится, что выбранный для поединка воин не должен быть «ни черный, ни белый, ни желтый, ни коричневый, ни крапчатый», — во всем этом, если речь идет о самом воине, трудно уловить какой-либо смысл.

Посланец вновь возвращается в Урук. Тогда Энмеркар отправляет его в Аратту со своего рода ультиматумом, состоящим из трех пунктов:

1) Энмеркар принимает вызов правителя Аратты и готов послать одного из своих приближенных, чтобы тот сразился с воином Аратты;

2) Энмеркар требует, чтобы правитель Аратты собрал для храма Инанны в Уруке золота, серебра и драгоценных камней;

3) Энмеркар вновь грозит сравнять Аратту с землей, если ее правитель и народ не доставят «горных камней», чтобы воздвигнуть и украсить святилище в Эриду.

Начало ультиматума Энмеркара до какой-то степени проясняет смысл условий правителя Аратты относительно цвета избранного для поединка воина. Здесь слово «воин» заменено словом «одеяние». По-видимому, речь идет об одежде, а не о внешности бойца.

Следующая далее часть поэмы представляет особый интерес. Если мы правильно понимаем текст, в нем говорится, что Энмеркар, владыка Куллаба, был, по мнению автора поэмы, первым, кто начал писать на глиняных табличках: он якобы избрал этот способ потому, что его «косноязычный» посланец не смог точно передать ответ (может быть, из-за его чрезмерной длины).

Однако вернемся к рассказу. Итак, посланец передает табличку правителю Аратты и ожидает ответа. Но тут происходит нечто непредвиденное. Правитель Аратты вдруг получает помощь! Ишкур, шумерский бог дождя и грозы, неожиданно приносит ему дикорастущую пшеницу и бобы. При виде пшеницы к правителю Аратты возвращается мужество. Вновь обретя уверенность, он говорит посланцу, что Инанна вовсе не покинула «ни дом свой, ни ложе свое в Аратте».

Дальнейший текст состоит из отрывков, и установить последовательность событий становится все труднее. Ясно лишь одно: народ Аратты в конечном счете принес для Инанны в Урук и золото, и серебро, и лазурит и сложил все это во дворе храма Эанны. Так завершается самая

длинная из обнаруженных в Шумере эпических поэм — первое произведение этого жанра в истории мировой литературы.

Текст поэмы «Энмеркар и правитель Аратты» был восстановлен по 20 табличкам и фрагментам, из которых самой полной до сих пор остается табличка в 12 столбцов из стамбульского Музея Древнего Востока. Она была скопирована мной в 1946 г., о чем уже упоминалось выше. Научное издание поэмы для специалистов — шумерский текст с переводом и комментариями — опубликовано Музеем Пенсильванского университета в 1952 г.⁸ Но даже неспециалиста должен заинтересовать этот первый образец героической эпической поэзии, обладающий рядом бесспорных достоинств. Поэтому ниже я привожу буквальный перевод наиболее сохранившихся отрывков из первой половины поэмы, который дает представление о ее специфическом стиле, настроении и духе.

Среди этих отрывков — обращение Энмеркара к Инанне и ответ богини, затем указания, которые Энмеркар дает своему посланцу и которые тот передает правителю Аратты; ответ возмущенного правителя Аратты; второе послание Энмеркара с пояснением, что теперь Инанна на его стороне, и, наконец, описание замешательства правителя Аратты.

И тогда жрец-правитель верховный, светлым сердцем Инанны
избранный.

С гор-каменьев сияющих светлым сердцем Инанны избранный,

Сестре своей, госпоже желаний,

Инанне пресветлой так молится:

«— Сестра моя, Инанна, пусть для Урука

Злато-серебро пусть искусно они, жители Аратты, обработают.

Лазурит благородный пластинами,

Электр, лазурит очищенный...

В Урук, гору святую, да принесут.

Дом Ашнана, место твоего престола,

Там Эанну тебе да выстроят.

Опочивальню священную⁹, твое жилище,

Пусть в сердце Аратты искусно отделают.

Я же сам, лазурный молодой бычок, там с тобою

да возлягу!

Аратта Уруку да покорится!

Пускай жители Аратты

Горные камни с их гор мне приносят!

Святылище великое мне да построят, престол великий мне

да воздвигнут!

Храм великий, храм божий в сиянии его да возведет мне,

Мои Сути в Куллаб да направят прямо

Абзу, словно гору священную, мне да воздвигнут!

Эредуг, подобно горе лесистой, для меня освятят!
Святылище Абзу, подобно многоцветному блеску, из бездны да
возведут его в сиянии!

А когда я из Абзу хвалы вознесу,
Когда Сути из Эредуга принесу,
Когда во жречестве моем корону, словно святылище,— храм на
себя возложу,

В Уруке, в Куллабе короною главу свою увенчаю,
То меня, *благодетеля, из святылища главного* в священную опочивальню
да отнесут,

Из опочивальни святой в святылище главное да отнесут!

Ахнут народ в восхищенье,
Уту да не наглядится в радости».

И тогда сияние высоких небес, госпожа, что на все страны смотрит,
Инанна, чей помазаннык — Амашумгальянна,

Инанна, владычица всех стран,

Энмеркару, сыну Уту, так говорит:
— Энмеркар, слово тебе скажу, прими мое слово,

Совет, что дам, со вниманием выслушай!

Из числа войск твоих отборных посланца слов твоих избери,
Вещи слова Инанны мудрой — Сутей ее — да отнесет!

В горы сверкающие да поднимется,

С гор сверкающих да спустится,

Сузам, горной стране Аншан,

Словно мышка, пусть смиренно поклонится,

Устрашенный мощью великих гор,

Пусть пылью дорожной покроется.

Аратта подчинится Уруку.

Воистину жители Аратты

Горные камни с гор своих тебе принесут,

Святыню великую тебе построят, престол великий тебе воздвигнут!

Храм великий, храм божий, в его сиянии тебе возведут,

Твои Сути истинно в Куллаб направят,

Абзу, словно гору священную, тебе воздвигнут,

Эредуг, подобно горе лесистой, для тебя освятят,

Святылище Абзу, подобно многоцветному блеску, из бездны
возведут в его сиянии!

И когда ты из Абзу хвалы вознесешь,

Из Эредуга Сути принесешь,

Когда жречеством верховным, словно святынею, увенчаешься,

Когда в Уруке, в Куллабе, корону на голову водрузишь,

То, как *благодетеля, из храма в опочивальню священную* тебя
да перенесут,

Как *благодетеля, из опочивальни святой во храм* да перенесут,

И тогда все люди восхищенно ахнут,

Уту, глядя на то, светло да возрадуется.

Ибо жители Аратты

Отныне к тебе прибывать станут.

Денно и ночью приумножаясь,

В местах Думузи, где многочисленны козы, овцы,

В полях орошенных, полях Думузи,

Словно горные овцы, они преклонят пред тобою колена.

Над грудью священной, взойдя в сиянии,

Ее украсою да станешь!

Тебе, Энмеркару, сыну Уту, — хвала!
Он жрец верховный, наставления Инанны пресветлой принял.
Гонца словомудрого из войск своих отборных выбрал.
— Слова священные, мудрость Инанны, Сути ее ты понесешь!
В горы Зуби ты поднимаешься,
С гор Зуби ты опустишься,
Сузы, горы Ашаана,
Словно *малая мышка* смиренно пройдешь,
Горы великие, *что, устрашая, множатся*,
В пыли, во прахе да пересечешь!
Посланником перед жрецом верховным Аратты скажи и добавь:
— Град его, словно голубя дикого, с дерева я сгоню!
Словно птицу, из гнезда выхвачу!
Как раба купленного, его убью,
Как во граде разрушенном прах его да соберу!
Аратта — на ней проклятие Энки,
Инанна против нее восстала,
Она против нее промолвила, а та слова ее повернула.
Словно холм, покрытый прахом, я покрою ее прахом!
Когда золото из руды они добудут, в кожаные мешки уложат,
Когда серебро очищенное драгоценное запакуют,
Запакуют драгоценные металлы,
Вьюки на горных ослов погрузят,
Для меня, кого Энлиль молодой избрал для Шумера,
Кого владыка Нудиммуд¹⁰ светлым сердцем выбрал,
«Гору обрядов святых» воистину пусть построят,
Самшитом великолепно отделают,
Да возведут пестроцветно «рога сиянья» подобно блеску
солнца-Уту, когда он из опочивальни¹¹ своей восходит!
Да разукрасят подобно звездам его пороги благими знаками-знаменьями!..
Гонец внял словам своего господина.
Ночью он путь держал по звездам.
Днем по солнцу небесному шел.
Вещие речи Инанны премудрой, Сути ее, он несет.
В горы Зуби он поднимается,
С гор Зуби он спускается.
Сузам, горной стране Аншан,
Словно *мышка*, смиренно он кланяется.
Кряжам великим, *что, устрашая, множатся*,
Во прахе он к ним оборачивается.
Пять гор, шесть гор, семь гор пересек,
Поднял взор — к Аратте приближается.
О величии своего господина он возвестил.
Он своих вестей смысл излагает,
Гонец жрецу верховному Аратты так молвит:
— Отец твой, государь мой меня к тебе послал,
Жрец верховный Урука, жрец верховный Куллаба меня к тебе послал.
— Государь твой, что сказал, что он добавил?
— Государь мой вот что сказал, вот что он добавил:
Государь мой по рождению, жрец верховный по избранию,
Он господин Урука, он дракон, Шумер животворящий
[или — в Шумере живущий].

Он, кто горы дробит, подобно ниве,
Могучий козел горных вершин,

Коза горная, свяшенно вспоенная, *когти вырывающая*,
В сердце гор рожденный короной священной
Энмеркар, сын Уту, меня к тебе прислал,
Государь мой вот что сказал:

— Град его, словно голубя дикого, с дерева я сгоню,
Словно птаху, из гнезда выхвачу!
Как раба купленного, убью!
Как во граде разрушенном прах его соберу!
Аратта — на ней проклятие Энки!
Инанна против нее восстала!
Она против нее промолвила, а та слова ее повернула!
Словно холм, покрытый прахом, я ее покрою прахом!
Когда золото из руды для меня они добудут, в кожаные мешки уложат,
Когда серебро очищенное, драгоценное, упакуют,
Упакуют драгоценные металлы,
Выюки на горных ослов нагрузят,

Для меня, кого Энлиль молодой для Шумера избрал,
Кого владыка Нудиммуд светлым сердцем выбрал,
«Гору обрядов святых» воистину пусть построят,
Самшитом великолепно отделают,
Да возведут пестроцветные «рога сиянья» подобно
сиянию солнца-Уту, когда оно из опочивальни выходит,
Да разукрасят подобно звездам его пороги благими знаками-знаменьями...

Так скажи, что должен я ему ответить,
Ему, семени свяшенному с лазуритовою бороною!
Тому, кого могучая корова¹ вскормила в стране чистых обрядов,
Тому, кто вознесся из почвы Аратты,
Кто в загоне священной коровы чистым молоком ее вскормлен,
Кто верховным жрецам в Куллабе, стране Сутей великих, назначен,
Энмеркару, сыну Уту,
Речения те как реченья благие да принесу я во храм Эанны!

В его святую опочивальню, что плодоносит, как плод прекрасный,
Моему государю, господину Куллаба, да вручу ему ответ твой!
И тогда он так ему сказал:

— Посланец, верховному жрецу Куллаба
Вот что скажи и вот что примолви:
«Я, владыка, чистой рукой принесенный,
Кого скипетр могучий небес, госпожа вселенной,
Сутей всех госпожа, пресветлая Инанна,
В Аратту, страну пречистых Сутей доставила!
Кого она пред нею в горах подобно вратам огромным поставила!
Отчего это Аратта покорится Уруку?
Аратта Уруку не покорится, так ты скажи ему!»

Когда он так ему сказал,
Посол жрецу верховному Аратты молвил:
«Великая владычица небес, что оседлала Сути ужасные,
Та, чей престол в горах сияющих,
Что святыни сверкающих гор изукрасила,
Моего государя, жреца верховного, словно слугу-шубарейца
Удостоила чести ввести ее, как хозяйку, в храм Эанны.
Жрец верховный Аратты пред ней да склонится [*ей покорится!*]
Так повелела она мне сказать у кирпичей священных Эанны!»
Тогда сердце жреца затрепетало, смешались мысли.

Он ответа найти не может, он ответ найти хочет.
Глазами лживыми под ноги смотрит, ответ отыскивает...

Древние правители Шумера, независимо от своих военных побед, все же не были единовластными тиранами или абсолютными монархами. Во всех наиболее важных государственных делах, в частности в вопросах о войне и мире, они совещались с наиболее влиятельными горожанами на своего рода торжественных собраниях. Один из таких «парламентов» был созван на заре истории Шумера, около 5000 лет назад, о чем рассказывает другая героическая поэма, созданная гораздо позднее. Об этом первом в истории «парламенте» и пойдет речь в следующей главе.

5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

ПЕРВЫЙ ДВУХПАЛАТНЫЙ «ПАРЛАМЕНТ»

Общественное и духовное развитие человечества зачастую идет медленно и таким извилистым путем, что его нелегко проследить. Могучие деревья вырастают порой за тысячи километров от того места, где зрели семена, из которых они поднялись, — иногда через тысячи лет после того, как эти семена созрели. Возьмем, к примеру, демократию как форму общественной жизни с ее основным учреждением — политическим собранием, или ассамблеей. Казалось бы, монополия на демократию целиком принадлежит западной цивилизации, да и учреждения ее возникли лишь за последние столетия. Кто бы мог подумать, что такие политические ассамблеи собирались тысячи и тысячи лет назад, да еще в такой стране, которая никак не связывается в нашем сознании с представлением о демократии! Однако терпеливый археолог уходит все дальше в глубь веков, охватывает все более широкие области и зачастую сталкивается с самыми удивительными открытиями. И вот в результате неутомимой работы «рыцарей кирки и лопаты» мы сегодня читаем о политическом собрании, имевшем место около пяти тысяч лет назад в самом неожиданном месте — на Ближнем Востоке!

Итак, около 2800 г. до н. э. торжественно открылась сессия первого известного истории политического собрания. Подобно современным парламентам, оно состояло из двух «палат»¹³: верхней палаты, «сената», или собрания старейшин, и нижней палаты, в работе которой мог-

ли принимать участие все граждане мужского пола, способные носить оружие. Это был «парламент военного созыва», собранный для решения основного вопроса: быть войне или миру. Ему предстояло выбрать либо «мир любой ценой», либо войну за независимость. «Сенат», состоявший из консервативных старейшин, высказался за мир на любых условиях, однако царь наложил на их решение свое «вето» и затем представил вопрос на рассмотрение «нижней палаты». Эта палата высказалась за войну во имя свободы, и царь утвердил ее решение.

Где же был созван первый известный истории «парламент»? Отнюдь не на Западе и не в Европе, как можно было бы предположить; политические собрания «демократической» Греции и республиканского Рима возникли много позднее. Как ни странно, наш древнейший парламент собрался в той части Азии, которая ныне называется Ближним Востоком — на прародине всяческих тиранов и деспотов, где о подобных политических собраниях, казалось бы, вообще не могло быть и речи. Он был созван в III тысячелетии до н. э. в стране, именовавшейся в древности Шумером и расположенной к северу от Персидского залива между реками Тигр и Евфрат. В те дни страна Шумер, чье местоположение приблизительно соответствует южной части современного Ирака, была населена народом, обладавшим, пожалуй, для своего времени наиболее высокоразвитой культурой.

Четыре-пять тысячелетий назад Шумер славился своими многолюдными городами, в центре которых возвышались великолепные общественные здания. Города вели широкую сухопутную и морскую торговлю со всеми соседними странами. Талантливейшие художники и мыслители Шумера создали систему религиозно-философских представлений, которая свято чтилась не только на их родине, но и во многих странах Ближнего Востока. Одаренные поэты Шумера воспевали своих богов, героев и царей. И наконец, в Шумере постепенно развилась письменность (писали тростниковыми палочками по сырой глине), впервые в истории позволившая человеку подробно и надежно запечатлеть свои дела и мысли, свои мечты, надежды, суждения и верования. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Шумер далеко продвинулся вперед и в области политических учреждений. Именно здесь был сделан первый шаг к созданию демократического правительства: ограничение власти царя и признание прав народного собрания.

Политическую ситуацию, потребовавшую созыва первого в истории «парламента», можно охарактеризовать следующим образом.

Подобно Греции гораздо более поздних времен, Шумер в III тысячелетии до н. э. представлял собой объединение нескольких городов-государств, соперничавших между собой за власть над всей территорией страны. Одним из наиболее значительных городов был Киш, который, согласно шумерской легенде, получил «верховную власть» от богов сразу же после «потопа». Впоследствии возвысился другой город-государство, Урук, расположенный много южнее Киша. Урук начал всерьез предъявлять претензии на главенство в Шумере. Царь Киша, осознав опасность, пригрозил Уруку войной, если тот не признает его верховным властителем. В этот решающий момент и были созданы две палаты урукского «парламента» — совет старейшин и совет мужчин города, способных носить оружие. Они должны были решить, что делать дальше — подчиниться Кишу и сохранить мир или же взяться за оружие и сражаться за свою независимость.

История борьбы между Уруком и Кишем изложена в форме эпической шумерской поэмы. Главными действующими лицами ее являются Агга, последний правитель I династии Киша, и Гильгамеш, царь Урука, «властитель Куллаба».

Поэма начинается с прибытия в Урук посланцев Агги. Они вручают царю Гильгамешу ультиматум. Прежде чем дать им ответ, Гильгамеш обращается к «собранию старейшин города», заклиная их не покоряться Кишу, а вооружиться и сражаться до победного конца. Однако «сенаторы» не разделяют его чувств: они предпочитают уступить и сохранить мир. Подобное решение не по душе Гильгамешу. Он повторяет свою речь перед «собранием мужчин города». Члены этого второго собрания решают сражаться: никаких уступок Кишу! Гильгамеш доволен. В благоприятном исходе борьбы он, по-видимому, несколько не сомневается.

Впрочем, борьба продолжалась недолго: «прошло не пять дней, прошло не десять дней», — говорит шумерский поэт. Агга осадил Урук и нагнал ужас на его обитателей. Конец поэмы не совсем ясен, однако можно предположить, что Гильгамеш каким-то образом завоевал расположение Агги и заставил его снять осаду, не доводя дело до сражения.

Вот отрывок из этой поэмы, где речь идет о «парламенте» Урука. Мы приводим текст шумерского поэта:

Послы Агги, сына Эн-Мебаргеси,
Из Киша в Урук к Гильгамешу явились.
Гильгамеш перед старцами своего города
Слово говорит, слова их ищет:
«Чтобы нам колодцы вырыть, все колодцы в стране вырыть,
Большие и малые в стране вырыть,
Чтобы работу завершить, ведро веревкой прикрепить,
Перед Кишем главы не склоним, Киш оружием сразим!»
Собрание старцев города Урука
Гильгамешу отвечает:
«Чтобы нам колодцы вырыть, все колодцы в стране вырыть,
Большие и малые в стране вырыть,
Чтобы работу завершить, ведро веревкой прикрепить,
Перед Кишем главу склоним, Киш оружием не сразим!»
И второй раз Гильгамеш, жрец Куллаба,
Перед мужами города слово говорит, слова их ищет:
«Чтобы нам колодцы вырыть, все колодцы в стране вырыть,
Большие и малые в стране вырыть,
Чтобы работу завершить, ведро веревкой прикрепить,
Перед Кишем главы не клоните, Киш оружием разите!..»
Тогда Гильгамеш, жрец Куллаба, —
Как взыграло сердце от речей воинов, взвеселилась печень!..

Как видите, шумерский поэт предельно лаконичен. Он только упоминает о «парламенте» Урука, состоявшем из двух палат, не приводя ни одной детали. А нам бы, конечно, хотелось знать, из скольких представителей состояла каждая палата, каким образом она избиралась и прочие подробности. Имел ли каждый представитель право выступать? Как достигалось согласие между двумя палатами? Каким образом члены обеих палат выражали свое мнение, и было ли у шумеров что-либо аналогичное нашим методам голосования? Имелся ли у них «председатель», который следил за ходом дебатов и выступал от имени собрания перед царем? Благородное и сдержанное повествование поэта не касается этих подробностей, но можно предположить, что и среди наших древних парламентариев кипели закулисные страсти и пускались в ход всяческие интриги. В городе-государстве Урук явно существовали две враждующие партии: партия войны и партия мира. И нетрудно представить, что и в те времена проводилось немало закулисных совещаний, похожих на наши совещания в прокуренных кулуарах, прежде чем лидеры каждой «палаты» объявляли окончательные и якобы единодушные решения «депутатов».

Вряд ли мы когда-либо найдем документальные подтверждения всех этих древних политических споров и компромиссов. Шансы на то, что нам в руки попадут подробные «исторические» хроники времен Агги и Гильгамеша, практически равны нулю, ибо письменность в ту эпоху была еще недостаточно развита. Что же касается нашей эпической поэмы, то она была зафиксирована на глиняных табличках через много веков после описываемых в ней событий — может быть, даже через тысячу лет после созыва достопамятной сессии «парламента» в древнем Уруке.

К настоящему времени обнаружены одиннадцать табличек и фрагментов с записями этой историко-политической поэмы. Четыре таблички были скопированы и изданы за последние сорок лет. Однако их значение для истории развития политической мысли и политических учреждений было установлено лишь в 1943 г., когда вышла работа Т. Якобсена (Восточный институт Чикагского университета) «Древняя демократия». Затем мне посчастливилось отыскать в Стамбуле и Филадельфии и скопировать остальные семь отрывков. Таким образом, в настоящее время эта поэма в 115 строк известна нам полностью. Научное издание всего текста вместе с исправленным переводом опубликовано в *American Journal of Archaeology* в 1949 г.¹⁴

Два политических события, описанных в этой и предыдущей главах, относятся примерно к 2800 г. до н. э. Нам они известны не по историческим свидетельствам очевидцев, а из эпических поэм, записанных много позднее и к тому же содержащих лишь какую-то долю истины. Записи, непосредственно относящиеся к социальным и политическим событиям, появились только через шесть столетий. Эти записи уже можно рассматривать как первые опыты историографии.

Описание и анализ одного из таких документов приводится в следующей главе; при этом мы постарались разъяснить интеллектуальную и психологическую ограниченность наших первых «историков». Этот документ связан с трагической междоусобицей между двумя шумерскими городами-государствами, которая завершилась временным и шатким перемирием. Единственными победителями в этой войне оказались опустошение и смерть.

6. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ШУМЕРЕ

ПЕРВЫЙ ИСТОРИК

Надо сразу же сказать: в Шумере не было историографов в общепринятом смысле этого слова. Ни один из шумерских авторов не представлял себе историю так, как мы ее понимаем сегодня, то есть как определенную последовательность событий, которые определяются общими закономерностями. Связанные узкими рамками своего мировоззрения, шумеры рассматривали исторические явления как нечто вполне законченное и готовое, а не как следствие развивающихся взаимоотношений человека с окружающей средой.

Шумерские мыслители, например, полагали, что их страна с ее процветающими городами и селениями, обладающая развитой системой политических, религиозных и экономических учреждений, извечно была примерно такой, какой они ее знали. Извечно — это значит с того момента, когда боги, создав вселенную, вознамерились создать Шумер. Вряд ли кому-либо из шумерских мудрецов, даже самым прозорливым, приходило в голову, что некогда их страна была заболоченной пустынной равниной с редкими бедными поселениями и что Шумер стал таким, каким они его знали, лишь постепенно, в результате усилий многих поколений, в результате неустанного, целенаправленного труда его обитателей, которые с удивительным упорством и мужеством добивались все новых достижений¹⁵.

Распространенный ныне метод классификации и обобщения явлений, которого придерживаются большинство современных историков, был, по-видимому, совершенно незнаком шумерским педагогам и мыслителям. Во всяком случае, в их трудах он не получил ясного и сознательного выражения.

Это относится не только к истории. Так, например, нам известно множество табличек с бесконечными перечнями грамматических форм, что говорит об использовании принципа грамматической классификации, но мы не знаем ни одной таблички с четкими грамматическими правилами или определениями. То же самое и в области математики.

Найдена масса табличек с примерами, задачами и решениями, но ни одной — с обобщающими правилами, аксиомами или теоремами¹⁶.

В области «естественных наук» шумерские преподаватели также ограничивались длинными списками названий деревьев и других растений, животных и минералов. До сих пор неясно, каким принципом они руководствовались, устанавливая порядок перечисляемых предметов, однако совершенно очевидно, что они не только не знали законов ботаники, зоологии, минералогии, но и не имели хотя бы приблизительного представления о них. Наконец, у шумеров было немало сводов законов, которые состояли из сотен отдельных законов, но мы нигде не встречаем упоминания об общих принципах права.

Что касается истории, то здесь дело обстояло следующим образом. Писцы храмовых и дворцовых архивов заносили на свои таблички те или иные сведения о событиях политического, военного или религиозного характера, которые казались им заслуживающими внимания. Однако эти записи не привели к созданию связного, последовательного и обоснованного изложения истории страны. Впрочем, человечество лишь сравнительно недавно поняло, что исторический процесс подвержен постоянным изменениям. Шумерские же мыслители, по-видимому, не владели даже зачаточной методологией логического обобщения, а потому вряд ли могли создать исторические труды в современном значении этого понятия. Но если отсутствие в Шумере историографии в современном значении этого слова никого не удивляет, то весьма странным представляется следующее: шумерам явно был неизвестен даже самый жанр исторической литературы в том виде, в каком он был распространен у древних евреев и греков. Ни один из шумерских писцов и авторов, насколько нам известно, даже не пытался создать что-либо похожее на описание политической истории Шумера (или какого-нибудь из его городов-государств), не говоря уже об истории остальной известной им части мира.

Однако шумерские авторы создали целый ряд литературных жанров, в которых достигли немалых успехов: мифы и эпические сказания, гимны богам и плачи, пословицы и поучения.

Разумеется, во многих из них, особенно в эпических сказаниях и плачах, они в какой-то степени опирались на исторические факты. Но собственно исторического жанра в шумере не существовало. Видимо, шумерским авторам и педагогам никогда не приходило в голову создать последовательную историю своей страны в научных или хотя бы пропагандистских (как мы бы сейчас сказали) це-

лях¹⁷. Поэтому единственные шумерские документы, которые можно с натяжкой назвать историческими, — это посвятельные надписи на статуях, стелах, сосудах, глиняных конусах, цилиндрах и табличках. Однако и здесь те или иные события фиксировались лишь для того, чтобы заслужить милость богов. К тому же эти записи, как правило, предельно лаконичны и относятся лишь к недавним, отдельно взятым событиям. Тем на менее среди них есть и такие, авторы которых ссылаются на предшествующие факты и обстоятельства, а это уже начатки исторического повествования. Для того времени (около 2400 г. до н. э.) это факт, не имеющий аналогии в мировой литературе.

Насколько мы можем судить по материалам, которыми располагаем, самые первые «историки» жили в Лагаше, на юге Шумера. Начиная примерно с 2500 г. до н.э. этот город-государство стал играть главенствующую роль в политическом и военном отношении. Здесь царствовала энергичная династия, основанная Ур-Нанше. Среди ее представителей следует отметить победоносного внука Ур-Нанше, Эаннатума, которому на короткий срок удалось стать правителем почти всего Шумера, его брата Энаннатума и сына последнего, Энтемену. Звезда Лагаша окончательно закатилась лишь в царствование Урукагины¹⁸, восьмого правителя династии Ур-Нанше. Урукагину победил Лугальзаггиси из Уммы, который был, в свою очередь, разгромлен великим Саргоном Аккадским.

Безвестные «историки» донесли до нас политическую историю Лагаша от времен Ур-Нанше до царствования Урукагины. Она представлена рядом различных документов той эпохи. Люди, составившие их, были, видимо, писцами дворцового или храмового архива и получали сведения об описываемых событиях из первых рук.

Один из таких документов выгодно отличается от прочих ясностью изложения и богатством деталей. Он был составлен архивным писцом Энтемены, пятого правителя Лагаша из династии Ур-Нанше¹⁹. Первоначальным назначением этого документа было отметить восстановление пограничного рва между Лагашем и Уммой, разрушенного в период борьбы этих двух городов-государств. Однако наш писец, желая осветить события в исторической перспективе, счел нужным раскрыть их политическую подоплеку. Он рассказывает — разумеется, не вдаваясь в подробности, — о наиболее значительных эпизодах борьбы за главенство между Лагашем и Уммой начиная с са-

мого отдаленного периода, о котором он располагал письменными сведениями, то есть со времен Месилима, правившего Шумером около 2600 г. до н. э.

Следует отметить, что наш писец не придерживается объективной, основанной на фактах манеры изложения, подобающей историку. Он подгоняет исторические события под традиционную схему своего теократического мировоззрения. Отсюда весьма оригинальный стиль этого исторического документа, в котором подвиги людей так тесно переплетены с деяниями богов, что порой трудно отделить одно от другого. Вот почему подлинные исторические события нелегко выделить из текста документа — для этого приходится проделывать большую работу, привлекая дополнительные сведения, почерпнутые из других источников шумерологии.

Однако освобожденный от богословской оболочки и политеистической фразеологии, этот документ последовательно рассказывает о многих политических событиях, достоверность которых зачастую подтверждается другими имеющимися источниками. Вот о чем он рассказывает.

Во времена, когда всем Шумером — хотя бы формально — правил царь Киша Месилим, между двумя городами-государствами, Лагашем и Уммой, возникла пограничная распря. Оба города, по-видимому, признавали Месилима своим верховным правителем.

Чтобы урегулировать конфликт, Месилим обратился к оракулу Сатрана (бог, который ведал разрешением споров), и якобы в соответствии с его ответом определил границу между Лагашем и Уммой. Дабы споры больше не повторялись, на том месте была поставлена памятная стела с надписью.

Однако, хотя обе стороны и согласились с решением оракула, в общем-то, видимо, оно было выгоднее для Лагаша, чем для Уммы. Поэтому вскоре — время точно не обозначено, но можно считать, что речь идет о периоде, непосредственно предшествовавшем основанию лагашской династии Ур-Нанше, — ишакку (верховный жрец-правитель) Уммы по имени Уш нарушил соглашения. Он поверг стелу Месилима в знак того, что не считает себя связанным этим обязательством, перешел границу и захватил северную часть территории, принадлежавшей Лагашу и известной под названием Гуэдинна.

Эта земля оставалась под властью Уммы до царствования Эаннатума — внука Ур-Нанше и умелого полко-

водца, который настолько возвысился благодаря своим победам, что даже претендовал какое-то время на титул «царя Киша», то есть верховного правителя всего Шумера. По словам нашего летописца, Эаннатум напал на Умму, разгромил ее войско и заключил новое пограничное соглашение с тогдашним ишакку Уммы Энакалли. Он приказал вырыть параллельно новой границе канал, дабы земля Гуэдинна была плодородной, вновь поставил памятную стелу Месилима, а также ряд новых стел от своего имени и соорудил множество зданий и алтарей, посвященных главным шумерским богам. Чтобы предупредить возникновение новых конфликтов, Эаннатум оставил вдоль пограничного канала со стороны Уммы полосу невозделанной территории — своего рода «ничейную землю».

Наконец, Эаннатум разрешил жителям Уммы обрабатывать земли Гуэдинны и даже земли, расположенные южнее, очевидно, желая в какой-то степени примириться со своими соседями, чтобы развязать себе руки для завоеваний в другом направлении. Но при этом он поставил условие: жители Уммы должны были часть урожая отдавать правителю Лагаша за пользование землей. Это обеспечивало ему и его преемникам значительный доход.

До сих пор писец архива Энтемены вел речь о предшествовавших распрях между Лагашем и Уммой. Далее он начинает повествовать о новой борьбе между этими городами-государствами, очевидцем которой он, вероятно, был. Он описывает сражение между Ур-Луммой — сыном незадачливого Энакалли, которому пришлось принять «позорные» условия Эаннатума, — и Энтеменой, сыном Эаннатума, племянником Эаннатума.

Несмотря на решительную победу Эаннатума, жителям Уммы понадобилось всего одно поколение, чтобы вновь обрести веру в свои силы, а может быть и прежнюю мощь. Ур-Лумма расторг оскорбительный договор с Лагашем и отказался платить возложенную на Умму дань. Кроме того, он «осушил» пограничный канал, подверг и сжег стелы Месилима и Эаннатума с их обидными надписями, а также разрушил здания и алтари, построенные Эаннатумом вдоль границы в виде предупреждения жителям Уммы, чтобы они не вздумали посягать на земли Лагаша. После этого он решил перейти границу и вторгнуться в Гуэдинну. Чтобы обеспечить себе победу, Ур-Лумма обратился за военной помощью к одному из чужеземных правителей, чьи земли лежали на север от Шумера, и получил от него поддержку.

Обе армии встретились на территории Гуэдинны, под Гаиа-угиггой, немного южнее границы. Соединенными отрядами Уммы и ее союзника командовал сам Ур-Лумма. Войско Лагаша возглавлял Энтемена: должно быть, его отец Энаннатум в то время был уже стариком. Лагаш снова одержал победу. Ур-Лумма бежал, преследуемый по пятам Энтеменой. Множество его воинов попали в засаду и были перебиты.

Однако победа Энтемены оказалась недолговечной. Вскоре после разгрома (а возможно и гибели) Ур-Луммы у Лагаша появился новый враг. Врага этого звали Иль, и был он верховным жрецом города Забалам, расположенного немного севернее Уммы. Хитроумный Иль выжидал своего часа, пока Энтемена и Ур-Лумма боролись не на жизнь, а на смерть. Но едва сражение закончилось, как Иль напал на победителя Энтемену.

Вначале ему сопутствовал успех, и он даже проник глубоко на территорию Лагаша. Ему не удалось удержать земли, расположенные южнее лагашской границы, но он закрепился в Умме и объявил себя ишакку этого города-государства.

С этого момента Иль отвечал на притязания Лагаша примерно так же, как его дерзкий предшественник. Он лишил пограничные каналы притока воды, столь необходимой для орошения близлежащих полей, и согласился выплачивать лишь незначительную часть дани, возложенной на Умму старым договором с Эаннатумом. А когда Энтемена отправил к нему посланцев, требуя объяснения столь враждебных поступков, Иль высокомерно заявил, что вся земля Гуэдинна является его территорией и владением.

Тем не менее конфликт между Илем и Энтеменой был решен мирным путем. Вместо того чтобы затевать новую войну, оба правителя пошли на компромисс, видимо, под нажимом третьей стороны, скорее всего — северного «чужеземного правителя», претендовавшего на верховную власть над всем Шумером. В целом новое соглашение было в пользу Лагаша, так как старая линия Месилима — Эаннатума сделалась постоянной границей между Лагашем и Уммой. С другой стороны, в новом соглашении не было речи ни о какой компенсации за невыплаченную жителями Уммы дань. Кроме того, они были, по-видимому, избавлены и от необходимости снабжать Гуэдинну водой — отныне эта обязанность переходила к Лагашу.

Все эти исторические события, из которых складывались отдельные этапы борьбы за господство между Лага-

шем и Уммой, не так-то просто выделить из оригинального текста нашего документа. Многое из того, о чем шла речь в этой главе, приходится читать между строк. Ниже приводится буквальный перевод документа, который дает представление о том, как из подобных текстов извлекают подлинные исторические факты. Одновременно этот подстрочный перевод познакомит читателя с образчиком оригинального историографического стиля, который сложился у шумерских авторов²⁰.

Энлиль,
Всех стран господин,
Всех богов отец,
Словом верным своим
Для Нингирсу
И Шары
Разграничил землю.
Меслим, царь Киша,
По Слову Иштарана
Поля измерил
И на месте том воздвиг Камень.
Уш,
Правитель Уммы,
Преступил
То Слово,
Тот Камень
Вырвал,
В степи Лагаша
Двинулся.
Нингирсу,
Энлилев герой,
Словам своим верный,
С Уммою
Сражение устроил.
И по Слову Энлиля
Великую сеть на нее набросил.
Горы трупов
Устлали степи.
Эаннатум,
Правитель Лагаша,
Дядя²¹
Энметены,
Правителя
Лагаша,
С Энакалле,
Правителем
Уммы,
Вместе с ним установил границы.
Пограничный ров от Инун-канала
К полю Гуэдинны
Он его провел.
Поле для Нингирсу
210 1/2 *ЕШЕ* длиною²²

В сторону Уммы
Он отрезал,
Поле, царя не имеющее,
Установил²³.
Камень-стелу
Месилима
На прежнее место он вернул.
Поля Уммы
Он не забрал.
Возвышение глиняное²⁴
Для Нингирсу
В Намнундакигарре,
Престол для Энлиля²⁵,
Престол для Нинхурсаг,
Престол для Нингирсу,
Престол для Уту
Он построил.
Зерно Нанше,
Зерно Нингирсу —
По целому гуру
Люди Уммы
Как проценты брали.
Присудили подать —
144 000 больших гура
Внесены были.
Но дабы росту зерна помешать,
Урлумма,
Правитель
Уммы,
Из рва пограничного
Нингирсу,
Из рва пограничного
Нанше
Воду отвел,
А тот Камень-стелу
Огню предал
И расколел.
Престолы, воздвигнутые богам,
В Намнундакигарре
Сооруженные,
Он разрушил.
Он чужеземные страны нанял,
И ров пограничный
Нингирсу
Он пересек.
Энаннатум,
Правитель
Лагаша,
На поле Ушгга,
На поле Нингирсу
С ним в битву вступил.
Энметена,
Сын возлюбленный
Энаннатума,
Оружием его поразил,

Урлумма от него бежал,
В самой Умме
*Его он убил(?)*²⁶
Войско его — 60 их осталось —
На берегах канала Илумгирнунта
Он оставил.
Людей его,
Те кости
В степи он оставил,
Горы трупов
В пяти местах
Насыпал.
Тогда Иль,
Храмоправитель Забалама,
Из Гирсу
В Умму
Вероломно
Пошел.
Иль
Правление
В Умме
Захватил,
Из рва пограничного
Нингирсу,
Из рва пограничного
Нанше,
Возвышения глиняного
Нингирсу,
Что на берегу Тигра постановлено,
Возле Гирсу,
В Намнундакигарре
Энлиля,
Энки
И Нинхурсаг, —
Воду он там отвел.
Из зерна для Лагаша лишь 3600 гур
Он возместил.
Энметена,
Правитель
Лагаша,
Из-за рвов тех
К Илю
Людей посылал.
Иль,
Правитель
Уммы,
Поля забравший,
Злобно заявил:
«Ров пограничный
Нингирсу,
Ров пограничный
Нанше —
Мои!»
Так он сказал.
«От Антасурры

До Эдингальябзу
Я его протяну!»
Так он сказал.
Но Энлиль
И Нинхурсаг
Ему не позволили.
Энметена,
Правитель
Лагаша,
Чье имя назвал
Нингирсу,
По Слову истинному Энлиля,
По Слову истинному Нингирсу,
По Слову истинному Нанше,
Рвы эти от реки Тигра
До Инун-канала
Вырыл.
В Намнундакигарре
Его основание камнем одел.
Своему господину, кто его любит,
Нингирсу,
Своей владычице, кто его любит,
Нанше,
Он возвратил на свое место.
Энметена,
Правитель
Лагаша,
Одаренный скипетром
Энлилем,
Мудростью наделенный
Энки,
Сердцем избранный
Нанше,
Правитель великий
Нингирсу,
Тот, кто божьим словам
Послушен,
И пусть его бог-хранитель,
Шульутуль,
За жизнь
Энметены
На веки веков
Нингирсу
И Нанше
Молит.
А тот уммиец,
Кто ров пограничный
Нингирсу,
Кто ров пограничный
Нанше
Силою,
Дабы поля отнять,
С севера перейти захочет²⁷,
Будь то уммиец,
Будь то чужеземец,

Элилиз.
Его да уничтожит!
Нингирсу
Сеть свою великую
Воистину на него набросит!
Свою дань могучую, стопу могучую
Сверху на него поставит!
Пусть люди его града
Руку на него подымут!
Среди его собственного града
Воистину пусть его заколют!

До нас дошли два почти совершенно идентичных экземпляра текста этого уникального исторического документа (на двух глиняных цилиндрах). Один из них был найден близ Лагаша в 1895 г. Его скопировал и перевел покойный Франсуа Тюрро-Данжен, который был ведущей фигурой в ассириологии на протяжении полувека. Второй цилиндр находится в вавилонской коллекции Йельского университета. Он был приобретен у какого-то антиквара. Этот текст опубликовали в 1920 г. Нис и Кайзер в своей работе *Historical, Religious and Economic Texts*. В 1926 г. появилось замечательное исследование выдающегося шумеролога Арно Пёбеля, который подробно проанализировал стиль и содержание этого документа. Именно на его работу я и опирался при разборе и переводе заинтересовавшего меня текста²⁸.

К счастью для нас, древние шумерские «историки» сообщали в своих посвященных надписях не только о сражениях и войнах, но также о наиболее значительных событиях общественного и экономического характера. Глава 7 посвящена одному из таких документов, бесценных для истории общественных отношений. Это отчет современника о социальных реформах, в котором, в частности, говорится о весьма значительном снижении налогов в Лагаше, последовавшем примерно через тридцать лет после смерти Энтемены. В нем впервые в истории человечества встречается слово «свобода» (по-шумерски — «амарги»).

7. СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ СНИЖЕНИЯ НАЛОГОВ

Первые социальные реформы, о которых мы имеем письменное свидетельство, были осуществлены в шумерском городе-государстве Лагаше в XXIV в. до н. э. Эти реформы были направлены против злоупотреблений «прежних времен», виновниками которых были ненавистные вездесущие чиновники. Они произвольно повышали налоги, вводили бесчисленные новые подати и даже посягали на собственность храмов. В конечном счете жители Лагаша, будучи не в силах более терпеть этот гнет, свергли старую династию Ур-Нанше и избрали себе правителя из другого рода. Этот новый ишакку²⁹, Урукагина, восстановил законность и порядок и «признал свободу» граждан.

Об этом рассказывает документ, составленный и написанный одним из писцов архива Урукагины по случаю освящения нового канала. Чтобы понять и оценить по достоинству содержание этого памятника, нелишне ознакомиться хотя бы с наиболее важными общественными, экономическими и политическими явлениями, определявшими жизнь шумерского города-государства.

В начале III тысячелетия до н. э. на территории города-государства Лагаш существовало помимо «столицы» несколько небольших процветающих городов, возникших вокруг того или иного храма. Номинально Лагаш, подобно прочим шумерским городам-государствам, находился под властью верховного правителя всего Шумера. Фактически же Лагашем правил ишакку, следуя повелениям бога — покровителя города, которому, согласно шумерским верованиям, Лагаш был отдан после его основания. Каким образом пришли к власти первые ишакку, до сих пор не вполне ясно. Возможно, что они были избраны свободными гражданами города, среди которых главенствующую роль играли храмовые начальники, так называемые санга. Так или иначе должность ишакку со временем стала наследственной. Наиболее честолюбивые и преуспевающие ишакку, разумеется, стремились усилить свою власть и увеличить свое состояние за счет храма, что приводило к борьбе между дворцом и храмом.

В основной своей массе жители Лагаша были земледельцами и скотоводами, лодочниками и рыбаками, торговцами и ремесленниками. Экономика этого города-государства

носила смешанный характер: она была частично «обобщественной» и «планируемой», частично — «свободной». Вся земля в принципе принадлежала богу города, вернее — храму этого бога, который распоряжался ею от имени всех граждан. Но в действительности, если служители храма и владели значительными земельными наделами, которые они сдавали в аренду издольщикам, большая часть земли все же принадлежала частным лицам. Даже бедные граждане владели участками земли, садами, домами и скотом. Однако из-за жаркого засушливого климата управление системой орошения и водоснабжения, от которой зависела жизнь и благосостояние всего города-государства, неизбежно должно было осуществляться на общественных началах.

Тем не менее в основном экономика была относительно свободной и ничем не регулируемой. Богатство или нищета, успех или разорение в какой-то мере зависели от предприимчивости и энергии каждого. Наиболее трудолюбивые ремесленники продавали свои изделия на свободном рынке города.

Купцы-посредники вели активную торговлю по суше и по морю с соседними государствами. Вполне возможно, что среди них помимо представителей храма были частные лица. Граждане Лагаша оберегали свои права и встречали с недоверием любые действия властей, которые могли ущемить их экономические интересы или личную свободу, ибо эти исконные права составляли основу их жизни. Но согласно рассматриваемому нами древнему тексту, именно эта «свобода» и была ими утрачена в годы, предшествовавшие правлению Урукагины.

В нашем документе ничего не говорится о том, какие причины привели к такому разгулу произвола и беззакония. Однако мы можем предположить, что это стало возможно благодаря тем политическим и экономическим факторам, которые сложились во время правления деспотической династии Ур-Нанше, пришедшей к власти около 2500 г. до н. э. Некоторые ее представители, одержимые непомерным честолюбием, пускались ради прославления себя и своего государства в кровавые авантюры, развязывая войны. Временами им удавалось достичь значительных успехов. Один из них сумел даже распространить власть Лагаша на весь Шумер и на соседние земли. Но одержанные победы были недолговечны; менее чем за столетие владения Лагаша сократились до первоначальных границ и он занял свое прежнее положение рядового города-государства. К тому времени, когда к власти пришел Урукагина,

Лагаш насколько ослабел, что стал легкой добычей для своего извечного соседа-соперника Уммы.

Во время этих жестоких войн с их пагубными последствиями граждане Лагаша и утратили свои политические и экономические свободы. Чтобы набрать и вооружить войско, правители города сочли необходимым урезать права своих подданных, увеличить до предела налоги и даже присвоить собственность храма. Пока страна находилась в состоянии войны, они почти не встречали противодействия. Но, однажды захватив в свои руки бразды правления, члены дворцовой клики не желали отказаться от них и в мирное время, ибо это давало им неисчислимые преимущества. В самом деле, древние чиновники ухитрялись изыскивать такие источники увеличения своих доходов, что им могли бы позавидовать даже их современные коллеги. Отчисления в казну, налоги, сборы, пошлины и обложения достигали в Лагаше невиданных размеров.

Но пусть историк, живший в Лагаше четыре с половиной тысячи лет назад, своими словами расскажет о событиях, очевидцем которых ему довелось стать.

Смотритель над лодочниками захватывал лодки. Смотритель над скотом захватывал крупный и мелкий скот. Смотритель над рыбными угодьями захватывал рыбу. Когда житель Лагаша приводил во дворец овцу для стрижки, он должен был платить пять шекелей³⁰ (если овца была белой). Когда муж разводился с женой, ишакку получал пять шекелей, а его визирь — один шекель. Когда торговец благовониями составлял благовония для умащений, ишакку получал пять шекелей, его визирь — один, а управляющий дворцом — еще один. Что же до храма и его имущества, ишакку завладел всем. Наш рассказчик говорит: «Быки бога пахали луковые наделы ишакку; луковые и огуречные наделы ишакку занимали лучшие земли бога».

Самые уважаемые служители храма и прежде всего «санга» вынуждены были отдавать ишакку большое количество своих ослов, быков и зерна.

Даже смерть не избавляла горожан от налогов и поборов. Когда покойника приносили на кладбище для погребения, там уже ожидали многочисленные чиновники и их прихлебатели, чтобы выманить у родственников покойника как можно больше ячменя, хлеба, пива и всевозможных предметов домашнего обихода.

По всей стране, от края до края, с горечью замечает рассказчик, «всюду были сборщики налогов». Не удивительно, что при таком положении вещей дворцовая клика бла-

годенствовала. Земли и владения правителей сливались в сплошные огромные поместья. В тексте документа сказано: «Дома ишакку и поля ишакку, дома дворцового гарема и поля дворцового гарема, дома дворцовой семьи и поля дворцовой семьи простирались из конца в конец».

В таком плачевном положении, рассказывает наш историк, находился Лагаш в момент прихода нового богобоязненного правителя по имени Урукагина, который вернул пострадавшим гражданам их права и свободу. Он отозвал смотрителей над лодочниками. Он отозвал смотрителей над крупным и мелким скотом. Он отозвал смотрителей над рыбными угодьями. Он отозвал сборщиков серебра, которые взимали плату за стрижку белых овец. Когда муж разводился с женой, ни ишакку, ни его визирь не получали ничего. Когда торговец благовониями составлял благовония для умащений, ни ишакку, ни его визирь, ни управляющий дворцом не получали ничего. Когда покойника приносили на кладбище, сборщики получали гораздо меньшую долю его имущества, иногда значительно меньше половины. Теперь владения храма стали неприкосновенными. И по всей стране, от края до края, уверяет рассказчик, «не осталось ни одного сборщика налогов». Урукагина «признал свободу» граждан Лагаша.

Однако Урукагина не ограничился отзывом вездесущих сборщиков налогов и чиновников-паразитов. Он положил конец несправедливым иستم и угнетению, которым подвергались бедняки со стороны богачей. Рассказчик поясняет: «Дом простого человека был рядом с домом „большого человека“. „Большой человек“ сказал ему: „Я хочу купить твой дом“. Если простой человек, когда он („большой человек“) захочет купить его дом, скажет: „Заплати мне ту цену, которую я считаю справедливой“, и если он („большой человек“) не купит дом, этот „большой человек“ не должен „вымещать зло“ на простом человеке».

Кроме того, Урукагина очистил город от ростовщиков, воров и убийц. Например, «если сын бедняка соорудит рыбный садок, никто не украдет теперь его рыбу». Ни один богатый чиновник не посмеет больше врываться в сад «матери бедняка», отрясать деревья и уносить плоды, как было прежде. Урукагина заключил особый договор с богом Лагаша Нингирсу, чтобы сироты и вдовы не страдали больше от произвола «сильных людей».

Мы не знаем, насколько эффективны были эти реформы, насколько они помогли Лагашу в его борьбе за власть с Уммой. К несчастью, эти меры уже не могли вернуть Лагашу

былую мощь и не привели к победе. Урукагина и его реформы вскоре были забыты. Подобно большинству других реформаторов он, очевидно, пришел слишком поздно и успел сделать слишком мало. Правление Уруагины продолжалось менее десяти лет, а затем он и его город были побеждены честолюбивым правителем Уммы Лугальзаггиси, который, пусть на короткий срок, сумел подчинить себе весь Шумер и соседние государства.

Реформы Уруагины и их социальное значение произвели глубокое впечатление на наших древних «историков». Текст этого документа известен в четырех более или менее отличающихся друг от друга вариантах — на трех глиняных конусах и одной овальной пластине. Все они были найдены французскими археологами в Лагаше в 1878 г. Впервые их скопировал и перевел Франсуа Тюро-Данжен, тот самый неутомимый ассириолог, который расшифровал документ, описанный нами в главе 6. Однако в нашем анализе реформ Уруагины мы опирались на еще не опубликованный новый перевод этого документа, сделанный одним из ведущих шумерологов нашего времени, Арно Пёбелем.

Итак, очевидно, что в III тысячелетии до н.э. шумеры уже имели представление о правах, гарантированных законом. До сих пор неясно, существовали ли у них писанные законы и своды законов во времена Уруагины. Нам пока неизвестен ни один свод законов той эпохи, хотя, впрочем, это ничего не доказывает. Долгое время древнейшим сводом законов считался текст, относящийся примерно к 1750 г. до н. э., и лишь недавно были обнаружены три более ранних документа. Древнейший из этих кодексов — свод законов шумерского правителя Ур-Намму, относящийся к концу III тысячелетия до н. э. Он был обнаружен при раскопках в 1889—1900 гг., но расшифрован и переведен лишь в 1952 г., да и то по счастливой случайности. Законам Ур-Намму и посвящена глава 8.

8. СВОДЫ ЗАКОНОВ

ПЕРВЫЙ «МОИСЕЙ»

До 1947 г. древнейшим сводом законов считался кодекс законов Хаммурапи, прославленного вавилонского царя, вступившего на трон около 1750 г. до н. э. Начертанный клинописными знаками на семитическом (вавилонском) языке, этот документ содержит почти 300 законов, которым предшествует славословие царю и за которыми следует заключение, состоящее из проклятий тем, кто осмелится нарушить его законы. Диоритовая стела с высеченными на ней законами Хаммурапи сегодня торжественно и величаво возвышается в одном из залов Лувра. Стела эта до сих пор остается самым значительным из дошедших до нас юридических документов древности благодаря подробной и хорошо сохранившейся надписи. Но это не самый древний документ. В 1947 г. был обнаружен свод законов, изданный царем Липит-Иштаром на 150 с лишним лет раньше Хаммурапи.

Законы Липит-Иштара начертаны не на каменной стеле, а на глиняной табличке, высушенной затем на солнце. Это все та же клинопись, но язык надписи не семитический, а шумерский. Табличка с законами Липит-Иштара была найдена в самом конце прошлого века, однако по различным причинам долгое время оставалась нерасшифрованной и неопубликованной. Наконец ее восстановил и перевел с моей помощью Фрэнсис Стил, в то время помощник хранителя Музея Пенсильванского университета. Она состоит из введения, множества законов, из которых 37 сохранились полностью или частично, и заключения.

Однако Липит-Иштару недолго довелось пользоваться славой первого в мире законодателя. В 1948 г. Таха Бакир, хранитель Иракского музея в Багдаде, вел раскопки тогда еще малоизвестного холма Хармал, где ему посчастливилось откопать две таблички с законами, по-видимому, еще более древними. Как и законы Хаммурапи, эти таблички были на вавилонском языке. В том же году они были изучены и переписаны Альбрехтом Гётце, известным ассириологом из Йельского университета.

В кратком введении, предшествующем законам (заключение отсутствует), упоминается имя царя Билалама, который жил, должно быть, лет за семьдесят до Липит-Иштара. Таким образом, пальма первенства, вернее — древности,

была присуждена Билаламу. Но сохранял он ее только до 1952 г.

В тот год мне выпала честь скопировать и перевести табличку, на которой начертана часть свода законов, изданного шумерским правителем Ур-Намму.

Ур-Намму был основателем хорошо известной в настоящее время III династии Ура и, согласно самым осторожным предположениям, царствовал около 2050 г. до н. э., то есть по крайней мере на 300 лет раньше вавилонского законодателя Хаммурапи.

Табличка с законами Ур-Намму принадлежит к богатой коллекции Музея Древнего Востока в Стамбуле, где я работал в 1951—1952 гг. Я бы, наверное, не обратил на эту уникальную табличку никакого внимания, если бы не письмо специалиста по клинописи Ф.Р. Крауса, ныне профессора Лейденского университета в Голландии. С Краусом мы познакомились за несколько лет до этого, когда я только начинал свои изыскания в Стамбульском музее: он был тогда его хранителем. Узнав, что я снова в Стамбуле, Краус прислал мне письмо, где личные воспоминания переплетались с мыслями относительно нашего общего дела — шумерологии. В частности, он сообщил мне, что несколько лет назад, когда он был хранителем Стамбульского музея, он обнаружил там два обломка шумерской таблички с текстом законов. Он соединил оба фрагмента и занес их в каталог Ниппурской коллекции под номером 3191. Краус предполагал, что эта табличка меня заинтересует и что я захочу ее скопировать.

Поскольку «законодательные» таблички встречаются чрезвычайно редко, я немедленно попросил принести «№ 3191». Это оказалась высушенная на солнце табличка светло-коричневого цвета размером 10×12 см. Больше половины знаков было стерто, а то, что сохранилось, сначала показалось мне совершенно непонятным. Но через несколько дней напряженной работы текст начал проясняться, обретать какую-то форму, и наконец я с волнением понял, что держу в своих руках копию самого древнего в мире свода законов.

Писец разделил табличку на восемь колонок: четыре с лицевой стороны и четыре на обороте. В каждой колонке было примерно по 45 маленьких разлинованных строк, из которых поддавалось прочтению меньше половины. На лицевой стороне находилось длинное введение, понять которое можно лишь частично из-за многочисленных пробелов в тексте. Вот его краткое содержание.

Когда мир был создан и судьба страны Шумер и города

Ура определена, Ан и Энлиль, два главных шумерских божества, назначили царем Ура бога луны Нанну. Тот, в свою очередь, избрал своим земным наместником Ур-Намму и сделал его правителем Шумера и Ура. Первые шаги нового правителя были направлены на обеспечение военной и политической безопасности. Он счел нужным начать войну против соседнего города-государства Лагаша, который стал возвышаться за счет Ура. Он победил правителя Лагаша Намхани и предал его смерти, а затем, опираясь на «могущество Нанны, царя города», восстановил границы Ура.

Теперь наступило время заняться внутренними делами и провести социальные и этические реформы. Ур-Намму отстранил обманщиков и взяточников, или, как их называет древний писец, «вымогателей», захватывающих быков, овец и ослов граждан. Он учредил справедливую и неизменную систему мер и весов. Он позаботился о том, чтобы «сирота не становился жертвой богача», «вдова — жертвой сильного», «человек одного шекеля — жертвой человека мины»*.

Хотя соответствующая часть текста на табличке отсутствует, в ней, очевидно, говорилось о том, что следующие ниже законы установлены во имя справедливости и ради блага всех граждан.

Изложение собственно законов начинается, по-видимому, на оборотной стороне таблички. Здесь текст поврежден так сильно, что только запись пяти законов можно восстановить с большей или меньшей степенью достоверности. В первом устанавливается «испытание водой» для подсудимых; во втором речь идет о возвращении раба хозяину. Три остальных закона, несмотря на всю их запутанность и фрагментарность, необычайно важны для истории развития общественных отношений и этических норм. Они доказывают, что более чем за 2000 лет до н. э. закон «око за око, зуб за зуб», который является одним из основных библейских законов и, значит, продолжал существовать в гораздо более позднее время, уступил место в Шумере более гуманному праву, заменившему телесные наказания денежными штрафами. Ввиду их особого исторического значения эти три закона заслуживают дословного воспроизведения на том языке, на котором они были сформулированы. Вот их шумерский текст в латинской транскрипции, параллельно с дословным переводом:

tukum-bi
(lu-lu-ra

Если
(человек человеку

* Мина — шестьдесят шекелей. — *Примеч. пер.*

gish-...-ta)	орудием...)
...-a-ni	его...
gir in-kud	отрезал ногу,
10-gin-ku-babbar	10 шекелей серебром
i-la-e	он должен заплатить.
tukum-bi	Если
lu-lu-ra	человек человеку
gish-tukul-ta	оружием
gir-pad-du	кости
al-mu-ra-ni	... ³¹
in-zi-ir	перебил,
1-ma-na-ku-babbar	1 мину серебром
i-la-e	он должен заплатить.
tukum-bi	Если
lu-lu-ra	человек человеку
geshpu-ta	орудием «гешпу»
ka-...in-kud	отрезал нос (?)
2/3-ma-na-ku-babbar	2/3 мины серебром
i-la-e	он должен заплатить.

Перевод Ф.Л. Мендельсона

Сколько времени будет Ур-Намму сохранять свой титул первого в мире законодателя? Вряд ли это продлится долго. Есть сведения, что в Шумере существовали другие законодатели, гораздо более древние, чем Ур-Намму. Рано или поздно какой-нибудь удачливый археолог натолкнется на текст законов, которые окажутся древнее законов Ур-Намму на сто, а может быть и более, лет.

Закон и правосудие были основополагающими понятиями для древних шумеров как в теории, так и на практике: на них зиждилась вся общественная и экономическая жизнь Шумера. В XIX в. археологи обнаружили тысячи глиняных табличек со всевозможными юридическими текстами: договоры, соглашения, завещания, векселя, расписки, судебные постановления. В древнем Шумере ученики старших групп посвящали немало времени изучению законов и усердно осваивали трудные и специфические юридические формулы, а также переписывали своды законов и судебных решений, которые стали юридическими прецедентами. Полный текст одного такого решения был опубликован в 1950 г. Об этом документе, который можно назвать «делом жены, хранившей молчание», и пойдет речь в главе 9.

9. ПРАВОСУДИЕ

ПЕРВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

Около 1850 г. до н.э. в стране Шумер было совершено убийство. Три человека: цирюльник, садовник и еще один мужчина, профессия которого не указывается, — убили храмового чиновника по имени Лу-Инанна. По неизвестным причинам преступники затем уведомили Нин-даду, жену чиновника, о том, что ее муж убит. Как это ни странно, она предпочла об этом умолчать и ничего не сообщила властям.

Однако у правосудия были длинные руки и в те отдаленные времена, во всяком случае в таком высокоцивилизованном государстве, как Шумер. О преступлении стало известно царю Ур-Нинурте, резиденцией которого был город Исин. Он приказал разобраться в этом деле собранию граждан Ниппура, которое выполняло функции верховного суда.

На заседании выступили девять человек, требуя казни обвиняемых. При этом они утверждали, что следует казнить не только трех убийц, но и жену убитого. Видимо, они считали, что, поскольку она предпочла хранить молчание, узнав об убийстве, ее поведение надо рассматривать как соучастие в уже совершенном преступлении.

Однако два члена собрания встали на защиту обвиняемой. Они доказали, что та не принимала участия в убийстве и, следовательно, не заслуживает наказания.

Члены собрания согласились с доводами защиты. Они объявили, что у жены убитого были основания хранить молчание, ибо ее супруг, насколько можно понять, не исполнял по отношению к ней своего долга — не обеспечивал ее всем необходимым. Решение суда заканчивается словами: «Достаточно покарать тех, кто действительно убил». Таким образом, были осуждены только трое мужчин.

Отчет об этом уголовном процессе записан на глиняной табличке на шумерском языке. Обнаружили его во время совместных раскопок, организованных Восточным институтом Чикагского университета и Музеем Пенсильванского университета. Т. Якобсен и автор этой книги изучили текст и перевели его. Значение отдельных слов и выражений не вполне ясно, однако общий смысл текста понять можно. Один угол таблички отбит, но нам удалось восстановить недостающие строки благодаря маленькому фрагменту другой копии этого же текста, найденному в Ниппуре первой

экспедицией Музея Пенсильванского университета. Тот факт, что в нашем распоряжении оказались две копии одного и того же судебного отчета, доказывает, что это решение собрания граждан Ниппура по делу о «молчаливой жене» было хорошо известно шумерским юристам и имело силу юридического прецедента, какую сегодня имеют, скажем, решения Верховного суда США.

Вот этот документ:

«Нанна-сиг, сын Лу-сина; Ку-Энлиль, сын Ку-Нанны, цирюльник, и Энлиль-эннам, раб Адда-каллы, садовник, убили слугителя нишакку Лу-Инанну, сына Лугаль-апинду.

После того как Лу-Инанна, сын Лугаль-апинду, был убит, они сказали Нин-даде, дочери Лу-Нинурты, жене Лу-Инанны, что ее муж Лу-Инанна убит.

Нин-дада, дочь Лу-Нинурты, не отверзла уст, губы (ее) остались сомкнутыми.

Об этом деле (тогда) доложили царю (города) Исина, (и) царь Ур-Нинурта повелел, чтобы это дело рассмотрело собрание Ниппура.

(Там) Ур-Гула, сын Лугаль... Дуду, птицелов; Али-эллати, клиент; Бузу, сын Лу-сина; Элутти, сын...-Эа; Шеш-калла, носильщик (?); Лугаль-кан, садовник; Лугаль-азида, сын Син-андуля, (и) Шеш-калла, сын Шара-... обратились (к собранию) и сказали:

„Те, которые убили человека, недостойны жить. Эти трое мужчин и эта женщина должны быть преданы смерти в храме перед седалищем слугителя нишакку Лу-Инанны, сына Лугаль-апинду“.

(Тогда) Шу...-лилум... слугитель Нинурты, (и) Убарсин, садовник, обратились (к собранию) и сказали:

„Пусть муж Нин-дады, дочери Лу-Нинурты, был убит, (но) что сделала (?) женщина, чтобы ее убивать?“

(Тогда) (члены) собрания Ниппура обратились (к ним) и сказали:

„Женщина, которую муж не обеспечивает (?) — пусть даже она знала врагов своего мужа и (когда) ее муж был убит, узнала, что ее муж убит,— почему бы ей не хранить (об этом) молчание (?) Разве это она (?) убила своего мужа? Достаточно покарать тех (?), кто действительно убил“.

Согласно решению (?) собрания Ниппура, Нанна-сиг, сын Лу-сина, Ку-Энлиль, сын Ку-Нанны, цирюльник, и Энлиль-эннам, раб Адда-каллы, садовник, были отданы (палачу) для казни.

(Это) дело было рассмотрено собранием Ниппура».

После того как перевод текста был завершен, нам показалось нелишним выяснить, каким было бы решение современного суда в аналогичном случае. Для этого мы послали наш перевод ныне покойному Оуэну Дж. Робертсу, в то время — декану факультета права Пенсильванского университета; в 1930—1945 гг. Робертс был членом Верховного суда США. Нам очень хотелось узнать его мнение, и ответ его действительно оказался весьма интересным. Робертс заявил, что современные судьи полностью согласились бы с судьями древнего Шумера и вынесли бы точно такой же приговор. Вот что он писал:

«Согласно нашим законам, эта женщина не может быть признана виновной в соучастии после совершения преступления. Соучастником после преступления можно считать лишь того, кто не только узнал о преступлении, но также принимал и укрывал преступника или помогал ему каким-либо другим способом».

За последнее время были обнаружены другие интереснейшие шумерские документы, уже не относящиеся к юриспруденции. В 1954 г. в предварительном сообщении, включавшем перевод наиболее понятных отрывков, был описан медицинский текст, представляющий собой первый сборник рецептов — первую в мире книгу по фармакопее.

Профессия врача появилась в Шумере уже в III тысячелетии до н. э. Например, врач по имени Лулу практиковал в Уре — библейском Уре халдеев — около 2700 г. до н. э. Однако медицинские тексты Месопотамии, известные до 1954 г., относились главным образом к I тысячелетию до н. э. и содержали в основном формулы заклинаний, а не настоящие медицинские советы. Поэтому вновь переведенная табличка вдвойне интересна. Во-первых, она относится к последней четверти III тысячелетия до н. э., а во-вторых, в ней даются рецепты, не имеющие ничего общего с магией или волшебством. Этой табличке, первому в мире медицинскому документу, и посвящена глава 10.

10. МЕДИЦИНА

ПЕРВАЯ ФАРМАКОПЕЯ

В 1889 г., ровно семьдесят пять лет тому назад, Пенсильванский университет направил в Ирак археологическую экспедицию, которая производила раскопки в Ниппуре (примерно в 160 км к югу от современного Багдада). Как выяснилось впоследствии, Ниппур был религиозным и культурным центром шумеров. В ходе последующего десятилетия экспедиция обнаружила тысячи глиняных табличек и фрагментов, относящихся к периоду от первой половины III тысячелетия до н. э. вплоть до начала нашей эры (примерно 3000 лет). Содержание табличек охватывает практически все фазы развития шумерской культуры и цивилизации: политическую и социальную жизнь страны, ее экономику и государственное устройство, религию и мифологию, законы и литературу, систему образования и язык. В них представлены даже наука (если можно так назвать познания шумеров) и техника. Среди найденных табличек большое число посвящено математике, метрологии (учению о мерах и весах); найден «календарь земледельца» и лексикографическая классификация названий растений, животных и минералов. Однако одним из наиболее важных «научных» документов, найденных в Ниппуре, несомненно является глиняная табличка на шумерском языке размером примерно в 9,5×16 см, содержащая пятнадцать рецептов. Судя по размерам и изяществу значков, табличка была написана к концу царствования династии Саргона Аккадского, то есть, согласно последним хронологическим исследованиям, около 2300 г. до н. э. Этот шумерский документ несомненно является древнейшей фармакопеей в истории человечества.

Несмотря на то что табличка была найдена шестьдесят или семьдесят лет назад (год ее находки не зарегистрирован в записях экспедиции), она стала известной ученому миру лишь в 1940 г. В том же году профессор Леон Лэгрэн, бывший куратор вавилонского отдела Музея Пенсильванского университета, опубликовал первую транслитерацию и перевод этого текста в бюллетене, издаваемом музеем. Это была смелая, но несколько преждевременная попытка проникнуть в смысл документа, изобилующего лингвистическими трудностями. В 1955 г. я подготовил новую транслитерацию и перевод текста с помощью химика Мартина Леви, который в то время только получил докторскую степень по истории науки.

Краткое изложение содержания таблички, основанное на этом переводе, появилось в 1955 г. в *Illustrated London News* (с. 370—371), а также в 1956 г. в моем труде «Таблички Шумера» (*From the Tablets of Sumer*). Но и этот перевод был лишь предварительной попыткой, так как адекватный перевод и интерпретация текста таблички требовали прекрасного знания шумерской фармакологической и медицинской терминологии I и II тысячелетий до н. э. Только после сугубо специальной подготовки в Париже у Рене Лябá (одного из лучших современных специалистов по клинописной медицине) молодой ученый М. Сивил смог опубликовать новый и окончательный вариант текста нашей таблички. После нескольких месяцев упорного труда, почти ежедневных консультаций и обсуждений Сивилу и мне удалось справиться с рядом трудностей и неясностей в тексте. В подготовленное Сивилом издание входили транслитерация и перевод текста, комментарии и примечания. Его работа была напечатана в одном из наиболее известных среди ассириологов журнале — *Revue d'Assyriologie* (LIV, с. 57—72). Настоящая глава написана главным образом на основе этой новой публикации.

Документ состоит из 145 строк, или, лучше сказать, предложений. Первые 21 строка так сильно повреждены, что их содержание расшифровать не удалось. По аналогии с клинописными медицинскими документами I тысячелетия до н.э. можно было бы предположить, что в этих строках говорится: «Если человек страдает от...» и что далее следует название той или иной болезни. Однако немногие сохранившиеся знаки и слова, такие, как «корень... растения» (строки 1 и 2), «верхушка» (строки 3 и 5), «шерсть» (строки 9 и 10), «соль» (строка 15), говорят не в пользу такого предположения.

Рецептов как таковых в документе пятнадцать. Они начинаются с 22-й строки (в нижней части первой колонки таблички). Рецепты могут быть разбиты на три группы, в соответствии со способом применения данного средства. Первая группа состоит из восьми лекарств, представляющих собой припарки. Способ их приготовления изложен в следующем порядке: сначала идет список компонентов, необходимых для изготовления данного лекарства. Далее указывается, что эти компоненты должны быть растерты в порошок и смешаны с жидкостью до образования пастообразной массы, которая прикладывается в виде припарки к больной части тела, предварительно натертой маслом. Последнее, по-видимому, должно было оказывать лечебное

действие само по себе либо предохранять кожу, не давая припарке прилипнуть к ней.

Привожу дословный перевод четырех рецептов «припарок» (остальные слишком плохо сохранились). В переводе курсивом выделены шумерские слова, означающие лекарственные травы, которые до сих пор не поддаются расшифровке. Слов, заключенных в скобки, в шумерском тексте нет, но они необходимы для уточнения смысла. Точками обозначены знаки, поврежденные на табличке.

«Рецепт N 4. Растереть в порошок растение *анадишша*, ветки колючего кустарника (вероятно, *Prosopis stephaniana*), семена *дуашбура* (возможно, *Atriplex halimus* L.) (и)... (названия по меньшей мере двух лекарственных трав не сохранились); влить в нее (в массу растертых в порошок лекарственных трав) разбавленное водой пиво, натереть (больное место) растительным маслом (и) привязать (пасту, приготовленную из растертых в порошок трав, смешанных с пивом) как припарку.

Рецепт N 5. Растереть сухой речной ил (и)... замешать его на воде; натереть неочищенным маслом (и) привязать как припарку.

Рецепт N 6. Растереть груши (?) (и) растение манна; замешать на осадке от пива, натереть растительным маслом (и) привязать как припарку.

Рецепт N 8. Растереть корни... дерева... и сухой речной асфальт; замешать на пиве, натереть маслом (и) привязать как припарку».

Вторая группа состоит из рецептов трех лекарств, принимаемых внутрь. Приготовление первого лекарства, для которого нужны пиво и жидкий асфальт, довольно сложно:

«Рецепт N 9. Влить крепкое пиво в смолу... растения; нагреть на огне; влить эту жидкость в жидкий речной асфальт (и) дать (больному) выпить».

Способ приготовления двух других внутренних средств одинаков: предлагается растереть два компонента, растворить их в пиве и дать больному выпить.

«Рецепт N 10. Растереть груши (?) (и) корни растения манна; смешать (порошок) с пивом (и) дать (больному) выпить».

Рецепт N 11. Растереть семена овощей *нигнагар*, мирры (?) (и) тимьяна; высыпать в пиво (и) дать (больному) выпить».

Третья группа рецептов открывается трудным и, я бы сказал, загадочным предложением, которое читается так: «Обложить (?) камышом руки и ноги (больного)». Пока нам

совершенно не ясно, к чему относится данная процедура и почему она записана именно в этом месте. Но несмотря на всю ее неясность, эта строка необыкновенно важна, так как она показывает, какие именно части тела необходимо подвергнуть лечению.

За этим вступлением следуют собственные рецепты. Лекарств всего четыре, и их состав более сложен и менее однороден по сравнению с одиннадцатью предыдущими. В трех первых случаях предлагается сначала омыть больную часть тела специально приготовленным раствором, после чего немедленно приложить (?) к этому месту некое вещество. В двух случаях это, кажется, зола. Четвертый и последний рецепт, первые строки которого не сохранились, состоит, видимо, только из названия ряда лекарственных трав, после чего сразу же следует указание приложить (?) полученное лекарство. Возможно, автор пропустил по невнимательности по крайней мере одну промежуточную операцию. Вот перевод этих последних четырех рецептов:

«Рецепт N 12. Просеять и тщательно перемешать растолченный панцирь черепахи, побеги (?) растения *нага* (из него добывают соду и другие щелочи), соль (и) горчицу; омыть (больное место) крепким пивом (и) горячей водой; растереть (больное место) этим (приготовленным составом), после чего натереть растительным маслом (и) обложить (?) растертыми в порошок иглами пихты.

Рецепт N 13. Развести водой порошок из высушенной и растертой водяной змеи, растения *амамашумкаskal*, корней колючего кустарника, размельченной *наги*, пихтового скипидара (и) омыть (больное место) этой жидкостью, после чего натереть растительным маслом (и) приложить *шаки*.

Рецепт N 14. Развести водой смесь, приготовленную из высушенного (и) растертого в порошок подшерстка (?) коровы, ветвей колючего кустарника, „звездного” растения, корней „морского” дерева, сушеных фиг (и) соли *иб*; подогреть (и) омыть (больное место) этой жидкостью, после чего приложить (?) золу (?) тростника.

Рецепт N 15. добытых из ивы, осадка (?) *гирби*, винного осадка, растения *нигми*, корней и ствола растения *арина* (и) приложить (?) золу (?)».

Из текста явствует, что шумерский врач, так же как и его современный коллега, пользовался для изготовления лекарств продуктами растительного, животного и минерального происхождения. Его излюбленными минеральными компонентами для составления лекарств были поваренная соль, речной асфальт и неочищенное масло. Из продуктов жи-

вотного происхождения он использовал шерсть, молоко, панцирь черепахи, водяных змей. Но большинство лекарств изготовлялось из растений, таких, как тимьян, горчица, сливовое дерево, груши, фиги, ива, *Atriplex halimus L.*, *Prosopis stephaniana*, растение манна, пихта, сосна. Для разбавления лекарств употреблялись пиво, вино, растительное масло.

Следует отметить, что в нашем древнем документе полностью отсутствуют какие-либо магические заклинания и заговоры, которые нередко встречаются в клинописных медицинских текстах более позднего периода. Ни одно божество, ни один демон не упоминаются в этом тексте. Совершенно очевидно, что врач, составивший его, строил свою деятельность на эмпирических и рациональных основах. Конечно, трудно предположить, чтобы он применял средства, сознательно проверенные путем серии экспериментов, но надо полагать, что лечение, которое он предписывал, оказывало благоприятное воздействие: ведь он ставил на карту свою профессиональную репутацию! Поэтому не исключено, что эти рецепты могут представлять собой некоторый практический интерес и для современных медицинских исследований.

Жаль, что древняя фармакопея не дает нам хоть сколько-нибудь ясного представления о характере недугов, для лечения которых предназначались эти лекарства. Вступление, предшествующее рецептам и занимающее почти всю первую колонку таблички, сильно повреждено. Впрочем, судя по нескольким сохранившимся знакам, оно не содержало названий болезней. В первом рецепте, почти полностью уничтоженном, мы нашли шумерские слова, означающие: «спина», «ягодицы», но, к сожалению, в отрывочном, малопонятном контексте. В предисловии к третьей группе рецептов можно разобрать слова: «руки» и «ноги», но и здесь контекст непонятен и загадочен. Мы даже не знаем, предназначался ли для излечения одной определенной болезни один рецепт или сразу несколько. Однако вполне возможно, что эти подробности наряду со многими другими излагались устно. А это невольно заставляет нас задуматься над целями и мотивами, побудившими древнего врача составить список рецептов.

Следует подчеркнуть, что древние врачи, в том числе и автор нашей фармакопеи, были не только лекарями, замкнувшимися в рамках своей профессии. Это были культурные, образованные люди, «гуманисты». Для того чтобы научиться правильно и красиво писать клинописью, овладеть сотнями знаков, имевших тысячи различных значений, та-

кой человек должен был провести большую часть своей юности в шумерской школе или «академии», известной под названием эдубба (то есть «дом табличек»). Там он приобретал знания и по тем «научным» предметам, которые были известны в древности. «Учебники» тогда состояли в основном из списков соответствующих слов, выражений и отрывков. Весь материал подготавливал уммиа, или «профессор» академии, ученики же должны были переписывать текст до тех пор, пока не запоминали его наизусть. Эти лаконичные, сухие тексты, несомненно, дополнялись устными объяснениями, или «лекциями». Вполне возможно, что наша древняя фармакопея представляет собой не что иное, как такой конспект, подготовленный врачом, который читал в академии «лекции» по медицине. Если эта догадка верна, то наш шумерский документ можно рассматривать как «страничку» из древнейшего в истории медицины «учебника».

Находка относящейся к концу III тысячелетия до н. э. таблички с медицинским текстом была сюрпризом даже для специалистов по клинописи. Логичнее было бы ожидать находки какого-нибудь «справочника» по сельскому хозяйству, а не по медицине, ибо основой экономики шумеров, главным источником их жизненного благополучия было именно сельское хозяйство. Оно было высокоразвитой отраслью еще до III тысячелетия до н. э., однако единственный известный нам «календарь земледельца» относится к началу II тысячелетия до н. э. Об этом календаре и пойдет речь в главе 11.

11. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ПЕРВЫЙ «КАЛЕНДАРЬ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА»

Наиболее значительные из достижений шумеров в области техники относятся к ирригации и сельскому хозяйству. Создание сложной системы каналов, плотин, запруд и водохранилищ требовало высокого инженерного мастерства и знаний. Для проведения земельной съемки и подготовки плана работ требовались нивелировочные и измерительные инструменты, чертежи и карты. Земледелие превратилось в сложную отрасль хозяйства, требующую предусмотрительности, усердия и умения. Поэтому не удивительно, что шу-

мерские учителя составили «Календарь земледельца», в который входили разнообразные советы, призванные помочь земледельцу в проведении всех полевых работ, начиная с затопления поля в мае—июне и кончая веянием зерна, созревшего в апреле—мае следующего года.

Текст этого документа состоит из 107 строк и содержит различные советы. Кроме того, имеется вступление (одна строка) и концовка (три строки). Текст этот был собран и составлен более чем из десятка табличек и фрагментов, наиболее важными из которых является не опубликованный до сих пор фрагмент, найденный в Уре покойным Леонардом Вулли более четверти века назад. Недавно этот отрывок был скопирован Г. Д. Гэддом, в прошлом одним из хранителей Британского Музея, который проделал большую работу по реставрации текста в целом. Перевод текста был сопряжен с большими трудностями, в основном из-за технической терминологии, и его не следует рассматривать как окончательный. Перевод был выполнен совместно Т. Якобсеном и Б. Ландсбергером — сотрудниками Восточного института при Чикагском университете, и М. Сивилом, сотрудником Музея Пенсильванского университета, занимающимся изучением техники древнего Двуречья³².

«Календарь» начинается так: «Во время оно землепашец поучал своего сына».

Поучения касаются всех важнейших полевых и других работ, которые должен проделать земледелец, чтобы получить хороший урожай. Поскольку ирригация совершенно необходима для опаленной солнцем земли Шумера, наш древний ментор прежде всего говорит о затоплении поля: следует позаботиться о том, чтобы уровень воды не поднимался слишком высоко. Когда вода спадет, на мокрое поле надо выпустить волов с обвязанными копытами; они вытопчут сорняки и выровняют поверхность поля. Окончательное выравнивание поля следует доделать маленькими мотыгами. Поскольку волы оставят на влажной земле следы, человек, вооруженный мотыгой, должен пройти по всему полю и сравнять следы копыт. Рытвины нужно сравнять бороной.

Пока поле просыхает, земледельцу и его домочадцам должно заняться подготовкой инвентаря. Особо подчеркивается необходимость привести в порядок бичи, стрекала и другие средства «дисциплинарных взысканий», для того чтобы заставить как людей, так и скотину усердно трудиться. Автор нашего «Календаря» советует также запастись лишним быком для пахоты, так как в итоге это всегда

себя окупает. При этом условии земледелец сможет посеять на одном буру* земли довольно много зерна — около трех гуров.

Прежде чем окончательно возделывать землю, предлагается предварительно дважды вспахать поле двумя длиннолемешными плугами (плуги *шукин* и *бардиль*), трижды проборонить его, разровнять граблями и, наконец, разбить комья земли молотком.

Во время проведения этих работ автор «Календаря» настоятельно советует земледельцу держать работников под неусыпным надзором, чтобы они ни на минуту не ослабляли своих усилий. Но и сам он должен служить образцом дисциплины и не должен требовать, чтобы рабы прислуживали ему, как в обычное время.

Затем можно приступить непосредственно к севу. Сев производится одновременно с пахотой, при помощи плуга со специальным приспособлением, через которое семена попадают в борозды. Землепашцу советуют делать восемь борозд на каждом гаруше**. Он должен следить за тем, чтобы семена попадали в землю на глубину «в два пальца». Если семена не попадают достаточно глубоко, землепашец должен переменить лемех — «язык плуга». По классификации нашего древнего агронома существует несколько видов борозд, но, за исключением того отрывка, где он описывает прямые и косые борозды, это место в тексте непонятно. Приступая к севу, необходимо разбить все комья земли на поле и выровнять его поверхность, с тем чтобы ничто не препятствовало росту молодых всходов ячменя.

«После того как молодые побеги пробьются сквозь (поверхность) земли», — продолжает древний автор, земледельцу следует вознести молитву богине Нинкилим, покровительницы полевых мышей и прочих вредителей, дабы они не испортили всходы. Земледелец должен также отгонять от поля птиц. Когда ячмень подрастет и сравняется с узкой нижней частью борозды, это значит, что наступило время для его полива. Когда ячмень «стоит высоко, словно (солома) циновки в середине лодки», наступает время для второго полива. В третий раз земледельцу предлагается полить «царский» ячмень — то есть ячмень, достигший полной высоты. Если при этом земледелец увидит, что влажные зерна ячменя начинают краснеть, это означает появление опасной болезни (*самана*), которая может погубить уро-

* Буру — 6,35 га. — *Примеч. пер.*

** Гаруш — полоса земли шириной в 6—7 м. — *Примеч. пер.*

жай. Если же ячмень в хорошем состоянии, земледелец должен полить его в четвертый раз; тем самым он увеличит урожай примерно на десять процентов.

Наступает время сбора урожая. Земледельца предостерегают, чтобы он не ждал, пока ячмень склонится под собственной тяжестью, а приступал к жатве «в день его силы», не упустив нужный момент. Работников надо распределить по три человека, чтобы один жал, второй вязал снопы, а третий складывал их. Далее следует абзац, который (если перевод его сделан правильно) имеет большое значение в этическом отношении и перекликается с Библией. Автор призывает землепашца оставить на поле некоторое количество упавших колосков ячменя для «малых» и «подбирающих колосья» (см. Библию, Левит, 19, 9—10 и Руфь, 2, 3 и сл.). За этот акт благотворительности бог вознаградит землепашца.

Молотьба, которая начинается сразу же после уборки урожая, производится в два приема. Сначала (пять дней подряд) по колосьям возят взад и вперед повозку, а потом молотилку в виде салазок, сделанную из брусчатых перекладин и зубьев, которые привязываются ремнями и скрепляются битумом. Они предназначены для «открывания ячменя». В этом месте приходит на память другая параллель из Библии. Автор трогательно увещевает землепашца накормить быков до отвала перед молотьбой, дабы не мучил их вкусный запах свежего зерна.

Наступает пора веяния ячменя. Его веют два «поднимателя ячменя». Начиная с этого места текст не вполне ясен, но можно предположить, что процесс веяния заключался в подбрасывании вилами или лопатой «грязной» смеси зерна с соломой и шелухой, чтобы очистить его от этих примесей.

Текст заканчивается тремя строками, имеющими цель произвести впечатление на читателей и учеников. В них говорится, что те советы, которые земледелец дает своему сыну, в сущности, исходят не от него, а от бога Нинурты, важного божества шумерского пантеона. Согласно учению шумерских богословов, Нинурта был «верным земледельцем Энлиля».

Автор этого уникального сельскохозяйственного документа, несмотря на его уверения в противном, сам не был земледельцем. Землепашцы, вероятнее всего, были людьми неграмотными, да и трудно предположить, чтобы у кого-нибудь из них нашлось время и желание написать «руководство» по сельскому хозяйству. Совершенно очевидно, что написал его один из преподавателей — ум-

миа — шумерской школы (эдуббы). Об этом свидетельствует и литературная манера автора. «Календарь» был создан в педагогических целях и предназначался для обучения учеников эдуббы — в первую очередь для наиболее хорошо подготовленных, с тем чтобы подробно ознакомить их с искусством земледелия. Такая догадка подтверждается многочисленными копиями и отрывками из этого произведения, найденными при раскопках. Наверняка большая часть их все еще покоится под развалинами Шумера. Мы можем сделать вывод, что это сочинение пользовалось одинаковым успехом как у учителей, так и у учеников. Оно и не удивительно; возможно, именно эти знания помогали выпускнику эдуббы получить хорошее место и удержать его.

Ниже дается перевод «Календаря земледельца» в том виде, в каком он воссоздан сейчас:

«Во время оно землепашец поучал своего сына (как следует далее). Когда ты начнешь заниматься своим полем (приступишь к его возделыванию), зорко следи за шлюзами плотин, рвов и запруд, (чтобы), когда ты затопишь поле, уровень воды не поднялся слишком высоко. Когда ты спустишь с поля воду, следи за тем, чтобы пропитанная водой земля сохранила нужное тебе плодородие. Пусть волы с обвязанными копытами топчут его для тебя, (и) после того как сорняки будут вытоптаны (ими) (и) поверхность поля выровнена, подровняй его окончательно маленькими мотыгами, весящими (не более чем) две трети фунта каждая. (Исполнив это), заставь работника разбить мотыгой следы копыт для тебя (и) разровнять их. Заровняй рывтины бороной, и пусть он обойдет все четыре стороны поля с мотыгой (строки 1—12).

Пока поле просыхает, пусть послушные тебе (домочадцы) подготовят инструменты для тебя, укрепи ярмо, развесь на гвоздях свои новые бичи, и пусть ремесленники починят попорченные рукоятки твоих старых бичей. Пусть бронзовые... твои инструменты будут послушны твоей руке. Пусть ремень для головы, стрекало, «открыватель рта» (и) бич поддержат тебя (там, где требуется повиновение и надзор). Пусть твоя корзина банду ломится от... (Все это) принесет тебе замечательную прибыль (строки 13—21).

Когда твое поле будет снабжено всем необходимым, зорко следи за работами. Когда подпряжешь второго быка к плугу — если один бык подпряжен к другому, то они напашут больше по сравнению с (обычным) — заставь их... один буру; они сделают для тебя... подобно урагану,

так что три гура ячменя будут посеяны на одном буру. Средства к существованию даст плуг! (Таким образом) обработав поле плугом *бардиль* — (да), плугом *бардиль*, а потом, обработав его плугом *шукин*, повтори (процесс). После того как его (поле) проборошили (и) трижды разровняли граблями и мелко раздробили комья земли молотком, пусть рукоятка твоего бича поможет тебе. Будь нетерпим к лени. Стой над ними (работниками) во время их работы (и) не допускай остановки. Не (отвлекай) работающих в поле. Раз они должны работать в течение десяти (дней) днем и при свете звезд, все их силы должны быть положены на работу в поле (и) они не должны прислуживать тебе (строки 22—40).

Когда ты приступаешь к возделыванию поля, пусть твой плуг поднимет для тебя стерню. Оставь свой "закрыватель рта" на плуге... и повесь свой... на тонкий гвоздь. Установи отвал плуга, проложи борозды — восемь борозд проложи на одном гаруше. Чем глубже борозда, тем выше вырастает на ней ячмень (строки 41—47).

Когда ты приступаешь к пахоте поля, не спускай глаз с человека, который будет бросать семена ячменя в землю. Пусть он бросает семена на одинаковую глубину в два пальца (и) высевает по одному шекелю ячменя на каждый гаруш. Если семена ячменя не попадают на должную глубину, перемени лемех, „язык плуга". Если... (тогда) паши на том месте, где ты пахал прямые борозды, косые борозды, (а) на том месте, где пахал косые борозды — прямые борозды. Пусть прямые борозды превратят границы в границы *тулу*; пусть борозды *лу* выпрямят твои границы (и) пропаши там борозды *аб*... (Потом) пусть уничтожат все комья, все возвышенные места перепахают бороздами (и) все впадины перепахают мелкими бороздами. (Все это) хорошо повлияет на всходы (строки 48—63).

Когда ростки пробьются сквозь (поверхность) земли, вознеси молитву богине Нинкилим (и) прогони с поля птиц. Когда ростки ячменя заполнят узкую нижнюю часть борозды, полей верхние семена. Когда ячмень встанет так высоко, как (солома) циновки в середине лодки, полей его (второй раз). Полей (в третий раз) „царский" ячмень. Если политый ячмень покраснеет, ты скажешь: „Его поразила болезнь самана". Но если ячмень в хорошем состоянии и зерна его наливаются, полей его (в четвертый раз), (и) он принесет тебе одну лишнюю меру зерна на каждые десять (строки 64—72).

Когда подойдет время уборки урожая, не давай ячменю

склониться под собственной тяжестью, (а) начинай его жать в момент его (полной) силы. Жнец, вязальщик снопов и тот, кто (складывает снопы), — эти трое (работающие вместе) снимут для тебя урожай. Собиратели колосьев не должны наносить тебе ущерба; они не должны раздирать снопы. Пусть земля твоя в каждый день уборки урожая, как „в дни нужды“, дает хлеб насыщенный детям и собирателям колосьев, согласно их числу [по-видимому, имеется в виду, что земледелец должен оставить на поле некоторое количество колосков для нуждающихся детей и подбирающих колосья], (и) разреши им спать (на твоём поле) как (на открытой) болотистой местности. (Если ты наполнишь это), твой бог будет всегда милостив к тебе. После того как ты получишь... не... (а) поджарь (немного) сжатого ячменя (для того, чтобы) люди каждый день возносили за тебя „молитву сжатого ячменя“ (строки 73—86).

Готовясь приступить к молотье ячменя, вели тем, кто взвешивает для тебя ячмень, (приготовить) для тебя (корзины по) тридцать гуров. Пусть выровняют твоё гумно и расставят в порядке корзины, готовые к отправке. Когда орудия для тебя будут (подготовлены) (и) повозки расставлены по местам, вели катать эти повозки по разложенному на гумне ячменю. Эта „молотьба“ (займет) пять дней. Перед тем как приступить к „открыванию“ ячменя, испеки хлеб *арра*. Приступая к „открыванию“ ячменя, привяжи ремнями к молотильным салазкам зубья и скрепи асфальтом... Перед тем как впрягать быков, вели людям, которые будут „открывать“ ячмень, подойти с кормом для них (для быков) (строки 87—99).

Когда ты сгребешь ячмень в кучу, прочти „молитву (еще) не очищенного ячменя“. Когда приступаешь к веянию ячменя, обрати внимание на людей, которые будут поднимать ячмень. Его должны поднимать два „поднимателя ячменя“. В день, когда приступаешь к очистке ячменя, разложи ячмень на настиле (и) прочти молитву вечером и ночью. (Потом) „отдели“ ячмень (от мякины) как бы (с помощью) сильного ветра, (и) „освобожденный“ ячмень будет убран для тебя (строки 100—108).

(Это) советы Нинурты, сына Энлиля. О Нитурга, верный земледелец Энлиля, хвала тебе!» (строки 109—111).

Источником экономического богатства Шумера были не только его поля, но и сады и огороды. Одним из наиболее значительных достижений в области садоводства в

Шумере издревле были защитные насаждения, то есть насаждения деревьев, дающих густую тень для предохранения садовых культур от солнца и ветра. Об этом мы узнаем из древней шумерской поэмы, изложение которой читатель найдет в следующей главе.

12. САДОВОДСТВО

ПЕРВЫЕ ЗАЩИТНЫЕ НАСАЖДЕНИЯ

В 1946 г. я побывал в Стамбуле и Багдаде, куда был приглашен как профессор Американской школы исследования Востока и как представитель Музея Пенсильванского университета в Филадельфии.

В Стамбуле я провел около четырех месяцев, скопировав там более сотни табличек и фрагментов с записями шумерских мифов и эпических сказаний. Большинство этих отрывков представляло собой фрагменты — совсем маленькие и средней величины. Однако среди них оказалось несколько более полных табличек (например, табличка в двенадцать столбцов, повествующая о «войне нервов», о которой уже шла речь в главе 4). Кроме того, там была табличка в восемь столбцов с надписью о споре между Зимой и Летом (см. гл. 20), а также неизвестный до последнего времени миф, который я назвал «Инанна и Шукаллитуда, или смертный грех садовника».

Первоначально это была табличка размером примерно 15×18 см. Сейчас от нее уцелела только часть ($10,6 \times 17,5$ см). Первый и последний столбцы — а их всего было шесть — почти полностью разрушены. Однако четыре оставшихся позволяют восстановить около 200 строк, из которых более половины сохранилось полностью³³.

По мере того как содержание мифа прояснялось, я начал понимать, что оно является весьма оригинальным. К тому же две его детали показались мне весьма важными.

Прежде всего в тексте идет речь о богине, которая, желая отомстить оскорбившему ее человеку, превратила все воды страны в кровь. Эта тема «кровавого мора» не встречается в древней литературе нигде, кроме Библии, в книге Исход. Напомним этот эпизод. Иегова говорит: «Из этого узнаешь, что я — господь: вот я ударю жезлом, который в руке моей, по воде, которая в реке, и она превратится в кровь» [Исход, 7, 17].

Что касается второй своеобразной детали, то она отно-

сится к технике «защитных насаждений»: по-видимому, в мифе делается попытка объяснить происхождение таких насаждений. Во всяком случае, из этого мифа можно сделать вывод о том, что посадка густолиственных деревьев для защиты растений от ветра и солнца была известна и распространена в Шумере уже тысячелетие назад.

Вот краткое содержание этого мифа.

Некогда жил садовник по имени Шукаллитуда. Он был хорошим садовником, трудолюбивым и опытным, но все его усилия были тщетны. Он заботливо поливал растения, однако сад его засыхал. Яростные ветры беспрестанно покрывали его лицо «пылью гор». Несмотря на все его старания, растения погибали. Тогда он возвел взор к небу, усеянному звездами, изучил знамения и постиг законы богов. Обретя таким образом новую мудрость, наш садовник посадил у себя в саду дерево «сарбату» (установить, что это за дерево, пока не удалось). Его густая тень укрывала сад с восхода до заката. В результате всевозможные огородные культуры стали приносить Шукаллитуде отменный урожай.

Но вот однажды богиня Инанна (шумерская Афродита), пройдя по небесам и по всей земле, утомилась и прилегла отдохнуть близ сада Шукаллитуды. Он заметил ее из своего сада, а затем воспользовался усталостью богини и ночью овладел ею. Когда пришло утро, оскорбленная Инанна решила во что бы то ни стало узнать, какой смертный посмел над нею надругаться. Для этого Инанна обрушила на шумеров три напасти: она превратила в кровь всю воду в источниках страны, так что пальмы и виноградники сочились кровью, и наслала опустошительные вихри и бури. Что касается третьей напасти, то здесь можно только строить предположения, потому что соответствующие строки текста сильно повреждены.

Несмотря на столь решительные меры, Инанне не удалось обнаружить своего оскорбителя. Каждый раз, когда страну поражала напасть, Шукаллитуда обращался за помощью к своему отцу, и тот советовал ему смешаться с толпой его «черноголовых» братьев* и держаться вблизи городов. Шукаллитуда следовал совету отца и каждый раз избегал кары богини.

Далее текст повествует о том, как богиня Инанна, не сумев отомстить насильнику, с горечью решает отправиться в Эриду и просить совета и помощи у бога мудрос-

*Шумеры называли себя «черноголовым народом». — *Примеч. пер.*

ти Энки в его храме. Здесь миф обрывается, потому что край таблички, как уже говорилось, отбит:

Шукаллитуда... когда он *трудился*,
Когда он борозды поил водою,
Когда он в земле прорывал колодцы,
Он натыкался на твердые корни,
Ими изрезан, ими исколот...
Злобные ветры, все, сколько было,
Горной пылью по лицу его били,
Его лик *почернел*... *ослабели* руки,
Ветры пыль вздымали, *не давали трудиться*...

Тогда к югу он устремил взоры.
На восток, на звезды, он поднял очи.
Он обратил взоры на север.
На запад, на звезды, воздел он очи.
Он искал добрых знамений в небе.
Он созерцал их, постигал их смыслы.
Он увидел движение законов божьих,
Он узнал решения божьи.
В саду, в пяти, в десяти местах укромных,
Он там посадил по дереву, их сень — защита.
Сарбату-дерево, с листвою густою, тень его кроны —
сень-защита.

Тень его ни в рассвет, ни в полдень,
Ни в сумерки никуда не уходит.

Однажды моя госпожа пересекла небо, пересекла землю,
Инанна пересекла небо, пересекла землю,
Элам и Шубур пересекала,
Пересекла...
Жрица небес, полна усталости, подошла к саду и уснула.
Шукаллитуда ее увидел из уголка своего сада.
Он ей овладел, он ее целовал,
И вернулся в уголок своего сада.

Взошла заря, встало солнце.
Жена оглядела себя в смятеньи.
Инанна оглядела себя в смятеньи.
И вот жена за свое лоно — что она сделает?
Инанна за свое лоно — что она сделает?
Все колодцы Страны она наполнила кровью,
Сады и рощи Страны напоила кровью.
Раб в лес идет по дрова, нечего пить — одна кровь!
Рабыня по воду идет, нечего брать — одна кровь!
— Того, кто мною овладел, во всех землях найду, —
она сказала.

Но того, кто ею овладел, во всех землях она не нашла.
Ибо юноша в дом отца своего вошел.
Шукаллитуда отцу своему так сказал:
— Отец, когда я борозды поил водою,
Когда я в земле прорывал колодцы,

Я натыкался на твердые корни,
Ими изрезан, ими исколот...
Злобные ветры, все, сколько было,
Горной пылью по лицу меня били,
Мой лик почернел, ослабели руки,
Ветры пыль вздымали, не давали трудиться.
Тогда к югу я устремил взоры.
На восток, на звезды, я поднял очи.
Я обратил взоры на север.
На запад, на звезды, воздел я очи.
Я искал добрых знамений в небе.
Я созерцал их, постигал их смыслы.
Я увидел движенье законов божьих.
Я узнал решенья божьи.
В саду, в пяти, в десяти местах укромных
Я посадил там по дереву, их сень — защита.
Сарбату-дерево, с листвою густою, тень его кроны —
сень-защита.

Тень его ни в рассвет, ни в полдень,
Ни в сумерки никуда не уходит.
Однажды моя госпожа пересекла небо, пересекла землю.
Инанна пересекла небо, пересекла землю.
Элам и Шубур пересекла.
Пересекла...
Жрица небес, полна усталости, подошла к саду и уснула.
Я ее увидал из уголка сада.
Я ей овладел, я ее целовал,
И вернулся в уголок своего сада.

Взошла заря, встало солнце.
Жена оглядела себя в смятеньи.
Инанна оглядела себя в смятеньи.
И вот жена за свое лоно — что она сделает?
Инанна за свое лоно — что она сделает?
Все колодцы Страны она наполнила кровью.
Сады и рощи Страны напоила кровью.
Раб в лес идет по дрова, нечего пить — одна кровь!
Рабыня по воду идет, нечего взять — одна кровь!
— Того, кто мною овладел, во всех землях найду, —
она сказала.

Но того, кто ею овладел, она не нашла,
Ибо отец так сказал юноше,
Отец так сказал Шукаллитуде:
— Сын мой, ступай в города своих братьев,
Держи путь к своим братьям, к черноголовому народу.
Во всех землях Инанна его не отыщет.
Он отправился в города своих братьев,
К братьям своим, к черноголовым, он путь направил.
Во всех землях она его не отыскала.
Тогда жена за свое лоно — что за зло она совершила?
Инанна за свое лоно — что она сотворила?

Несмотря на то что основную роль в экономике Шумера играли земледелие и скотоводство, скромная мотыга,

неразлучный спутник забрызганного грязью работника, пользовалась у шумеров большим почетом, нежели плуг, любимец царей, придворных и зажиточных горожан, работавший всего четыре месяца в году. Во всяком случае, такой вывод можно сделать из текста в 198 строк, совсем недавно составленного из 39 табличек и фрагментов моим молодым испанским коллегой М. Сивилом. Сивил в течение нескольких лет работал со мной в Музее Пенсильванского университета. Как видно из спора Мотыги и Плуга, первенство остается за Мотыгой. Авторы этого литературного произведения, посвященного технике древнего Шумера, которое проходили в шумерских школах, бесспорно отдают предпочтение мотыге.

13. МОТЫГА И ПЛУГ

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ В ТРУДЕ

Земля Шумера была расположена примерно в пределах южной части современного Ирака. Это плоская равнина наносного происхождения с чрезвычайно жарким, засушливым климатом. Невозделываемые земли, обдуваемые ветрами, в большинстве своем засушливы и бесплодны. По существу, здесь нет ни полезных ископаемых, ни камня, ни какого-либо древесного строительного материала, за исключением зарослей гигантского тростника на болотах. Это была «богом проклятая земля», казалось бы, обреченная на нищету и запустение. Однако люди, населявшие эту страну и называвшиеся начиная с III тысячелетия до н. э. шумерами, были наделены способностью к созиданию и практическим складом ума. Они сделали замечательные технические изобретения и умели настойчиво и упорно трудиться, добиваясь удовлетворения всех своих нужд. Несмотря на неблагоприятные природные условия, они превратили Шумер в истинный «сад Эдема». При помощи сети ирригационных каналов они направляли во время разлива рек Евфрата и Тигра их богатые илом воды на поля и сады, орошая и удобряя землю. За неимением камня шумеры научились изготавливать из обожженной речной глины, запасы которой были неисчерпаемы, серпы, горшки, тарелки и кувшины. Восполняя недостаток дерева, они начали сооружать хижины и загоны для скота из высушенного болотного тростника, связывая его в вязанки или сплетая из него циновки, которые затем скрепля-

лись глиной. Позднее шумеры изобрели форму для выработки кирпича и окончательно разрешили проблему строительного материала. Они изобрели гончарный круг, колесо повозки, плуг-сеялку, парусную лодку, научились возводить арки, сводчатые постройки и купола, изготавливать литые из меди и бронзы, освоили пайку металлов, резьбу по камню, гравировку и инкрустацию.

Уровень материальной культуры и технических знаний древних шумеров, естественно, определяется на основании многочисленных предметов и орудий, найденных при раскопках за последние сто лет. Однако немало сведений можно почерпнуть и из шумерской художественной литературы, которая, как отмечалось в главе I, состоит из мифов, эпических поэм, гимнов, надгробных плачей, «летописей» и поучений. В настоящее время нам известны целиком или в большей своей части двадцать шумерских мифов, повествующих о сотворении и устройстве вселенной, о рождении богов, об их дурных и добрых деяниях, о сотворении человека, о потопе, ниспосланном в наказание людям, о тайнах смерти и подземного царства. Сейчас восстановлено (целиком или в большей части) девять шумерских эпических поэм, повествующих о трех героях — Энмеркаре, Лугальбанде и Гильгамеше, которые, вероятно, жили в начале III тысячелетия до н. э.

Одним из наиболее популярных видов литературного жанра в Шумере были гимны. В настоящее время известно много гимнов, посвященных богам, царям и храмам, и надо полагать, что это только небольшая часть гимнов, существовавших в древнем Шумере. Имеется несколько надгробных плачей и историографических документов, в которых говорится о разрушении таких известных городов, как Ур, Ниппур, Агаде (Аккад). И наконец, за последние десять—двенадцать лет окончательно установлено, что у шумеров была большая и разнообразная группа назидательных произведений: споры, поучения, сборники наставлений и пословиц, содержащие сотни афоризмов, поговорок, кратких изречений и даже нечто вроде басен Эзопа.

С первого взгляда может показаться, что из мифов, легенд и эпических поэм, являющихся плодом вымысла, а также из гимнов богам вряд ли удастся почерпнуть много сведений. Однако при умелом и правильном подходе можно получить немало интереснейших фактов о повседневной жизни шумеров и их практической деятельности.

Великолепным примером этому может служить миф о

Шукаллитуде, помещенный в предшествующей главе, который является единственным доказательством того примечательного факта, что шумеры пользовались защитными древонасаждениями. Возьмем другой характерный пример — небольшую и необычную мифологическую поэму, в которой рассказывается о том, как изготовили покрывало для брачной постели богини Инанны. Эта легенда шаг за шагом знакомит нас с техникой ткачества шумеров, которой они пользовались около четырех тысяч лет назад. Большая часть поэмы представляет собой диалог между Инанной и ее братом, богом солнца Уту³⁴:

*Хозяюшка, стебли льна принесу тебе,
Инанна, стебли льна принесу тебе!
— Брат, когда стебли льна принесешь мне,
Кто отобьет их для меня, кто отобьет их для меня?
Стебли эти, кто отбьет их для меня?
— Сестра, того, кто отобьет, приведу,
Инанна, того, кто отобьет, приведу.
— Брат, когда приведешь того, кто их отобьет,
Кто спрядет их для меня, кто спрядет их для меня?
Стебли эти, кто спрядет их для меня?
— Сестра, того, кто спрядет, приведу,
Инанна, того, кто спрядет, приведу.
— Брат, когда того, кто спрядет, приведешь,
Кто удвоит их для меня, кто удвоит их для меня?
Нити эти, кто удвоит их для меня?
— Сестра, того, кто удвоит, я приведу,
Инанна, того, кто удвоит, я приведу.
— Брат, когда приведешь того, кто удвоит,
Кто натянет их для меня, кто натянет их для меня?
Нити эти, кто натянет их для меня?
— Сестра, того, кто натянет, я приведу,
Инанна, того, кто натянет, я приведу.
— Брат, когда приведешь того, кто натянет,
Кто соткет их для меня, кто соткет их для меня?
Нити эти, кто соткет их для меня?
— Сестра, того, кто соткет, приведу,
Инанна, того, кто соткет, приведу.
— Брат, когда приведешь того, кто соткет,
Кто окрасит их для меня, кто окрасит их для меня?
Нити эти, кто окрасит их для меня?
— Сестра, того, кто окрасит, я приведу,
Инанна, того, кто окрасит, я приведу.
— Брат, когда приведешь того, кто окрасит,
Кто ляжет со мною, кто ляжет со мною?
— С тобой да возляжет, с тобой да возляжет
Твой супруг, с тобой да возляжет,
Амаушумгальанна с тобой да возляжет,
Друг Энлиля с тобой да возляжет,
Отпрыск лона святого с тобой да возляжет,
Семя царского дома с тобой да возляжет!*

Существует небольшой гимн богине Нинкаси, верховному божеству крепких напитков, в котором поэт подробно описывает несколько процессов, относящихся к изготовлению пива, включая варку различных видов сусла. Во многих поэтических текстах шумеров можно найти немало слов, фраз и отрывков, представляющих огромный интерес для изучения техники древнего Двуречья.

Однако литературный жанр, с наибольшей полнотой раскрывающий различные стороны производства и техники у шумеров, а также показывающий отношение к ним шумеров, — это жанр поучений. Лучшим примером тому может служить «Календарь земледельца» (см. гл. 11), содержание которого неопределимо, так как он проливает свет на основы земледелия в древнем Шумере. Не меньшую важность представляют собой так называемые диспуты, которые пользовались большой популярностью у шумерских педагогов и авторов. Аргументы, выдвигаемые героями этих литературных споров, дают различные сведения о технике, которые невозможно получить из других источников. Некоторые из этих диспутов проанализированы в главе 20 («Диспуты. Первые литературные споры»). Здесь я привожу содержание спора между Мотыгой и Плугом, из которого мы узнаем весьма удивительную подробность — как высоко оценивали шумеры роль работников в экономике и технике вообще и в частности в таких важных областях, как ирригация, дренажные работы, сельское хозяйство, строительство, починка мостовых. Мы также узнаем из этого документа, что для работавших в поле строились специальные «башни», где они могли отдохнуть после целого дня утомительного труда.

«Спор между Мотыгой и Плугом» начинается не с обычного мифологического вступления, а с описания Мотыги:

О Мотыга, Мотыга, Мотыга, чей завязан узел³⁵.

Мотыга из тополя³⁶, чьи зубы из ясеня.

Мотыга из тamarиска, чьи зубы из «древа морского».

Мотыга двузубая, Мотыга четырехзубая,

Мотыга, дитя бедняка, его льняная одежда,

Мотыга бросает вызов Плугу.

Мотыга спор затевает с Плугом.

Мотыга так говорит Плугу:

— Плуг, ты борозду удлиняешь, но что твое удлинение³⁷?

Плуг, ты борозду прорезаешь, но что твое прорезание?

Бегущую воду ты не запрудишь,

Корзину землю ты не наполнишь,

Ты глину не прессуешь, ты кирпичи не формуешь.

Ты основания не заложишь, ты дома не построишь.

Ты стены обветшалою, ее основанья не укрепишь.
Кровлю благородному человеку ты не поставишь.
О Плуг, просторную улицу ты не выпрямишь.
О Плуг, ты борозду удлиняешь, но что твое удлинение?
Плуг, ты борозду прорезаешь, но что твое прорезание?
Плуг Мотыге так отвечает:
— Я Плуг, что создан рукою великой, я великой десницею
собрал!

Я землемер могучий Энлиля!
Я истинный пахарь человек.
Когда в поле в месяц Шунумун³⁸ начинают праздновать мой
праздник,
Царь колет быков для меня, режет много овец для меня,
Царь держит мою руку.
Моих быков в ярмо впрягает.
Вся знать по сторонам толпится.
Вся Страна радостно ликует.
Народ в веселье на меня взирает.
Мое становление борозды воистину великий праздник.
Перед колосьями, что я рашу в полях,
Бесчисленные твари Сумугана³⁹ склоняются...
Мой град в степи, его изобилие —
Гора зеленая, благоговением полная.
Я наполняю Энлилю житницы —
Эммер, пшеницу сгребаю в кучи...
А ты, Мотыга, что в грязи копошишься,
Чья голова увязла в поле,
Мотыга и кирпичная форма — вы постоянно в грязи живете!
Копай колодцы, рой канавы!
Ты для царской руки не годишься!
Рука раба на твоей голове — вот знак твоего достоинства!
И ты еще меня оскорбляешь!
Ты себя со мною равняешь!
Ступай же в поле, с меня довольно!..
Но в земле Энлиля я тебя превосходней!
В доме Энлиля я стою пред тобою!
Я рвы вырываю, я строю каналы,
И вода поля заполняет.
В тростниковые рощи льется.
Мои корзиночки там трудятся.
Я прорезаю каналы, отвожу протоки,
Для Великой Реки⁴⁰ расширяю воды.
Осушаю, убираю болота.
Я, Мотыга, возвожу ограды,
Дабы ни южный, ни северный ветры их не сломали.
Птицелов собирает яйца птичьи.
Рыбак вылавливает рыбу.
Люди для птиц силки расставляют.
Мое изобилие заполняет все страны.
А когда я с полей удалю воду,
Когда я осушу землю,
О Плуг, перед тобою выхожу я на поле.
Я для тебя готовлю поле,
Я равняю края каналов,

Я с полей убираю комья и корни.
Для твоих трудов я готовлю поле.
Ты ж — быков твоих шесть, людей — четверо, ты сам
выступаешь одиннадцатым...

Дни трудов моих — двенадцать месяцев.
Твоего на поле стояния — четыре.
Восемь месяцев ты пропадаешь.
Твоя работа — вдвое меньше твоего простоя...
Я же всегда возле слуг царевых.
Я дома владыкам строю.
Я увеличиваю стойла, я примножаю овечьи загоны.
Я корзины землей наполняю.
Я глину прессую, кирпичи формую,
Я закладываю основанья, я строю дома.
Стены обветшалой ее основанье я укрепляю.
Я кровлю благородному человеку ставлю.
Я выпрямляю просторную улицу, я, Мотыга!
Я огораживаю грады, я возвожу их стены,
Я богам великим прекрасные строю храмы.
Я красную глину мешаю с зеленой, я их смешиваю с простою
глиной.

Я возвожу грады с дворцами...
Я сады для царей разбиваю.
А когда я сады обнесу оградой, огорожу их, разрыхлю землю,
Снова люди берут меня, Мотыгу,
И когда я вырою им колодцы, когда я укреплю балки,
Построю водяные колеса, выровняю рвы и канавы,
Рвы и канавы водой наполню,
Дабы яблони цвели-плодоносили,
И плоды во храмы божьи, как то подобает, относили.
А затем я отдаю плоды садовнику и его детям.
О Плуг, я берега реки ровняю, я обновляю тропинки,
На берегу реки я строю *беседки*,
Дабы тот, кто на полях днями трудился,
Труженик, что не уходит с поля ночью,
Мог бы в ту *беседку* подняться,
Дабы там отдохнуть, как в благоустроенном граде.

Далее текст, в котором оставалось еще сорок строк, непонятен. Однако в конце текста мы видим, что Энлиль благословляет Мотыгу. Самые последние строки читаются так:

В споре между Мотыгой и Плугом
Мотыга превосходнее Плуга.
Хвала тебе, богиня Нисаба!

Перейдем теперь из области чисто материальной в духовную сферу — от техники к философии.

Есть все основания считать, что у шумеров III тысячелетия до н. э. сложился ряд метафизических и теологических понятий, которые, хотя они не были четко сформулированы, со временем в большей или меньшей степени рас-

пространились на всем Ближнем Востоке и оставили заметный след даже в религии древних евреев и, впоследствии, христиан.

Наиболее существенные из этих представлений освещены в главе 14, где также рассматривается ряд весьма расплывчато сформулированных и неясно выраженных практических и логических выводов, которые вытекают из этих представлений. В этой же главе поднимается вопрос о том, в какой мере философские рассуждения и умозаключения шумеров были оторваны от действительности и связаны с эпосом и мифами, хотя в этих последних фантазия и воображение превалируют над логикой и разумом.

14. НАТУРФИЛОСОФИЯ

ПЕРВАЯ КОСМОГОНИЯ И КОСМОЛОГИЯ

Шумеры не сумели создать философии в общепринятом смысле этого слова. Им никогда не приходило в голову, что истинная природа вещей или их представления о вещах могут быть поставлены под сомнение, а потому у них отсутствовала такая отрасль философии, как гносеология (теория познания).

Тем не менее шумеры размышляли и строили предположения о природе вселенной, и прежде всего о ее происхождении и устройстве, о законах мироздания. Есть все основания предполагать, что уже в III тысячелетии до н. э. в Шумере были мыслители и педагоги, которые пытались ответить на подобные вопросы и для этого разработали свою космологию и теологию. Созданная ими система взглядов оказалась настолько убедительной, что ее безоговорочно приняло большинство стран Ближнего Востока.

Однако тщетно было бы искать в литературе шумеров систематическое философское изложение их космологии и теологии. Мыслители Шумера еще не овладели тем незаменимым оружием познания, которое мы воспринимаем как нечто само собой разумеющееся: они не знали научного метода определения и обобщения, без которого наука никогда бы не достигла современного уровня. Возьмем хотя бы такую очевидную истину, как взаимозависимость причины и следствия. Мыслители Шумера, несмотря на то что повседневная жизнь давала им тысячи примеров такой взаимозависимости, так и не сумели вывести из них общего

и всеобъемлющего закона: «Каждое следствие имеет свою причину»⁴¹. Не удивительно, что почти все сведения о шумерской философии, теологии и космологии приходится сегодня собирать по крохам из отдельных литературных произведений, в частности из мифов, эпических сказаний и гимнов.

Какими же «научными» данными располагали шумеры? Из чего они исходили в своих представлениях о мире, которые ложились в основу их философских построений и теологических доктрин?

Для шумерского философа или педагога главными элементами мироздания были земля и небо. Поэтому они называли вселенную «ан-ки», что означает «небо-земля». Земля, по представлениям шумеров, это плоский диск, а небо — пустое пространство, опирающееся наверху и внизу на твердую поверхность. Из какого материала была, по их мнению, эта поверхность, до сих пор неясно. Поскольку шумеры называли олово «небесным металлом», можно думать, что она считалась оловянной. Между землей и небом располагался третий элемент — «лиль»; это слово означает (приблизительно) «ветер» (воздух, дуновение, дух). Его главной отличительной чертой, очевидно, считалось движение и способность занимать пространство, что приблизительно соответствует нашему понятию «атмосфера». Солнце, луна, планеты и звезды созданы из того же вещества, что и атмосфера, но, кроме того, обладают способностью светиться. «Небо-земля» сверху, снизу и с обеих сторон окружены бесконечным океаном, в котором они каким-то образом сохраняют неподвижность.

Исходя из этих основных представлений, которые им казались очевидными и непреложными, шумерские мыслители и строили свою космогонию. Вначале, по их мнению, был первозданный океан. Судя по некоторым данным, можно предположить, что шумеры считали этот океан своего рода «первопричиной», «первым двигателем», не задаваясь мыслью о том, что же предшествовало океану во времени и пространстве. В этом первозданном океане каким-то образом зародились небесный свод и плоская земля, отделенные друг от друга движущейся и всепроникающей «атмосферой». Затем из атмосферы были созданы светящиеся тела: солнце, луна, планеты и звезды. Далее, после отделения неба от земли и возникновения светоносных астральных тел, появились растения, животные и, наконец, человек.

Но кто же создал вселенную и кто заставлял ее совершать свой круговорот день за днем, год за годом, на про-

тяжении бесчисленных веков? Насколько нам известно из наиболее древних письменных источников, шумерские теологи не сомневались в том, что существует целый пантеон живых существ, похожих на людей, однако бессмертных и наделенных сверхчеловеческим могуществом, которые незримо управляют ходом мироздания по непреложному плану, в соответствии с незыблемыми законами. Каждое из этих антропоморфных, но сверхъестественных существ ведет определенной частью мироздания и действует по строго определенным правилам. Одному поручено следить за землей, другому — за небом, остальным — кому за морем, кому за воздухом, кому за тем или иным крупным небесным телом (солнцем, луной, отдельными планетами и т. д.). В шумерском пантеоне были божества, ведавшие ураганами, бурями и ветрами в атмосфере; реками, горами и равнинами на земле. Были особые божества для каждого города, страны, плотины, канала, для каждого поля и хозяйства, и даже божки для таких орудий труда, как мотыга, плуг, форма для выработки кирпича.

К подобному непреложному для них убеждению шумерские теологи могли прийти только путем логических умозаключений, потому что никто из них, разумеется, никогда не видел ни одного из этих многочисленных человекоподобных божеств. Они исходили из структуры человеческого общества, каким они его знали, то есть судили о неведомом по хорошо известному. Они видели, что страны и города, дворцы и храмы, поля и угодия — короче, все в общественной жизни и сфере производства управляется, содержится, контролируется и возглавляется живыми человеческими существами, без которых страны и города обречены на запустение, дворцы и храмы обращаются в руины, а посевы засыхают. Поэтому, рассуждали они, и вселенная со всеми ее составными элементами тоже должна управляться, содержаться, контролироваться и возглавляться живыми существами, имеющими облик людей. Но поскольку вселенная неизмеримо больше всех поселений человека, поскольку строение ее неизмеримо сложнее, эти живые существа должны быть гораздо могущественнее простых людей. Прежде всего они должны быть бессмертными. Ибо если они умрут, во вселенной воцарится хаос и придет конец света — перспектива, которая, по вполне понятным причинам, не устраивала шумерских мыслителей. Этих антропоморфных, но в то же время сверхъестественных и бессмертных существ шумеры обозначали словом «дингир», которое мы переводим как «бог», «божество».

Какова была структура этого божественного пантеона? Прежде всего — для шумеров такое предположение вполне естественно — божества занимали в их пантеоне различные места в соответствии со значением каждого. Вряд ли божество мотыги или формы для выработки кирпича могло сравниться с богом солнца. Бог плотин и каналов тоже не мог быть одного ранга с богом, ведавшим всей землей. Вполне естественно, что, по аналогии с политической организацией своих государств, шумеры поставили во главе пантеона главного бога, которого остальные божества признавали своим правителем или царем.

Таким образом, шумерский пантеон представлял собой нечто вроде собрания под председательством верховного правителя. Следующими за ним по рангу были семь богов, «вершащих судьбы», и пятьдесят так называемых «великих богов». Однако самое любопытное подразделение, установленное шумерскими теологами, заключалось в том, что они различали божества созидательные и несозидательные. Это вытекало из их представления о вселенной. Поскольку главными ее элементами были небо, земля, море и атмосфера, все прочие явления могли существовать лишь в рамках этих четырех элементов. Отсюда нетрудно прийти к заключению, что четыре бога, ведавшие небом, землей, морем и воздухом, были созидательными богами и что они создали все сущее, каждый в своей области, в соответствии с заранее разработанным ими планом.

Что касается метода созидания, которым пользовались эти боги, то здесь шумерские философы выдвинули доктрину, которая была впоследствии принята на всем Ближнем Востоке, — доктрину о созидательной силе божественного слова. По их учению, богу-творцу достаточно было что-либо задумать, а затем произнести слово и назвать имя. Вполне возможно, что представление о созидательной силе божественного слова возникло в результате наблюдений над человеческим обществом. Если человек, правитель, мог достичь почти всего, чего ему хотелось, силой приказа — всего лишь силой слова, слетевшего с его уст, — почему бы сверхмогущественным бессмертным богам, правителям четырех стихий вселенной, не достичь своим божественным словом гораздо большего? Но возможно также, что столь «облегченное» решение проблем космологии, при котором единственное значение имели мысль и слово, просто отражало стремление уйти от реальности, подменить действительное желаемым, что характерно почти для всех людей в тяжелые периоды их жизни⁴².

Одновременно шумерские богословы создали вполне удовлетворявшую их концепцию, которая объясняла, каким образом взаимодействовали природные и общественные явления после их создания. По их мнению, эти явления взаимодействовали гармонично и непрерывно, не вступая между собой ни в какие противоречия. Этому представлению соответствовало шумерское слово «ме», точный смысл которого до сих пор не установлен⁴³. Можно предположить, что данное слово обозначало комплекс правил и закономерностей, предписанный каждому явлению природы или общества создавшим их божеством, дабы эти явления всегда подчинялись заранее задуманному плану. Это был еще один — разумеется, неглубокий, но не столь уж нелепый — ответ на поистине неразрешимую загадку мироздания. Впрочем, такой ответ прикрывал труднейшую проблему космологии оболочкой малозначащих слов.

У шумеров не было литературного жанра, аналогичного ученым трактатам философского, космологического или богословского толка. Поэтому современному исследователю приходится «выкапывать» факты, относящиеся к их мировоззрению, из многочисленных мифов, дошедших до нас полностью или частично. Задача весьма нелегкая, потому что создателей и переписчиков мифов нельзя отождествлять с философами и богословами. С точки зрения психологии и темперамента поэт и мыслитель — натуры прямо противоположные. Впрочем, качества того и другого, конечно, могли соединиться и в одном человеке.

Мифы записывались писцами и поэтами, главной задачей которых являлось прославление богов и их деяний. В отличие от философов они не были заинтересованы в открытии каких-либо космологических или теологических истин. Они принимали на веру существовавшие в те времена теологические представления и нормы, не думая о том, как они возникли и утвердились. Целью творца какого-либо мифа было создать такую поэму, которая бы объясняла одно из общепринятых теологических представлений в живой, занимательной и убедительной форме. Ему не было дела до логических аргументов и доказательств. Он обращался не к разуму, а к чувствам. Поэтому основным его оружием были не логика, не обоснование, а воображение и выдумка. Создавая мифы, поэты, не колеблясь, придумывали для своих героев, исходя из поведения людей, такие положения и побуждения, которые зачастую не имели ничего общего с логическим и теоретическим мышлением. Точно так же они без колебаний вводили в свой рас-

сказ фольклорные сказочные мотивы, весьма далекие от рациональных космологических исследований и представлений.

Невозможность отличить шумерского философа от сказителя сбила с толку многих исследователей Древнего Востока, особенно тех, кто в угоду широкой публике больше заботился о религиозных догматах, нежели об установлении истины. Такие исследователи либо недооценивают, либо переоценивают мыслителей древности, бросаясь из одной крайности в другую. Рассуждают они так: с одной стороны, древние по своему умственному развитию были неспособны логически мыслить и разрешить загадки мироздания. Но, с другой стороны, древние были наделены «не испорченным» логикой мифотворческим интеллектом и глубокой природной интуицией, что позволяло им проникать в тайны вселенной гораздо глубже, чем современному человеку с его аналитическим умом и сугубо рассудочным подходом к вещам. Такие рассуждения в основе своей вздорны.

Наиболее зрелые и вдумчивые мыслители Шумера обладали вполне достаточным интеллектом, чтобы логично и последовательно рассуждать о любых проблемах, в том числе о происхождении и устройстве вселенной. Камнем преткновения для них было отсутствие научных данных. Кроме того, им не хватало такого незаменимого интеллектуального оружия, как метод определения и обобщения. Наконец, шумеры практически не учитывали фактора роста и развития, поскольку им было совершенно чуждо столь очевидное для нас понятие, как эволюция.

Не приходится сомневаться, что по мере накопления нового материала, по мере открытия новых, доселе неведомых методов познания, новых перспектив и горизонтов мы тоже когда-нибудь придем к выводу об ограниченности и близорукости философов и ученых наших дней. Но тут есть одно существенное различие: современный мыслитель обычно сам признает относительный характер своих выводов и весьма скептически смотрит на любые категорические утверждения. Про мыслителей древнего Шумера этого не скажешь. Они были убеждены, что их взгляд на вещи абсолютно правилен и что они совершенно точно знают, как возникла и как устроена их вселенная.

Что мы знаем о сотворении мира в представлении шумеров? В этом вопросе основным нашим источником является вступительная часть поэмы, которую я назвал «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство». О содержании поэмы речь пойдет в главе 26. В данном случае нас

интересует не вся поэма, а только вступление, потому что именно в начале своих мифов и эпических сказаний шумерские поэты обычно приводят сведения космологического характера, зачастую не имеющие прямой связи с содержанием дальнейшего повествования.

Во вступлении к поэме «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» есть следующие пять строк:

...Когда небеса от земли отделились, вот когда,
Когда земля от небес отодвинулась, вот когда,
Когда имя человека установилось, вот когда,
Когда Ан себе небо унес, вот когда,
А Энлиль себе землю забрал, вот когда...

Переведя эти строки, я проанализировал их и пришел к выводу о том, что в них содержатся следующие космогонические представления:

- 1) когда-то небо и земля были едины;
- 2) некоторые боги существовали до отделения неба от земли;
- 3) после отделения неба от земли бог неба Ан поднял небеса, а бог воздуха Энлиль опустил землю. (В подлиннике — Ан «унес» небо, а Энлиль «унес» землю.)

Этот отрывок ничего не говорит о следующих основных вопросах и не затрагивает их даже косвенно:

1. Если шумеры представляли себе землю и небо не извечно существовавшими, а когда-то созданными, то кто их создал?
2. Какова была в их представлении форма земли и неба?
3. Кто отделил небо от земли?

Покопавшись в доступных мне шумерских текстах, я нашел следующие ответы на эти три вопроса:

1. В табличке с перечнем имен шумерских богов богиня Намму, чье имя изображено пиктографическим значком, обозначающим первозданный океан, названа «матерью, породившей небо и землю». Таким образом, в представлении шумеров земля и небо были порождением первозданного океана.

2. Миф «Скот и зерно», описывающий рождение на небесах божеств скота и зерна, которые затем спускаются на землю, чтобы принести процветание роду человеческому (см. гл. 15), — этот миф начинается следующими строками:

На горе Земли и Небес
Когда Ан сотворил Ануннаков...

3. Поэма, описывающая изготовление и освящение мо-

тыги, этого важнейшего земледельческого орудия, начинается следующим образом:

Владыка, дабы создать то, что полезно,
Владыка, чьи решения непреложны,
Энлиль, приносящий зерна «полей» с земли,
Решил отделить небеса от земли,
Решил отделить землю от небес.

Пер. Ф.Л.Мендельсона

На основании первой строки мифа «Скот и зерно» можно предположить, что, когда земля и небо представляли собой одно целое, они были горой, подножие которой было низом земли, а вершина — верхней частью неба. А поэма о мотыге отвечает на вопрос о том, кто отделил небо от земли: это сделал бог воздуха Энлиль.

После того как мои изыскания в шумерских текстах привели к таким заключениям, стало возможным суммировать космогонические представления шумеров, то есть их представления о сотворении мира.

Шумеры объясняли происхождение вселенной следующим образом:

1. Вначале был первозданный океан. О его происхождении или рождении ничего не говорится. Вполне вероятно, что в представлении шумеров он существовал вечно.

2. Первозданный океан породил космическую гору, состоявшую из земли, объединенной с небом.

3. Созданные как боги в облике человека, бог Ан (небо) и богиня Ки (земля) породили бога воздуха Энлиля.

4. Бог воздуха Энлиль отделил небо от земли. В то время как его отец Ан поднял (унес) небо, сам Энлиль опустил (унес) землю, свою мать. Брак Энлиля со своей матерью-землей положил начало устройству мира — сотворению человека, животных, растений и созданию цивилизации.

Что касается происхождения и природы небесных тел — луны, солнца, планет и звезд, — то об этом нет почти никаких прямых сведений. Однако из того факта, что даже в самых древних письменных источниках шумеры называли бога луны, известного под двумя именами, Син и Нанна, сыном бога воздуха Энлиля, можно сделать вывод о том, что они считали луну ярким воздухоподобным телом, созданным каким-то образом из атмосферы. В свою очередь, бог солнца Уту и богиня планеты Венеры, Инанна, во всех текстах именуется детьми бога луны. Вероятно, шумеры полагали, что эти два небесных тела были созданы лунной

после того, как последняя возникла из атмосферы. Это относится и к остальным планетам и звездам, о которых в текстах образно говорится, что «крупные движутся возле (луны) подобно диким быкам», а «мелкие рассыпаны возле (луны) подобно зернам».

Относительно рождения бога луны Сина сохранился очаровательный, глубоко человечный миф, созданный, видимо, для того, чтобы объяснить происхождение этого бога и трех других богов, осужденных влачить существование в подземном (темном) мире вместо восточного (светлого) неба, где обитают более счастливые божества. Моя первая попытка восстановить и перевести этот миф содержится в книге «Шумерская мифология», вышедшей в 1944 г. Однако в моей расшифровке фабулы мифа были серьезные ошибки из-за пропусков в тексте, а также из-за некоторых неправильных выводов.

В 1946 г. Т. Якобсен опубликовал серьезную, убедительную статью (*Journal of Near Eastern Studies, vol. V*), в которой исправил текст и пояснил его. Кроме того, в 1952 г. совместная экспедиция Восточного института и Музея Пенсильванского университета обнаружила во время раскопок в Ниппуре хорошо сохранившуюся табличку с этим мифом, позволившую восполнить ряд пропусков в первой его части и значительно прояснившую смысл всей поэмы в целом. Учитывая замечания Якобсена и дополнения из новой таблички, найденной в Ниппуре, этот миф можно изложить следующим образом⁴⁴.

Когда человек еще не был создан, в городе Ниппуре обитали только боги: «его юношей» был бог Энлиль, «его девушкой» была богиня Нинлиль, «его старухой» была мать Нинлиль, Нунбаршегуну. Однажды, склонившись сердцем и разумом к тому, чтобы поженить Нинлиль и Энлиля, Нунбаршегуну так сказала своей дочери:

— Светлы воды «Потока Женского», чисты его струи, но ты не купаешься в них.
И на берег «Потока Княжьего», Нинлиль, ты не ходи.

Ясноглазый, Повелитель остроокий — тебя его око узреет.

Утес Могучий, Отец Энлиль — тебя его око узреет.

Пастырь, судеб вершитель, остроокий — тебя его око узреет.

Он корень воздымет, тебя он обнимет,

Радость сердца, семя блаженства в утробу твою испустит, а потом покинет.

Но Нинлиль не последовала советам матери⁴⁵.

Светлы воды «Потока Женского», чисты его струи, и она купается в них.

Нинлиль, на берег «Потока Княжьего» она идет.

Ясноглазый, Повелитель остроокий — ее его око узрело.

Утес Могучий, Отец Энлиль остроокий — ее его око узрело.

Пастырь, Судеб вершитель, остроокий — ее его око узрело.

Владыка — с тобою да сблизусь! — ей говорит, а она не желает.

Энлиль — с тобою да сблизусь! — ей говорит, а она не желает.

— Мое лоно мало, сближенья не знает,

Мои губы юны, целовать не умеют...

Энлиль обращается к своему визирю Нуску и говорит о своем желании обладать прекрасной Нинлиль. Нуску дает ему барку. Энлиль вместе с Нинлиль плывут по реке, и во время этого плавания Энлиль силой овладевает девушкой. Так был зачат бог луны Син. Но богов встревожил этот безнравственный поступок, и, несмотря на то что Энлиль был их властелином, они схватили его и изгнали из города в подземное царство.

Следующий отрывок весьма любопытен, он в какой-то мере объясняет устройство шумерского пантеона:

Энлиль через двор Киура* проходит.
Когда Энлиль через двор Киура проходит,
Все пятьдесят великих богов,
И семь богов, вершителей судеб,
Энлиля в Киуре они хватают.

И вот Энлиль, подчиняясь решению богов, направился в шумерский ад. Однако Нинлиль, уже носившая во чреве его ребенка, не захотела оставить Энлиля и последовала за ним в подземное царство. Мысль о том, что сын его Син, предназначенный править самым крупным светящимся небесным телом, луной, будет прозябать в мрачном, темном подземном мире, вместо того чтобы сиять на небесах, встревожила Энлиля. Чтобы избежать этого, он придумывает довольно сложный план. По дороге от Ниппура к аду путникам встречаются три живых существа (по-видимому, это низшие божества): страж адских врат, «человек адской реки» и перевозчик — шумерский Харон, переправлявший мертвых в ад через реку. Что же делает Энлиль? Он поочередно принимает облик этих трех служителей ада — первый в истории пример «божественной метаморфозы»!⁴⁶ — и трижды оплодотворяет Нинлиль, чтобы она родила три божества подземного царства, которые могли бы заменить

* Киур — храм богини Нинлиль. — *Примеч. пер.*

своего старшего брата Сина и позволить ему вознестись на небо.

Вот несколько отрывков (хотя следует подчеркнуть, что смысл отдельных строк все еще неясен и значение этой части мифа может быть в дальнейшем истолковано по-иному):

— Энлиль, нарушитель запретов, покинь город!

Нунамнир, нарушитель запретов, покинь город!

Энлиль — он сам вершитель судеб,

Нунамнир — он сам вершитель судеб,

Энлиль уходит, Нинлиль следует.

Нунамнир уходит, дева преследует.

Энлиль привратнику главных ворот, так он ему молвит:

— О мой привратник, хранитель засова,

Хранитель притвора, хранитель засова!

Госпожа твоя Нинлиль сюда придет.

Когда она обо мне тебя спросит,

Не говори ей, где я укрылся!

Нинлиль привратнику главных ворот, так она ему молвит:

— О мой привратник, хранитель засова,

Хранитель притвора, хранитель засова,

Энлиль, твой повелитель, куда пошел он? — так она ему молвит.

Энлиль за привратника главных ворот ей отвечает:

— Мой господин, о прекраснейшая, не соизволил сказать об этом!

Энлиль, о прекраснейшая, не соизволил сказать об этом.

— *Слово сказано, дело сделано.*

Утроба моя тяжела, *о том промолчишь ли ты?*

Энлиль, владыка всех стран, наполнил лоно мое.

Энлиль — твой господин, а я — твоя госпожа.

— Если ты моя госпожа, дай мне тебя коснуться.

— Семя моего господина, семя сверкающее в моей утробе.

Семя Зуэна, семя сверкающее в моей утробе.

— Семя моего господина — к небу, семя мое — в землю воистину
пусть идет.

Семя мое за семя моего господина в землю воистину пусть идет!
И Энлиль под видом привратника в опочивальне с нею возлег.

Ее целовал он, ее миловал он.

Корень вздымая, ее обнимая,

Семя Нергала-Месламтеа он излил в ее утробу.

Затем Энлиль направляется к «реке подземного царства» (шумерскому Стиксу). Нинлиль следует за ним, и точно такая же сцена повторяется между Энлилем, «человеком подземной реки» и Нинлиль. Здесь Энлиль в образе «человека подземной реки» оплодотворяет Нинлиль семенем Ниназу, другого божества подземного царства.

Далее Энлиль идет к шумерскому Харону, перевозчику мертвых. Та же сцена повторяется снова, и Энлиль, на сей раз в образе перевозчика, оплодотворяет Нинлиль семенем третьего бога, чье имя не сохранилось на табличке; однако

несомненно, что речь шла об одном из богов, осужденных влачить существование в загробном мире. Заканчивается миф кратким гимном Энлилю, дарящему изобилие и процветание — великому, могущественному богу, чье слово нерушимо.

Этот миф ярко иллюстрирует антропоморфный характер шумерских богов. Даже самые мудрые и могущественные среди них своим обликом, помыслами и деяниями походили на человека. Подобно людям, боги строили планы, действовали, пили, ели, женились, обзаводились семьями, вели большое хозяйство и были подвержены человеческим слабостям и недугам. В общем и целом они предпочитали истину лжи, а справедливость — насилию. Однако их побуждения далеко не всегда ясны для простого смертного.

Считалось, что боги обитают «на горе небес и земли, там, где восходит солнце», или, во всяком случае, находятся там, пока их присутствие не потребует в какой-либо определенной части вселенной, порученной их заботам. Каким именно способом боги передвигаются в пространстве, тоже не ясно. По сохранившимся источникам можно заключить, что бог луны путешествовал в ладье, бог солнца — на колеснице или, по другой версии, пешком, а бог бурь — на облаках. Однако подобные практические вопросы не слишком затрудняли шумерских мыслителей, и поэтому мы не знаем, как боги проникали в свои многочисленные храмы и святилища, рассеянные по всему Шумеру. Ничего не говорится и о том, каким образом они вкушали пищу. Жрецы, надо полагать, имели дело с изваяниями богов, которые были окружены величайшей заботой и почитанием. Но каким образом каменные, деревянные или металлические статуи могли обретать черты живых существ из плоти и крови — этот вопрос шумерских мыслителей никогда не тревожил, точно так же как и неразрешимое противоречие между бессмертием и антропоморфным характером богов. Хотя боги считались бессмертными, они тем не менее должны были получать пищу, могли болеть и даже находиться при смерти; они сражались, наносили раны, убивали и сами могли быть не только ранены, но и убиты.

Несомненно, шумерские мудрецы придумывали многочисленные теологические тонкости, тщетно пытаясь избавиться от несовершенства и внутренних противоречий своей политеистической религии. Но, судя по сохранившимся данным, они никогда не пытались систематизировать свои взгляды, а потому мы, по всей вероятности, никогда не сможем составить о них достаточно полного представления.

Во всяком случае, противоречия своей религии им вряд ли удалось разрешить. От морального и интеллектуального тупика шумеров спасало то, что многие вопросы, неизбежно возникающие на нашем уровне мышления, наверняка никогда не приходили им в голову.

В III тысячелетии до н. э. в Шумере можно насчитать — по крайней мере по именам — несколько сот богов. Большинство из них известны нам не только по спискам, составленным в школах, но также благодаря перечням даров и жертвоприношений, сохранившимся на некоторых табличках, найденных за последнее столетие. Наконец, имена некоторых богов известны потому, что они встречаются в таких сочетаниях, как «Х-пастух», «Х с добрым сердцем», «подобный Х», «слуга Х», «возлюбленный Х», «полученный от Х» и т. п. (в каждом случае «Х» — имя какого-либо божества). Большинство этих божеств, так сказать, боги второстепенные, то есть жены, дети или слуги главных богов, которыми наделяли этих последних по аналогии с людьми. Многие имена, возможно, представляют собой лишь прозвища или эпитеты уже известных нам богов, но разобраться в этом весьма сложно. Несомненно одно: у шумеров было множество богов, которым они постоянно приносили жертвы, постоянно поклонялись и молились. Главнейшими среди этих сотен божеств были бог неба Ан, бог воздуха Энлиль, водяной бог Энки и великая богиня-мать Нинхурсаг. Эти четыре божества обычно возглавляют перечень богов и зачастую действуют вместе. На собраниях и пирах богов им всегда отводятся почетные места.

Есть все основания полагать, что бог неба Ан некогда считался у шумеров главным божеством всего пантеона, хотя в дошедших до нас источниках, восходящих примерно к 2500 г. до н. э., эта роль приписывалась уже богу воздуха Энлилю.

Городом-горударством, где находилось главное святилище Ана, был Урук. Долгое время Урук играл главенствующую роль в политической истории Шумера. (Об этом говорят находки немецкой экспедиции, которая незадолго до второй мировой войны обнаружила во время раскопок Урука сотни маленьких глиняных табличек, покрытых полупиктографическими значками, относящимися примерно к 3000 г. до н. э., то есть к той эпохе, когда письменность вообще была только что изобретена.) Правда, Ану продолжали поклоняться по всему Шумеру и в последующие тысячелетия, однако он утратил свое главенствующее положение в пантеоне и отошел на второй план. Со временем его

имя все реже упоминается в хвалебных гимнах и мифах, а его власть и могущество все в большей степени переходят к Энлилю.

Итак, главенствующим божеством шумерского пантеона, которое в первую очередь упоминалось во время совершения обрядов, в мифах и молитвах, стал бог воздуха Энлиль. Мы не знаем, какие обстоятельства заставили шумеров признать его верховным божеством, однако уже в древнейших доступных нам документах он именуется «отцом богов», «царем неба и земли», «владыкой всех стран». Цари и правители похвалялись, что получили власть над той или иной страной от самого Энлиля, что это Энлиль ниспослал им процветание и победу над врагами. Именно Энлиль «называл имя царя», «вручал ему скипетр» и «взирал на него благосклонным взглядом».

Из более поздних мифов и гимнов мы узнаем, что Энлиль считался добрым богом-творцом, определившим строение вселенной и создавшим ее наиболее благотворные силы. Это он сотворил день, он сжалился над людьми, он способствовал росту всех злаков, растений и деревьев на земле. Он был источником процветания и изобилия страны, изобретателем мотыги и плуга — первых сельскохозяйственных орудий, которыми стал пользоваться человек.

Я намеренно подчеркиваю здесь благотворность деяний Энлиля, чтобы исправить неверное представление о нем как о свирепом, разрушительном божестве бурь, чьи слова и поступки почти всегда причиняли зло, — ложное представление, которое укоренилось почти во всех учебниках и энциклопедиях, где идет речь о шумерской культуре и религии. Как это часто случается, такое ложное представление возникло главным образом в результате археологической случайности. Среди древнейших опубликованных шумерских произведений оказалось по сравнению с другими текстами слишком много так называемых «плачей», в которых на долю Энлиля выпадает печальная необходимость приносить несчастья и разрушения, почему-либо предписанные другими богами.

Так и получилось, что первые шумерологи, да и некоторые их современные последователи, стали считать Энлиля свирепым богом-разрушителем. Однако сегодня, анализируя шумерские гимны и мифы, особенно те, что были опубликованы после 1930 г., мы видим, что на самом деле Энлиль был добрым, дружественным богом, по-отечески заботившимся о сохранности и благоденствии всего рода человеческого и, в частности, обитателей Шумера⁴⁷.

Один из наиболее важных гимнов, посвященных Энлилю, был восстановлен в 1953 г. при помощи множества отдельных табличек и фрагментов. В 1951—1952 гг., когда я работал в стамбульском Музее Древнего Востока, мне посчастливилось отыскать нижнюю часть той самой таблички в четыре столбца, верхняя часть которой находится в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии (ее опубликовал еще в 1919 г. покойный ассириолог Стефанэ Лэнгдон). В том же, 1952 г. совместная экспедиция Восточного института Чикагского университета и Музея Пенсильванского университета Филадельфии обнаружила при раскопках Ниппура еще один отрывок этого гимна. Текст его еще не полон, и перевод представляет значительные трудности⁴⁸.

Начинается гимн восхвалением самого Энлиля, главным образом как бога, карающего злодеяния. Далее прославляется великий храм Энлиля в Ниппуре, носящий название Экур. Заканчивается гимн поэтическим перечнем разных благ цивилизации, ставших возможными благодаря Энлилю.

Ниже приводятся наиболее понятные отрывки из этого гимна, насчитывающего 170 строк:

Энлиль! Повсюду могучие кличи его, священные речи его!
То, что из уст его — ненарушимо, что присудил он — дано навечно!

Он взоры вздымает — колеблет горы!
Он свет излучает — пронзает горы!
Отец Энлиль восседает державно в священном капище,
могучем капище.

Он — Нунамнир, совершенно его правление, его княжение!
Боги земли перед ним склоняются,
Ауннаки-боги к нему стекаются,
С верою в мудрость его стекаются!
Исполни! Владыка! Он велик во вселенной! Он мудрец,

в законах всеведущ!
Могучий разумом! Своим жилищем избрал священный округ Дуранки,
Он Киуру, святая величья, дал воссиять в княженье и блеске!
Его обиталище — Ниппур-город, козел-вожак небес и земли!

Город! Его лик излучает ужас!
Его стены! К ним и бог не подступится!..
Он западня для стран враждебных, он их ловит ловушкой и сетью!..
В городе, священном селенье Энлиля,
В Ниппуре, святая святых Отца, Могучего Утеса,
Цветущее капище, Экур, храм лазурный, из праха вознес он,
Как гору высокую на чистом месте его возвел.
И он, его князь, Могучий Утес, Отец Энлиль,
В Экуре, в могучем святилище, в капище восседает!
Таинства храма не отменят боги,
Обряды чисты, как земля бесконечны,
Его тайные силы недоступны взору,
Его покои, как море, бескрайни,

Его символы-знаки — звезды,
Его владыка сотворил безупречно таинства вечные!
Все слова его — реченья,
Его заклинания — молитвы,
Его дела — предсказанья благие.
Его алтари прочны и могучи.
В праздник масло и сливки льются обильно!
Предначертанья его прекрасны, его намеренья полны величия!
На закате — праздник, на восходе — праздник.
Храм Энлиля — гора изобилья...
Верховный жрец возвеличен с храмом,
Источники храма сильны в исцеленье,
Его жрецы совершенны в обрядах,
Его служители чисты в молитвах,
Могуч его пахарь, верный пастырь Шумера,
В добрые дни рожден с надеждой...
Энлиль! Пастырю, кого узришь ты,
Избраннику, кого в стране возвысишь,
Страну — ему в руки, страну — ему под ноги,
Склонишь перед ним далекие страны!..
Энлиль! Добрый пастырь вселенной!
Пастух, что ведает всеми жизнями,
Чье княженье восходит в сиянье!
Тиарой священной себя венчает он!
Когда он в горах восседает на троне,
Он, как радуга, обнимает небо,
Как плывущее облако, парит в поднебесье.
Князь небес — только он, дракон земли — только он!
Величайший среди Ауннаков — он!
Он сам называет судьбы,
И никто из богов его не видит!
Его посол и советник Нуску
Слова и дела, что Энлиль замыслил,
Ведает с ним, совет с ним держит,
*Наказов Энлиля он исполнитель,
К нему воздевают в молитве руки!*

Без Энлиля, Могучего Утеса,
Не выстроен город, не заложен поселок,
Не выстроен хлев, не заложен загон,
Вождь не возвышен, жрец не рожден,
Не избран оракулом служитель храма,
Нет в отрядах начальников войска,
*Потоки воды не отводят в каналы,
Мол хвостом не врзается в море,
Море насыпи не рождает.*

Глубоководные рыбы в тростниковых зарослях икру не мечут,
Небесные птицы на земле просторной не вьют гнезда,
В небесах грозовые тучи не раскрывают пасти,
На ниве и в поле пестрый ячмень не колосится,
В степи — краса ее — злаки и травы не зацветают,
В садах деревья тяжелых плодов не рождают...

Третье место среди шумерских богов занимал Энки, бог «бездны» («бездна» по-шумерски — «абзу»).

Энки был богом мудрости. Именно он упорядочил жизнь на земле согласно воле Энлиля, который давал общие указания. Конкретные же детали и их воплощение были предоставлены изобретательному, искусному, отважному и мудрому Энки.

Так, например, в мифе, который можно назвать «Энки и мироздание, или устройство жизни на земле и цивилизации», дается как бы отчет о созидательной деятельности Энки, связанной с естественными и культурными процессами, играющими первостепенную роль в развитии цивилизации. Содержание этого мифа впервые было кратко изложено в моей книге «Шумерская мифология» (с. 59—62)⁴⁹. Кстати, он может служить яркой иллюстрацией того, насколько поверхностными были представления шумеров о природе и ее загадках (разумеется, с нашей точки зрения). Этот миф никоим образом не является попыткой установить происхождение каких-либо природных явлений или культурных процессов. Все они просто-напросто приписываются созидательному гению Энки: «Это сделал Энки». В тех случаях, когда речь вообще заходит о способах созидания, все приписывается слову и велению божьему.

Миф «Энки и мироздание» — это поэма, насчитывающая около 450 строк. Поэма начинается гимном в честь Энки (повидимому, от имени автора поэмы, который превозносит Энки как божество, пекущееся о благе богов и людей). Затем сам Энки прославляет себя в следующих строках:

— Мой отец, властелин вселенной,
Во вселенной дал мне сиянье.
Предок мой, всех стран владыка,
Все сути собрал, вложил мне в руку!
Из Экура, храма Энлиля,
К Абзу моему в Эредуге все искусства, всю искусность мою принес.
Я — праведное семя, быка великого исторжение, я —
сын первородный Ана!
Светоч, взошедший в Кигале, — я, владыка великий Шумера — я!
Надзиратель над властелинами — я, отец всех стран чужеземных — я!
Старший брат всех богов — я, изобилия творитель — я!
Писарь книги вселенной — я,
Разум Премудрый всех стран — я,

С Аном царем суд справедливый в чертогах небесных вершу — я!
С Энлилем вместе на горных вершинах, откуда он смотрит, судьбы
решаю — я!

Решение судеб, там, где солнце встает, он вложил в мои руки!
Я тот, о ком нежно сказала Нинту,
Кому Нинхурсаг дала доброе имя,
Я — предводитель всех Ауннаков,
Сын первородный светлого Ана!

Далее следует короткая молитва — славословие великих богов Ануннаков, после чего Энки, «испытывая великую радость», еще раз восхваляет самого себя. Этот гимн начинается следующими строками:

Я — господин, чье слово свято, всех я превыше, я властелин!
По Слову моему загон построен, хлев возведен,
Слово мое к небесам приблизилось — с небес дождит изобилие!
Слово мое к земле приблизилось — рыб потоки несет половодие.

Заканчивается это самовосхваление так:

Чужеземные страны Маган и Дильмун —
Вот я, Энки! — на меня да взирают!
Ладьи Дильмуна да бросят якорь.
Ладьи Магана да нагрузят до неба.
Ладьи Магилума и Мелуххи
Да привозят серебро и золото,
К Энлилю, владыке всех стран, в Ниппур воистину пусть доставят!

Затем следует краткий гимн от имени великих богов Ануннаков. Энки готовится «отправиться на свою землю», чтобы выполнить свой божественный долг. После сильно поврежденного, неясного отрывка, где речь идет о «повелителях», «вождях» и святых людях Эриду и Шумера, Энки определяет судьбы Шумера:

О Шумер, Великая Гора, страна вселенной!
В сиянии невыносимом от восхода и до заката солнца, та, что
Сути дает всем народам!
Твои Сути могучие недоступны,
Твои глубины непостижимы.
Место рождения твоих богов, словно небо, недостижимо!
Рожденный царем — получает повязку,
Рожденный владыкой — получает корону.
Твой жрец верховный, владыка могучий, вместе с Аном восседает
в небесах, в небесных чертогах.
Твой государь — Энлиль, Могучий Утес.
Ануннаки, великие боги,
В сердце твоём Киур поставили,
В «гигуну»⁵⁰ твоём, что деревьями обсажено, вкушают пищу.
О Шумера дом! Загоны твои да будут построены, коровы твои да
умножаются!
Овчарни твои да будут поставлены, овцы твои да будут бесчисленны!
Твои дома святые пусть рукой до небес достанут!
Пусть Ануннаки в их глубины решают судьбы!

После этого Энки направляется к Уру, который во время создания поэмы, очевидно, был главным городом Шумера, и благословляет Ур:

К святыням Ура он отправился.

Энки, владыка Абзу, там решает судьбы.
Град достойных омовений, словно бык, стоящий прочно!
Чертог изобилия страны, колени раздвинувший, подобно горе зеленеющий!
Роши абрикосовой тень раскидистая, собою по праву гордая,
Твои Сути совершенные да будут прямы!
Могучий Утес, Энлиль, произнес на земле и в небе твое славное имя,
Град, кому судьбу решил Энки,
Ура святыня, к небу да воздымешь шею!

Затем Энки приходит в Мелухху, на «черную гору» [возможно, речь идет об Эфиопии (Нубии)]. Весьма примечательно, что Энки относится к этой стране почти так же благожелательно, как и к самому Шумеру. Он благословляет здесь деревья и тростники, быков и птиц, золото и серебро, медь и бронзу, а также обитателей этой страны.

Из Мелуххи Энки возвращается на землю Тигра и Евфрата. Он наполняет обе реки искрящейся водой и поручает их заботам бога Энбилулу. Затем он пускает в реки рыбу и поручает следить за ними некоему божеству, названному «сын Кеша». Затем Энки обращает внимание на море — Персидский залив. Он определяет законы его движения и поручает его богине Сираре.

Далее Энки призывает ветры и ставит во главе их бога Ишкура, «который скачет на грозах и бурях». После этого Энки определяет обязанности плуга, ярма, полей и растений:

Плуг, ярмо и упряжь он направил,
Государь великий Энки, он быку велел идти прямо,
Борозде священной «уста» открыл он,
Полю доброму зерно рожать повелел.
Владыку, надевшего перевязь, достойную небесной равнины,
Наделенного силой, землепашца самого Энлиля,
Энкимду, хозяина каналов и дамб,
Энки надзирать и следить поставил.
Владыка к доброму полю обратился, ячмень пятнистый в него бросил,

Энки пшеницу, бобы и горох вывел,
Многие сорта он ссыпал в груды,
Энки удвоил груды и кучи,
Вместе с Энлилем по всей стране он умножил изобилие.
Ту, чье тело и глава пестры, чьи очи мед источают,
Госпожу, что дает слиянье, — силу страны, жизнь черноголовых,
Аншан, добрый хлеб, хлеб вселенной
Энки надзирать и следить поставил.

Теперь Энки принимается за мотыгу и форму для выработки кирпича, которые он поручает богу кирпича Кабта. Затем он создает строительный инструмент «гугун», закладывает фундамент и строит дома, вверяя их попечению Мушдаммы, «великого зодчего Энлиля». После этого Энки

создает на равнине всякие формы животной и растительной жизни и поручает надзирать над ними «царю гор» Сумугану. Энки строит хлева и овчарни, наполняет сосуды молоком и сливками и назначает хранителем бога-пастуха Думузи.

Энки проводит границы в соответствии с договорами и поручает соблюдать их «во всей вселенной» солнечному богу Уту, «судье и посреднику богов». И наконец, Энки «создал нить», усовершенствовал «ремесло женщины» и поручил его богине ткачества Утту.

Здесь сюжет мифа приобретает довольно неожиданный оборот. В дело вмешивается честолюбивая и воинственная богиня любви и войны Инанна. По-видимому, ее задело то, что, распределяя власть и права между женскими божествами, Энки совершенно обошел ее. И вот Инанна «вошла в дом Энки» и «смиренно», как утверждает автор, изложила свои претензии.

Начала она так:

Решение судеб великих богов Ануннаков
Энлил вложил в твои руки,
Я — жена, обо мне единой что сказано?
Я — святая Инанна, какова моя должность?..

Далее Инанна называет других значительных богинь и перечисляет их привилегии. Так, богиня Аруру (она же Нинту) завладела «сосудом из лазурита» и получила право назначать «царей и правителей» в стране. Сестра Инанны Нинисинна завладела «драгоценными украшениями» и стала любимицей небесного бога Ана. Другая сестра — Нинмуг — завладела «золотым веретеном (?)» (но какую власть она получила, неизвестно, так как эта строка сильно повреждена). Наконец, третья сестра — Нидаба — завладела измерительной веревкой и следит за соблюдением границ и договоров, а также заведует «пищей и питьем богов». Что же касается самой Инанны, то ей остается лишь повторить свою жалобу:

Я — жена, для меня, для одной что сказано?
Я — Инанна пресветлая, какова моя должность?

Энки отвечает весьма пространно и подробно. Очевидно, он дает Инанне большую власть и многочисленные права, но, к сожалению, последние 50 строк поэмы плохо сохранились, а потому смысл даже уцелевших строчек зачастую неясен. Предположительно, Энки наделяет Инанну «посохом овечьего пастыря», всевозможными одеяниями, лю-

бовью к битвам и разрушению и, наконец, способностью привлекать мужчин.

Четвертым созидательным божеством была богиня-мать Нинхурсаг, известная также под именем Нинмах («высокая госпожа»). Ранее, в более древние времена, она пользовалась еще бóльшим почетом, и имя ее в различных списках богов часто ставилось даже впереди имени Энки. Есть основания предполагать, что прежде она звалась Ки («Земля») и считалась супругой Ана («Неба») и что эти два божества породили всех остальных богов. Кроме того, Нинхурсаг имела имя Нинту («госпожа, давшая жизнь»). Все ранние правители Шумера любили говорить о себе, что они «вскормлены непогрешимым молоком Нинхурсаг». Она считалась прародительницей всех живых существ, богиней-матерью.

Один из мифов о Нинхурсаг приписывает этой богине важную роль в сотворении человека (см. гл. 15); согласно другому мифу, она породила ряд божественных потомков. Этот миф напоминает эпизод с «запретным плодом» (см. гл. 21).

Наконец, мы доходим до так называемых «ме», божественных законов и установлений, которые, по мнению шумерских философов, управляли вселенной со дня ее сотворения и поддерживали вечный круговорот мироздания. В данном случае у нас нет недостатка в прямых свидетельствах, особенно в отношении законов «ме», управлявших человеком и обществом.

Один из древних поэтов, создавая или полностью редактируя очередной миф, считал необходимым перечислить все относящиеся к жизни общества законы «ме». Для этого он разделил цивилизацию своего времени на сто с лишним элементов. Из них пока расшифровано только шестьдесят наименований, да и то в ряде случаев из-за отсутствия контекста мы имеем весьма слабое представление об их истинном значении. Но и того, что расшифровано, достаточно для характеристики этой первой письменно зафиксированной попытки исследования культуры, выразившейся в перечне того, что сегодня определяется общим термином «атрибуты цивилизации». Этот перечень представляет собой список всевозможных учреждений, жреческих функций, ритуальных принадлежностей, эмоциональных и интеллектуальных состояний, различных верований и доктрин.

Вот наиболее понятные отрывки из этого перечня в той последовательности, в какой они стоят в древнем тексте: 1) верховная власть; 2) власть богов; 3) возвышенная и вечная корона; 4) царский трон; 5) возвышенный скипетр; 6) зна-

ки царской власти; 7) возвышенное святилище; 8) власть пастыря; 9) царская власть; 10) вечная власть госпожи; 11) божественная госпожа (жреческий сан); 12) «ишиб» (жреческая должность); 13) «лумах» (жреческая должность); 14) «гутуг» (жреческая должность); 15) истина; 16) нисхождение в подземное царство; 17) восхождение из подземного царства; 18) «кургарру» (евнух); 19) «гирбадара» (евнух); 20) «сагурсаг» (евнух); 21) (боевое) знамя; 22) потоп; 23) оружие (?); 24) половая связь; 25) проституция; 26) закон (?); 27) клевета (?); 28) искусство; 29) ритуальный зал; 30) «небесная иеродула»; 31) «гусилим» (музыкальный инструмент); 32) музыка; 33) старейшенство; 34) героизм; 35) власть; 36) вражда; 37) прямота (честность); 38) разрушение городов; 39) сетования; 40) радость сердца; 41) ложь; 42) непокорная (восставшая) страна; 43) доброта; 44) правосудие; 45) искусство обработки дерева; 46) искусство обработки металлов; 47) искусство писца; 48) ремесло кузнеца; 49) ремесло кожевника; 50) ремесло строителя; 51) ремесло корзинщика; 52) мудрость; 53) внимание; 54) священное очищение; 55) страх; 56) ужас; 57) раздоры; 58) мир; 59) усталость; 60) победа; 61) совет; 62) смущенное сердце; 63) приговор; 64) решение; 65) «лилис» (музыкальный инструмент); 66) «уб» (музыкальный инструмент); 67) «меси» (музыкальный инструмент); 68) «ала» (музыкальный инструмент).

Этот перечень дошел до нас благодаря тому, что он включен в ткань мифа об Инанне, одной из наиболее популярных богинь древнего Шумера. Список (в него входит более 100 культурных понятий) повторяется в мифе *четыре* раза, поэтому большую часть его и удалось восстановить, несмотря на многочисленные пробелы. Уже в 1911 г. Дэвид У. Мирмэн опубликовал фрагмент этого мифа, хранящийся в Музее Пенсильванского университета. Три года спустя Арно Пёбель опубликовал другую табличку из филадельфийского собрания с отрывком того же произведения. Это большая, хорошо сохранившаяся табличка в 6 столбцов, у которой отбит лишь верхний левый угол. Угол этот мне посчастливилось обнаружить в 1937 г. в Музее Древнего Востока в Стамбуле.

Хотя большая часть мифа была опубликована уже в 1914 г., долгое время никто не брался за его перевод, так как содержание этого произведения казалось бессмысленным и лишенным логической связи. Маленький отрывок, найденный мною в Стамбуле, дал ключ к пониманию прелестной сказки о богах Шумера, почти ничем не отличавшихся от людей⁵¹. Сюжет ее, кратко изложенный и впервые проанали-

зированный в «Шумерской мифологии», сводится к следующему.

Царица небес, покровительница Урука, богиня Инанна задумала умножить мощь и благосостояние своего города, сделать его центром шумерской цивилизации и таким образом возвеличить свое имя и добиться всеобщего почитания. Для этого она отправляется в Эриду, древний очаг шумерской культуры, где Энки, Властелин Мудрости, «знающий самое сердце богов», пребывает в своей водяной бездне, храме Абзу. Энки владеет всеми божественными законами («ме»), на которых зиждется цивилизация. Если Инанне удастся добром или обманом заполучить эти законы и доставить их в свой город Урук, слава Урука и ее самой будет непревзойденной.

Когда Инанна приближается к Абзу, Энки, явно очарованный ею, зовет своего посланца Исимуда и говорит ему:

Советчику своему Исимуду так молвит, наставление ему дает:

— А ну, советчик мой, к слову моему склони свой слух!..

Дева к Абзу, к Эредугу приближается,

Инанна к Абзу, к Эредугу приближается.

Когда дева к Абзу, к Эредугу приблизится,

Когда Инанна к Абзу, к Эредугу приблизится,

Яства жирные, медвяные да отведает,

Воды прохладной, что сердце освежает, да испробует!

Перед львами Эредуга пива дай ей испить!

Душевно ее да встретишь, дружески поприветишь

В застолье свягом, в застолье Ана

Да примешь радостно светлую Инанну!

Исимуд в точности выполняет повеление своего господина. Инанна и Энки садятся пировать. От крепких напитков они развеселились, и Энки восклицает:

«Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:

Доблесть, Могучесть, Неправедность, Праведность,

Градов ограбление, Плачей устроение, Радость сердечную

Чистая Инанна в обладание да получит,

Именем моей силы, именем моего Абзу!»

Затем он дарит Инанне более ста «божественных законов», которые являлись неотъемлемой частью жизни шумерского общества. Инанне только того и надо: она с радостью принимает дары опьяневшего Энки, грузит законы на свою Небесную барку и отплывает с драгоценной добычей в Урук.

Но едва опьянение после пиршества проходит, Энки замечает, что божественных законов «ме» нет на их обычном месте. Он спрашивает Исимуда, который объясняет ему,

что это он, Энки, подарил законы своей дочери Инанне. Энки горько сожалеет о своей неуместной щедрости и решает любой ценой помешать Небесной барке достигнуть Урука. Для этого он отправляет Исимуда и несколько морских чудовищ вслед за Инанной.

На первой из семи стоянок, отделяющих Абзу города Эриду от Урука, морские чудовища должны захватить Небесную барку, а что касается Инанны, то ее Энки приказывает отпустить — пусть возвращается домой пешком.

Отрывок, в котором Энки дает указания Исимуду, а также диалог между Исимудом и Инанной, которая порицает своего отца за то, что он требует возвратить ему полученный Инанной дар,— в своем роде поэтические шедевры.

Энки к «Имени небес благому» обращает слово:
— Посланец мой, Исимуд, «Имя небес благое»!
— Господин мой, Энки, стою пред тобою! Скажи желание!
— Как далеко ладья небесная ушла?
— Холма Ульма она достигла!
— Ступай, и пусть чудовища бездны, все пятьдесят,
ладью возвратят!

Исимуд повинуетя, догоняет Небесную барку и говорит Инанне:

— Госпожа, твой отец меня к тебе послал,
Инанна, твой отец к тебе меня послал!
Что отец твой сказал, то прочно,
Что Энки добавил, то прочно,
Его речи великие нельзя преступить.
Светлая Инанна ему отвечает:
— Отец мой, что он сказал, что добавил?
Что за речи великие, что нельзя преступить?
— Господин мой так мне сказал,
Энки вот что добавил:
Инанна пусть в Урук свой идет, ты же ладью небесную
к Эредугу веди!
Светлая Инанна Исимуду-посланцу так отвечает:
— Как это отец мой слова свои поменял?
Слова, что мне он сказал, как это он их преступил?
Слова великие, что мне говорил, как это он обесчестил?
Отец мой ложно сказал, ложно добавил?
Ложно именем силы своей, именем Абзу клялся?
Тебя ко мне послал он ложно!

Едва она произнесла эти слова, как морские чудовища схватили Небесную барку. Тогда Инанна говорит своему посланцу Ниншубуру³²:

— А ну, посланница пречистой Эанны моей,
Посланница слов благородных моих,

Вестница слов спешащих монах!
Вода руки твоей не коснется!
Вода ноги твоей не коснется!
Инанна Сути, дары свои, в ладье небесной дальше увозит.

Ниншубур исполняет приказ Инанны. Однако Энки не отступает. Он посылает Исимуада в сопровождении различных морских чудовищ на каждую из семи стоянок между Эриду и Уруком, чтобы завладеть Небесной баркой. Но Ниншубур каждый раз приходит на помощь Инанне. В конце концов Инанна со своей добычей благополучно добирается до Урука и там, среди всеобщего ликования, выгружает божественные законы один за другим.

Мыслители Шумера не создали четкого философского учения. Точно так же у них не было и достаточно ясной системы моральных принципов или заповедей. У шумеров не было специального свода этических норм, поэтому все сведения об их этике и морали приходится извлекать из самых различных литературных текстов древнего Шумера.

Следующая глава посвящена рассмотрению некоторых аспектов шумерской этики и соответствующих источников.

15. ЭТИКА

ПЕРВЫЕ МОРАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ

Мыслители Шумера, в соответствии с их мировоззрением, не слишком верили в человека и его предназначение. Они были твердо убеждены, что человек вылеплен из глины и вообще создан богами только для того, чтобы приносить им еду и питье, строить для них святилища и всячески прислуживать им, дабы боги могли, ни о чем не заботясь, заниматься своими божественными делами. Жизнь, согласно такому мировоззрению, полна неопределенности и неожиданных опасностей, ибо человек не может знать заранее свою судьбу, которой распорядились боги в своей непостижимой премудрости. А когда человек умирает, его бесплотный дух спускается в темное и мрачное подземное царство, где влачит жалкое существование, являющееся лишь бледным отражением земной жизни.

Шумеров никогда не волновала сложная проблема свобо-

ды воли, одна из тех основных моральных проблем, которые больше всего занимают философов Запада. Совершенно убежденные в том, что боги создали челсчека только для собственного удовольствия, мыслители Шумера признавали подчиненную роль человека так же слепо, как и божественное предначертание, определившее, что конечным уделом людей является смерть, а уделом богов — бессмертие.

Шумеры считали, что все те высокие моральные качества и добродетели, которые, без сомнения, возникли в результате медленной и трудной эволюции на основе опыта общественного и культурного развития Шумера, были дарованы богами.

По их мнению, все предрешали боги, а человек лишь следовал божественным предначертаниям.

Согласно сохранившимся записям, шумеры высоко ценили истину и доброту, закон и порядок, справедливость и свободу, добродетель и откровенность, сочувствие и милосердие. И, естественно, они отвергали ложь и зло, беззакония и беспорядок, несправедливость и угнетение, порок и извращенность, жестокость и неумолимость. Цари и правители постоянно похвалялись тем, что они установили в стране законность и порядок, защитили слабого от сильного, бедного от богатого и положили конец злу и насилию. В уникальном документе, о котором уже шла речь в 7-й главе, правитель Лагаша Урукагина, живший в XXIV в. до н. э., гордо сообщает, что он вернул правосудие и свободу многострадальным гражданам, расправился с ненасытными и жестокими чиновниками, положил конец несправедливостям и угнетению и защитил сирот и вдов.

Не прошло и 400 лет, как основатель III династии Ура Ур-Намму издал свои законы (см. гл. 8) и, в свою очередь, поведал о некоторых достижениях этического порядка. Во вступительной части свода законов Ур-Намму говорится о том, что он избавил народ от многих наиболее распространенных злоупотреблений со стороны чиновников, урегулировал систему мер и весов, чтобы торговля шла честно, позаботился о вдовах, сиротах и бедняках, запретив обманывать и обижать их.

Еще лет через 200 правитель Истина Липит-Иштар издал новый свод законов, в котором похвалялся, что великие боги Ан и Энлиль поставили его на царство, «дабы он установил на земле правосудие, устранил всякий повод для жалоб, изгнал силой оружия всех врагов и бунтовщиков и принес жителям Шумера и Аккада благоденствие».

Помимо этого сохранилось множество гимнов, восхва-

ляющих других шумерских правителей, которым приписываются не менее высокие моральные и этические качества.

По убеждению шумерских мудрецов, боги всегда предпочитают высоконравственные поступки аморальным. В шумерских гимнах почти все главные божества прославляются за их приверженность к добру, справедливости, истине и добродетели. Многие из них, например бог солнца Уту, специально наблюдали за соблюдением этических норм. Другое божество — богиня Нанше, почитавшаяся в Лагаше, — упоминается в некоторых текстах как богиня, приверженная к истине, правосудию и милосердию. Но мы только сегодня начинаем догадываться о том, какую значительную роль играла эта богиня в определении этических и моральных устоев шумерского общества.

В 1951 г. из девятнадцати табличек и фрагментов, найденных в Ниппуре, был составлен шумерский гимн, насчитывающий около 250 строк. В нем содержатся наиболее полные этические и моральные заповеди, когда-либо обнаруженные в шумерских текстах⁵³.

Богиня Нанше описывается в этом гимне в таких выражениях:

Сироту она знает, вдову она знает,
Как человек человека притесняет, она знает;
Сироте она матушка,
Нанше! Вдове — защитница!
Дабы к дому должника пути найти,
Госпожа беглеца возвращает в родимое лоно,
Бедняку она отыскивает место...

В следующем далее отрывке, смысл которого все еще не вполне ясен, рассказывается о том, как Нанше судит род человеческий в первый день нового года. Рядом с нею восседают Нидаба, богиня письма и счета, муж Нидабы Хайа, а также многочисленные свидетели. Гнев богини вызывают люди неправедные:

Основы колеблющий, основанья меняющий,
От мест клятвы главу отвращающий,..
Кто вместо гири большой выбирает малую гирю,
Кто вместо меры большой выбирает малую меру,
Кто, получив, сохраняет желанья.
Кто, поев, не скажет: «я насытился»,
Кто, попив, не скажет: «я напился» —
«Да поставлю я тебе кубок, да очишу я тебе пива!»...

Социальные обязанности Нанше определяются в таких выражениях:

*Дабы сирот утешить, вдов обеспечить,
Дабы власти сильного дать предел,
Дабы сильного отдать слабому,
Взоры Нанше проникают в сердца людей.*

Итак, шумеры считали, что великие боги по природе своей добродетельны. Тем не менее они верили, что, создавая человеческую цивилизацию, эти же самые боги внесли в нее зло, угнетение, ложь, насилие — короче, все пороки, свойственные человеческому обществу. Например, в списке «ме» — законов, установленных богами, дабы упорядочить ход мироздания, сделать его безостановочным и гармоничным, — фигурируют не только понятия «истина», «мир», «добро» и «справедливость», но также «ложь», «раздоры», «сетования» и «страх».

Для чего же боги сотворили грех, зло, страдания и несчастья? [Один шумерский мыслитель-пессимист (см. главу 16) даже сказал: «Ни одно дитя не рождается от женщины беспорочным!»] Судя по имеющимся в нашем распоряжении текстам, если шумеры и задавали себе такой вопрос, то ответа на него они не знали, да и не искали.

Воля и замыслы богов зачастую оставались для них совершенно непостижимыми. Так, шумерский «Иов», вместо того, чтобы роптать и жаловаться на незаслуженную кару, лишь стонет, проливает слезы и кается в грехах и прегрешениях, которые невольно совершил.

Но что же сами боги? Могли ли они обратить внимание на одинокого и ничем не замечательного смертного, когда он простирался перед ними и смиренно взывал к ним? Мыслители Шумера не очень-то в это верили. По их мнению, боги были подобны правителям земного мира, и, разумеется, у них находились дела поважнее. Имея дело с земными царями, необходимо было сначала обращаться к их приближенным; желая общаться с богами, простой смертный должен был прибегать к помощи особых посредников, к которым боги благоволили, только через них его мольба могла быть услышана. Отсюда у шумеров и возник культ «личных богов», своего рода ангела-хранителя, имевшегося у каждого человека и у каждой главы семьи и как бы давшего ему жизнь. Именно к ним, к своим личным божествам, обращались шумеры с мольбами и молитвами, и только через них надеялись получить помощь и спасение.

Как уже говорилось, в основе всех этических представлений шумеров лежало твердое убеждение в том, что человек был создан из глины для служения богам. Наиболее яр-

кое свидетельство об этом содержится в двух древних мифах. Первый из них целиком посвящен сотворению человека. Второй повествует о споре двух низших божеств, но самому спору предшествует любопытное введение, в котором подробно объясняется, почему и для чего создан человек.

Текст мифа о сотворении человека сохранился на двух идентичных табличках. Одна из них обнаружена в Ниппуре и принадлежит Музею Пенсильванского университета в Филадельфии, а другая, приобретенная у какого-то торговца древностями, хранится в Лувре. Луврская табличка и большая часть филадельфийской были транскрибированы и опубликованы еще в 1934 г., однако содержание их долго оставалось неясным. Табличка Музея Пенсильванского университета, сохранившаяся лучше луврской, была доставлена в Филадельфию лет 40—50 назад, в виде четырех обломков. В 1919 г. два фрагмента удалось опознать и соединить; их транскрибировал и опубликовал Стефан Лэнгдон. В 1934 г. Эдвард Кьера опубликовал третий фрагмент, но не сумел определить, что его фрагмент примыкает к двум уже опубликованным в 1919 г. Лэнгдоном. Я обратил на это внимание лет десять спустя, когда пытался восстановить текст всего мифа для моей «Шумерской мифологии». Примерно в то же время я обнаружил в коллекции филадельфийского музея четвертый, еще не изданный фрагмент, дополняющий три первых. Только после этого стало наконец, возможным расположить все четыре отрывка в должном порядке и попытаться хотя бы приблизительно восстановить содержание всего мифа, хотя текст все еще продолжал оставаться весьма трудным для понимания из-за многочисленных пропусков*.

Поэма начинается с описания затруднений, которые, по видимому, испытывали боги, добывая для себя пищу, — особенно после того, как на свет появились женские божества. Боги жалуются на эти трудности, однако бог воды Энки, который мог бы им помочь, будучи одновременно и богом мудрости, спит глубоким сном на дне моря и не слышит их жалоб. Тогда его мать Намму, первородный океан, «мать, давшая жизнь всем богам», доносит до Энки жалобу богов и говорит ему:

Встань же, сын мой, со своего ложа, поднимись, покажи свою
искусность и мудрость,
Создай нечто, что богов заменит, пусть оставят свои корзины!

Энки обдумывает слова матери, потом становится во гла-

* См.: *Kramer S.N. Sumerian Mythology. Philadelphia, 1944, с. 68—72.*

ве множества «превосходных и царственных мастеров» и отвечает ей:

— Мать моя, творенье, что ты создала, уже существует,
Бремя богов, их корзины на него да возложим!
Когда замешаешь ты глины из самой сердцевины Абзу,
Подобно женскому лону затяжелеет глина.

Ты воистину создашь творенье,
Нинмах помощницей твоею да станет. Богини Нинимма,
Шузиана, Нинбара,

Нинмуг, Шаршагаба, Нингуэнна,
Вокруг тебя они да встанут,
Когда ты будешь давать рождение.
Мать моя, когда судьбу ему ты назначишь,
Нинмах корзины на него да возложит.
Род человеческий да *будет создан.*

Здесь автор отвлекается от сотворения человека вообще и рассказывает о сотворении различных несовершенных человеческих типов, пытаясь объяснить существование уродов. Вот как это произошло. Энки устроил пир, очевидно в честь сотворения человека. На пиру Энки и Нинмах выпили лишнего и решили развлечься. Нинмах взяла немного глины и слепила шесть уродов, а Энки завершил ее труд: он определил их судьбы и «дал им вкусить хлеба». Что собой представляли первые четыре урода, трудно понять; пятой была бесплодная женщина, а шестым — существо, лишенное пола. Вот что о них говорится в тексте:

Пятая женщина была та, кто родить не может, — вот кого
она сотворила.
Энки, на женщину взглянув, на ту, кто родить не может,
Определил ее судьбу — в женский дом ткачихою ее устроил.
Шестое — оно не имело мужского корня, оно не имело женского
лона, вот кого она сотворила.
Энки, взглянув на существо, что не имело мужского корня,
что не имело женского лона,
Слугою дворцовым его сделал, такую судьбу ему назначил.

Затем, чтобы не отстать от Нинмах, сотворившей шесть уродов, Энки решает что-нибудь создать в свою очередь. Как и что он делает, не совсем ясно, однако в конечном счете его постигает неудача: создает существо слабое, скорбное духом и немощное телом. Тогда Энки обращается к Нинмах с просьбой помочь этому несчастному созданию:

— Тем, кого ты создавала, я определил им судьбы,
я придумал для них пропитанье.
Теперь ты, тому, кого сотворил я, определи ему судьбу,
Придумай для него пропитанье.

Нинмах готова помочь несчастному, но у нее ничего не выходит. Она заговаривает с ним, однако не получает ответа. Она дает ему хлеб, но тот его не берет. Он не может ни сидеть, ни стоять, ни поклонить колени.

Далее следует длинный разговор между Энки и Нинмах, но в этом отрывке столько пропусков, таблички так повреждены, что разобрать смысл невозможно. В конце концов Нинмах, очевидно проклинает Энки за то, что тот создал такое слабое, нежизнеспособное существо, а Энки воспринимает ее проклятие как должное.

Второй миф можно назвать «Скот и зерно». Он очень интересен для выяснения взглядов шумеров на сотворение человека. Это произведение относится к жанру литературных споров, который был весьма популярен среди авторов древнего Шумера.

Спорящими сторонами выступают бог скота Лахар⁵⁵ и его сестра, богиня зерна Ашнан. Оба они, согласно мифу, были созданы в «зале созидания» богов для того, чтобы у великих богов Ануннаков, детей небесного бога Ана, было вдоволь еды, питья и одежд. Однако Ануннаки не знали, что делать со скотом и зерном, пока не был сотворен человек. Об этом рассказывается во вступительной части мифа:

На Горе Небес и Земли,
Когда Ан сотворил Ануннаков,
Тогда еще имени Ашнан-Зерна не зародилось,
не было создано.

Нитей Утту-ткачихи в стране не сотворили.
Уток и основу для Утту не очертили.
Овец не было, ягнята не множились.
Коз не было, козлята не множились.
Овца не рождала двойню.
Коза не рождала тройню.
Имени Ашнан, Изумрудно сверкающей, Лахар-Овцы
Ануннаки и Великие боги не знали.
Зерна тридцатидневки тогда не было.
Зерна сорокадневки тогда не было.
Зерна пятидесятидневки тогда не было.
Зерна мелкого, зерна горного, зерна *отборного*
священного не было.

Утту-ткачиха не рождена — повязка царственности
не вознесена.

Владыка Вестник, владыка сиятельный не рожден.

Бог Шаккан на безводные земли не вышел.

Человечество тех далеких дней⁵⁶

Хлеба для пропитанья не знало.

Как обернуться одеждой, не знало,

Голыми по Стране бродили.

Словно овцы, ртами траву щипали.

Водою канав утоляли жажду.
Тогда на Земле Первоздания божьей,
В доме том, на Холме священном,
Лахар-Овцы и Зерно-Ашнан созданы были.
И в божьей трапезной *собравшись*,
Изобилие Овцы и Зерна
Ануннаки Священного Холма
Вкушают и не наполняются.
Молоко священных загонов — эту сладость —
Ануннаки Священного Холма
Выпивают и не насыщаются.
Священных загонов эта сладость —
Человечеству для поддержания силы жизни.

В следующем за введением отрывке повествуется о том, как Лахар и Ашнан спускаются с небес на землю и приносят человечеству дары цивилизации:

Тогда-то Энки и промолвил Энлилю:
— Отче Энлиль, Зерно с Овцою
На Священном холме сотворенные,
Со Священного Холма да будут спущены!
И согласно светлым словам Энки и Энлиля
Овца и Зерно с Холма Священного были спущены.
Овцу они оградил загоном.
Взрастили ей богатые травы.
Для Зерна они устроили поле,
Даровали ей плуг, ярмо и упряжку.
Стоит Овца в своем загоне —
Пастырь загона, изобилие прелести,
Стоит Зерно в своей борозде —
Статная дева, изобилие прелести.
От полей главу святую вздымая,
Благодатью небес наливается.
Восходят Овца и Зерно в сиянии.
Для народа они — благоденствие.
Для страны — поддержание силы жизни.
Сути божьи исполняют праведно.
Ими житницы Страны наполнились.
Закрома Страны от них разбухли.
И когда в дома бедные, во прахе лежащие,
Они вступают, изобилием одаряют.
Куда вдвоем стопы они направляют,
Щедрость — груз их, нечто в дом прибавляют.
Там, где встанут они, — примножение, там, где сядут они, —
украшение.

Сердца Ана и Энлиля радуются.

Но вот Лахар и Ашнан выпивают слишком много вина и начинают ссориться. Каждый из них восхваляет свои дела и старается преуменьшить заслуги противника. Наконец в спор вмешиваются Энлиль и Энки и объявляют победительницей богиню зерна Ашнан.

Мыслители Шумера верили и утверждали, что все несчастья людей происходят из-за грехов и проступков и что нет на земле ни одного безгрешного человека. Они учили, что все людские страдания обусловлены той или иной причиной, что во всем виноваты сами люди, но никоим образом не боги. Однако в трудную минуту многие несчастные, видимо, забывали об этом и готовы были усомниться в справедливости и милосердии богов. Очевидно, для того чтобы смирить подобное недовольство и пресечь разочарование божественным порядком, один из шумерских мудрецов и сочинил поучительное произведение, которому посвящена следующая глава. В нем мы встречаемся с наиболее древним вариантом темы библейского Иова.

16. СТРАДАНИЯ И СМИРЕНИЕ

ПЕРВЫЙ «ИОВ»

29 декабря 1954 г. я прочитал в Обществе библейской литературы доклад, озаглавленный «Человек и его божество. Шумерский вариант темы Иова». Речь шла об одной шумерской поэме, насчитывающей 139 строк. Текст был составлен из шести глиняных табличек и фрагментов, обнаруженных первой экспедицией Пенсильванского университета в Ниппуре — в 150 километрах к югу от столицы Ирака, Багдада. Четыре из этих шести фрагментов находятся сейчас в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии, а два — в Музее Древнего Востока в Стамбуле.

До моего доклада были опубликованы лишь два фрагмента из Музея Пенсильванского университета; часть поэмы не была найдена, часть оставалась нерасшифрованной. В 1951—1952 гг., работая в Стамбуле, я опознал в Музее Древнего Востока еще два фрагмента поэмы и скопировал их. По возвращении в Филадельфию мне удалось с помощью Эдмунда Гордона, научного сотрудника Месопотамского отдела музея, обнаружить в коллекции отдела еще два дополнительных фрагмента. Но когда мы уже готовили мой перевод поэмы к печати, нас вдруг осенило, что два стамбульских фрагмента дополняют два из четырех филадельфийских отрывков. Более того, мы увидели, что все шесть фрагментов являются осколками одних и тех же табличек, разобщенными либо в глубокой

древности, либо в ходе раскопок, а потому и попавшими в два таких далеких друг от друга музея — в Стамбуле и в Филадельфии. Наше предположение я смог проверить и подтвердить в 1954 г., когда я снова посетил Стамбул.

Установление связи между табличками, разъединенными океаном, позволило мне собрать воедино и перевести большую часть поэмы. И тогда стало ясно, что перед нами — первое произведение о страданиях и смирении человека: тема, прославленная в мировой литературе и истории религиозной мысли благодаря библейской книге Иова. Правда, шумерскую поэму нельзя даже сравнить с библейским текстом, настолько она уступает последнему по широте кругозора, глубине проникновения и красоте слога. Вся суть в том, что эта древняя поэма является первым письменным свидетельством о попытке разрешить вековую — и вечную — проблему человеческих страданий. Ибо таблички с текстом нашей шумерской поэмы старше книги Иова более чем на тысячу лет.

Основная мысль поэмы заключается в том, что среди страданий и горестей, какими бы несправедливыми они ни казались человеку, у него остается лишь один разумный выход: постоянно восхвалять своего бога, взывать к нему, плача и стеля, пока он сам не захочет благосклонно внять мольбам несчастного. Кстати, бог, о котором идет речь, — это личный бог страдальца, то есть особое божество, которое, согласно шумерским представлениям, служило посредником и заступником человека перед собранием богов.

Чтобы подкрепить свою точку зрения, наш поэт не прибегает ни к философским рассуждениям, ни к богословским доказательствам. Вместо этого он с типичной для шумеров практичностью приводит конкретный пример.

Некий человек — имя его не названо — был богат, мудр, праведен или по крайней мере внешне благочестив, и было у него множество родни и друзей. Но вот однажды познал он страдание, поразила его болезнь. Он не взбунтовался против воли богов, не начал богохульствовать. Смирненно обратился он к своему богу со слезами и стенаниями и излил свою душу в мольбах и молитве. В результате бог, весьма довольный и растроганный, внял его мольбам, избавил человека от напастей и превратил его страдания в радость.

По своему построению поэма как бы делится на четыре части. Сначала идет краткое вступление, где утверждается, что человек должен восхвалять и славить своего бога

и стараться умиловить его смиренными сетованиями. Далее поэт вводит своего безымянного героя, который, будучи поражен болезнью и всяческими напастями, обращается к своему богу. Затем следуют мольбы страдальца, составляющие основную часть поэмы.

Они начинаются с описания несправедливостей, учиненных над героем как друзьями, так и врагами. Потом он жалуется на свою горькую судьбу, обращаясь к своим родственникам и профессиональным певцам с риторической просьбой поддержать его жалобу. И наконец, страдалец признает свои грехи и возносит богу моления, прося облегчить его муки и спасти его.

Конец у поэмы счастливый. Поэт сообщает нам, что молитвы страдальца не остались не услышанными, что его бог внял его мольбам и избавил от всех напастей. Все это, конечно, приводит к новому восхвалению бога.

Чтобы дать представление о поэме, я привожу здесь некоторые наиболее понятные отрывки. Однако читатель не должен забывать, что шумерский язык до сих пор еще не до конца разгадан и что перевод ряда текстов со временем будет пересмотрен и исправлен.

Итак, страждущий человек обращается с мольбой к своему богу:

Муж я мудрый, да знанье мое не признали.
Слова моей правды легли ложью.
Словно Южный ветер лжец меня окутал, в ярмо схватил!
Неблагожелатель грязью меня пред тобою покрыл.
Страданья — всю боль их, всю новь их — ты даешь мне сполна.
В дом вхожу — дурны предсказанья!
Муж я, на улицу выхожу — разрывается сердце.
Я герой, а мой праведный пастырь разгневан, глядит на меня
глазами гнева.

Мой погонщик, тот, кому не враг я, возложил на меня руку злую.
Мой товарищ не молвил мне верного слова,
Мой друг не поверил речам моим искренним.
Лжец оклеветал меня тайно.
Боже, и ты тому не перечил!

Мудрец я, но к юнцам безграмотным почему я заброшен?
Знающий, но к невеждам отчего причислен?
Хлеба довольно, а моя пища — голод.
В день, когда наделяли долей, моим уделом стало страданье.

Боже, пред тобою да встану!
Скажу мое слово перед тобою,
Слово мое — стон тяжелый!
Тебе да поведаю об этом, горечь стезей моих да оплачу!
Поведаю о моем смятенье...

Пусть мать-родительница моя пред тобою плачи мои да не погубит!
Пусть сестрица песни радости *пред тобою да не заводит*,
В горестных плачах и рыданиях пусть расскажет тебе о моих
бедах!

Пусть жена голосит о моих страданиях,
Пусть лучший певец мою долю оплачет!

Боже! День над странною сияет, а мой день черным-черен!
Сияет день, день прекрасный, подобный мощи...
Плачи и слезы дурным предсказаньем поселились в моем сердце!
Гореванья меня охватили словно *плачущего ребенка!*
Намтар схватил меня крепко, унес от меня дыхание жизни!
В тело мое, словно в воду, погрузился злобный демон болезни.

Боже мой! Ты же отец, мой родитель! Дай же лику моему *подняться!*
Словно корова святая чистая... в милости... мои вопли и
стоны...

Доколе будешь пренебрегать мною, оставлять меня без твоей
защиты?

Словно бык...
Доколе не буду взят ведомым?

Они говорят — мужи мудрые, доблестные — *слова истинные,*
они молвят:

Ни одно человечье дитя не выходит безгрешным из женского лона,
Издrevле не бывало в мире беспорочного отрока.

Так жалуется и молит своего бога человек. Поэма за-
вершается счастливым концом:

И внял бог молитвам и мольбам человека.
Его плачи, его слезы смягчили сердце его бога.
Бесхитростные, праведные слова, что тот молвил, бог его принял.
Муж! Слова его молитвы *он, бог его, узнал.*
Воистину, благие его слова плоти бога были приятны —
Бог от злых своих слов отвел руку.
... то, что угнетает сердце... он обнял.
Прочь унесся демон болезни, что его окружал, что широко расправил
крылья.

Развевалась боль его недуга, что рвала его беспощадно,
Он отвел Намтара, что стоял согласно его решениям-приказам.
Муж! Страдания его воистину он превратил в радость!
Доброго духа с ним рядом поставил, сделал стражем,
Богиню-хранительницу с благостным взглядом ему дал он.

А теперь перейдем от возвышенного к обыденному, от проповедей к повседневной жизни, от поэтических молитв к прозаическим пословицам и поговоркам. Дух народа ярче всего проявляется в пословицах, ибо они открывают нам его истинные устремления и чаяния и те внутренние побуждения, которые лежат в основе повседневной человеческой деятельности и которые поэты стараются в сво-

их литературных трудах принарядить и приукрасить. В настоящее время расшифровываются и переводятся сотни шумерских пословиц и поговорок, причем основная заслуга в этом принадлежит Эдмунду Гордону. С некоторыми из этих пословиц мы и познакомимся в следующей главе.

17. МУДРОСТЬ ДРЕВНИХ

ПЕРВЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Долгое время считалось, что библейская Книга Притчей — это древнейшая запись пословиц и поговорок в истории человечества. Когда примерно полтора столетия назад была открыта цивилизация Древнего Египта, оказалось, что существуют сборники египетских пословиц и поговорок и что они намного старше древнееврейских. Однако и эти сборники не являются самыми первыми из письменных зафиксированных человеком афоризмов и изречений. Шумерские сборники пословиц и поговорок на несколько столетий старше почти всех — если не всех — известных нам египетских сборников.

Лет двадцать назад мы еще не знали фактически ни одной шумерской пословицы, которая дошла бы до нас только на шумерском языке. Было опубликовано всего несколько изречений, и почти все они были заимствованы с табличек, относящихся к I тысячелетию до н. э., на которых шумерский текст сопровождается переводом на аккадский язык. Лишь в 1934 г. Эдвард Кьера опубликовал ряд фрагментов и табличек с пословицами из ниппурской коллекции Музея Пенсильванского университета в Филадельфии. Все они относились к XVIII в. до н. э. и ясно говорили о том, что писцы Шумера составляли множество подобных сборников пословиц и поговорок.

Начиная с 1937 г. я посвящал этому литературному жанру немало времени. Мне удалось обнаружить и скопировать значительное количество пословиц в стамбульском Музее Древнего Востока и в Музее Пенсильванского университета. Но только в 1951—1952 гг. я смог транскрибировать почти весь хранящийся в Стамбуле материал, состоящий более чем из восьмидесяти табличек и фрагментов.

По возвращении в Филадельфию, где в Университетском музее хранились еще сотни фрагментов с послови-

цами, я понял, что мне не одолеть этого огромного материала: другие неисследованные области шумерской литературы не позволяли мне заниматься только этой коллекцией. Поэтому я передал мои стамбульские копии и прочие записи научному сотруднику университетского музея Эдмунду Гордону. Через несколько месяцев напряженной работы Гордон выяснил, что из имевшегося в его распоряжении материала можно восстановить и составить более дюжины отдельных сборников, в каждый из которых войдет от нескольких десятков до нескольких сотен шумерских пословиц и поговорок. За последние годы им издан сборник, где собраны сотни практически полностью уцелевших и в большинстве своем ранее неизвестных пословиц и поговорок*. Некоторые из них будут приведены ниже, однако я хочу напомнить читателю, что пословицы трудно поддаются переводу из-за их предельной лаконичности; возможно, в будущем окажется, что те или иные изречения в нашем переводе неправильно воспроизводили смысл подлинника.

Одной из отличительных особенностей пословиц вообще является их общечеловеческий характер. Если вы когда-нибудь усомнитесь в единстве человеческого рода, в общности всех народов и рас, обратитесь к пословицам и поговоркам, к народным афоризмам и изречениям! Пословицы и поговорки лучше всех других литературных жанров взламывают панцирь культурных и бытовых наслоений каждого общества, обнажая то основное и общее, что свойственно всем людям, независимо от того, где и когда они жили или живут.

Шумерские пословицы и поговорки были записаны более трех с половиной тысячелетий тому назад, а многие из них наверняка возникли раньше и передавались устно из поколения в поколение. Они созданы народом, который отличался от нас буквально всем: у него был иной язык, иная географическая среда, иные обычаи, иная религия, иные политические и экономические принципы. И тем не менее пословицы древнего Шумера в основе своей удивительно близки к нашим. Без труда различаем мы в них отражение наших собственных чаяний, слабостей и затруднений, узнаем собственные взгляды⁵⁷.

Вот, например, «нытик», который все свои неудачи приписывает коварству судьбы и не перестает жаловаться: «Я родился в злосчастный день!»

* *Gordon E. Sumerian Proverbs. Philadelphia, 1959.*

Вот люди, вечно ищущие оправдания своим поступкам, хотя все свидетельствуют против них. О таких шумеры говорили:

Не переспав, не забеременеешь,
Не поев, не разжиреешь!

О беспомощных неудачниках шумеры говорили так:

Брось тебя в воду — вода протухнет,
Пусти тебя в сад — все плоды сгниют.

Как и наших современников, шумеров терзали сомнения — как лучше распорядиться своим состоянием. Это нашло отражение в следующем изречении:

Все равно умрем — давай все растратим!
А жить-то еще долго — давай копить!

Эта мысль сформулирована и по-иному:

Может, ранний ячмень уродится — откуда нам знать?
Может, поздний ячмень уродится — откуда нам знать?

В Шумере тоже были, конечно, бедняки, не знавшие как свести концы с концами; про них и сочинены следующие выразительные, построенные на противопоставлении строки:

Бедняку лучше умереть, чем жить:
Если у него есть хлеб, то нет соли,
Если есть соль, то нет хлеба,
Если есть мясо, то нет ягненка,
Если есть ягненок, то нет мяса.

Беднякам часто приходилось тратить свои скудные сбережения. Автор шумерской поговорки сказал об этом так: «Бедняк съедает свое серебро». А когда сбережения кончались, бедняку приходилось обращаться к древним предкам современных держателей ломбардов. Отсюда поговорка: «Бедняк занимает — себе забот наживает». Она весьма напоминает современную английскую поговорку «money borrowed is soonorrowed» («деньги занятые — деньги проклятые»).

В целом бедняки Шумера, очевидно, были покорны и смиренны. Нет ни одного указания на то, что они сознательно восставали против правящего класса богачей. И тем не менее сохранилась поговорка, которая, если только она правильно переведена, свидетельствует о пробуж-

дени начатков классового сознания: «Не все семьи бедняков одинаково покорны!»

Другая шумерская поговорка напоминает стих из Екклезиаста [5,11]: «Сладок сон работающего», и в еще большей мере — изречение из Талмуда о том, что умножающий свое достояние умножает свои заботы. Звучит она так:

Тот, у кого много серебра, может быть и счастлив,
Тот, у кого много ячменя, может быть и счастлив,
Но тот, у кого нет совсем ничего, спит спокойно.

Иногда бедняки полагали, что во всех их неудачах виноваты не они сами, а люди, с которыми они связались:

Я кровный скакун,
Да поставлен в одну упряжку с мулом,
Вот и приходится таскать повозку,
Возить тростник и солому.

О бедном ремесленнике, который по иронии судьбы не может пользоваться теми предметами, которые он сам изготавливает, шумеры говорили: «У слуги (следящего за гардеробом хозяина) одежда всегда грязная».

Кстати, шумеры придавали одежде большое значение, что отразилось в пословице: «Хорошо одетому всюду рады».

Среди слуг, очевидно, были такие, кому удавалось получить хорошее образование. Во всяком случае, это вытекает из поговорки: «Это слуга, который изучал шумерский язык».

С другой стороны, далеко не все шумерские писцы — как и современные стенографистки — могли хорошо писать под диктовку, видимо, отсюда и возникла поговорка:

Только тот настоящий писец,
Чья рука не отстает от уст.

Были в Шумере и такие писцы, которые не умели писать без ошибок. Именно к ним относится риторическое восклицание:

Что это за писец,
Если не знает шумерского языка!

Так называемый слабый пол представлен в шумерских пословицах и поговорках довольно широко, но далеко не всегда в лучшем освещении. Если в Шумере и не было ловких авантюристок, разорявших состоятельных муж-

чин, то в практичных девицах, дорого ценивших свою благосклонность, недостатка, видимо, не ощущалось. Одна такая разборчивая невеста, устав дожидаться богатого жениха, вопрошала:

Кому мне подарить свою любовь?
У кого всего в изобилии, кто достаточно богат?

Женитьба у шумеров считалась делом весьма обременительным. Они определяли свое отношение к браку следующим образом:

Кто не содержал жены или ребенка,
Тот не носил кольца в ноздрях*.

Мужьям в Шумере, как видно, приходилось порой несладко. Отсюда поговорка:

Жена — в «храме» (дословно, в «открытом святилище»),
Мать — у реки (по-видимому, совершает какой-то религиозный обряд),
А я умираю с голоду.

Что касается раздражительных, вечно недовольных жен, которые сами не знают, чего им надо, то они, подобно своим современницам, уже в те древние времена искали облегчения у всяких врачевателей. Во всяком случае, на это намекает следующая поговорка (если только перевод правилен):

Беспокойная женщина в доме
Прибавляет к горю болезнь.

Нет ничего удивительного, что в Шумере мужчины порой сожалели о столь опрометчивом шаге, как женитьба:

Счастье — в женитьбе,
А подумав — в разводе.

Не случайно жених и невеста смотрели на женитьбу поразному, если верить следующей поговорке:

Радость в сердце у невесты,
Горесть в сердце у жениха.

* Намек на кольцо, которое продевали в ноздри узников. — *Примеч. пер.*

Что касается тещи, то в древности она, видимо, была гораздо более покладистой, чем в нынешние времена. Во всяком случае, в шумерских текстах до сих пор не обнаружено ни одного анекдота о злой теще. Зато у шумерских снох репутация была, прямо скажем, незавидная. Это видно из следующей эпиграммы, где перечисляется все, что благоприятствует мужчине, и наоборот:

Кувшин в пустыне — жизнь мужчине,
Обувь — зеница ока мужчины,
Жена — будущее мужчины,
Сын — убежище мужчины,
Дочь — спасение мужчины,
Но сноха — проклятие для мужчины!

Шумеры высоко ценили дружбу. Но, как говорят по-английски, «blood is thicker than water»*. В Шумере говорили примерно так же:

Дружба длится день,
Родство длится вечно.

Весьма любопытно с точки зрения сопоставления особенностей различных цивилизаций, что собака в древнем Шумере никоим образом не считалась другом человека. Скорее наоборот, она считалась коварным существом, если судить по следующим поговоркам:

Бык пашет,
Собака портит глубокие борозды.
Только пес не знает своего дома.

Собака кузнеца не смогла опрокинуть наковальню,
Зато опрокинула кувшин с водой.

Если отношение шумеров к собакам кажется нам не совсем понятным, то в других случаях их оценки весьма сходны с нашими, хотя они и выражали их иными словами. Например, англичане говорят: «A sailor will fight at the drop of a hat» («Моряк лезет в драку из-за упавшей шляпы»). Шумеры же утверждали: «Лодочник всегда драчлив».

Вот другая шумерская поговорка:

Он еще не поймал лисицу,
А уж делает для нее колодку.

* Дословно: «кровь не вода»; ср. русскую поговорку: «свой своему поневоле брат». — *Примеч. пер.*

Она соответствует поговорке «цыплят по осени считают».

Или еще:

Увернулся от дикого быка —
Натолкнулся на дикую корову.

Это прямая аналогия с поговоркой «из огня да в полымя»

Прилежание, несомненно, считалось большим достоинством во все времена и у всех народов, но вряд ли кто-либо выразил эту мысль лучше шумеров:

Рука и еще рука — и дом построен,
Утроба и еще утроба — и дом разрушен.

Были в Шумере и люди, которые не хотели отставать от других и вели жизнь не по средствам. Для них существовало изречение:

Кто строит, как господин, живет, как раб;
Кто строит, как раб, живет, как господин.

Война и мир ставили перед шумерами те же самые проблемы, с какими мы сталкиваемся сегодня.

С одной стороны, постоянная готовность к войне, казалось, была необходимой, чтобы выжить. Шумеры говорили:

Если страна плохо вооружена,
Враг будет всегда стоять у ворот.

Но с другой стороны, уже тогда была очевидна бессмысленность войн, а также тот факт, что враг в долгу не останется:

Ты идешь, завоевываешь землю врага,
Враг приходит, завоевывает твою землю.

Однако главное в дни мира и в дни войны — «смотреть в оба», чтобы тебя не провели. Шумеры дают по этому поводу добрый совет, сохраняющий свою ценность до наших дней:

Можешь иметь повелителя, можешь иметь царя,
Но больше всего бойся «дереяна»!

Пер. Ф.Л. Мендельсона

Писцы древнего Шумера включали в свои многочисленные сборники не только всяческие изречения, поговорки и афоризмы, но также и басни. Эти последние весьма напоминают классические «Эзоповы басни» и строятся по тому же принципу: вначале короткое введение, затем — прямая речь, в которой содержится мораль басни, а иногда — настоящий диалог между персонажами. В следующей главе мы познакомимся с рядом самых древних «Эзоповых басен», переведенных Эдмундом Гордоном за последние годы.

18. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ЭЗОПА

ПЕРВЫЕ БАСНИ О ЖИВОТНЫХ

Греки и римляне считали родоначальником жанра басен о животных старца Эзопа, жившего в Малой Азии в VI столетии до н. э. Однако сегодня мы знаем, что по крайней мере часть басен, приписываемых Эзопу, была известна людям задолго до него. Во всяком случае, басни о животных типа «Эзоповых басен» появились в Шумере на тысячу с лишним лет раньше.

Животные, как и следовало ожидать, играли значительную роль в шумерской назидательной литературе. За последние годы Э. Гордон собрал и перевел общим счетом 295 пословиц и басен, в которых фигурируют 64 вида различных представителей животного мира — млекопитающих, птиц и низших классов животных вплоть до насекомых.

Исученный материал позволяет сделать любопытные выводы относительно того, какие животные были наиболее популярны. Чаще всего в шумерской литературе упоминается собака (в 83 пословицах и баснях). На втором месте — крупный домашний скот, далее — осел, лисица, свинья и лишь после них — домашняя овца. За овцой следуют лев и дикий бык (ныне исчезнувшая порода *Bos primigenius*), затем — домашний козел, волк и т.д.

Ниже я привожу некоторые предварительные переводы наиболее сохранившихся и понятных шумерских басен, выполненные Гордоном. В них фигурируют самые различные животные — от собаки до обезьяны.

Жадность собак иллюстрируется следующими двумя короткими баснями:

«1. Осел плыл по реке; собака не отставала от него и

приговаривала: „Когда же он вылезет на берег, чтобы его можно было съесть?“

2. Собака пришла на пир, однако увидев оставшиеся кости, удалилась, сказав себе: „Там, куда я сейчас пойду, для меня найдется больше поживы“.

Однако одно из прекраснейших выражений материнских чувств тоже вложено в уста собаки в другой басне:

«Сука говорила с гордостью: „Мне неважно, какие щенки у меня, рыжие или пятнистые, — я все равно их люблю!“».

Что касается волка, то шумеры, если судить по наиболее хорошо сохранившимся басням, в которых он фигурирует, считали его воплощением кровожадности и коварства. В одной из басен, текст которой, к сожалению, немного поврежден в двух местах, рассказывается о том, как стая из десяти волков утатила несколько, видимо десять, овец, и о том, как один волк, прибегнув к нехитрой софистике, одурачил своих товарищей: «Девять волков и десятый с ними зарезали несколько овец. Десятый волк был жаден и не... (на табличке повреждены одно или два слова). Когда он коварно... (повреждены одно или два слова), он сказал: „Я разделю ее (добычу) для вас! Вас девять, так пусть одна овца будет вашей общей долей. А я один, так пусть мне достанется девять овец — это будет моя доля!“».

Из всех диких зверей наиболее ясно и определенно очерчен в шумерских баснях характер лисицы. О ней говорится как о животном чванливом и тщеславном, которое постоянно, на словах и всем своим поведением, стремится преувеличить свое значение. В то же время — это трусливый зверь, способный лишь хвастаться. Вот, например, несколько басен о лисице: «Лиса наступила дикому быку на копыто и спрашивает: „Тебе не очень больно?“».

Или еще: «Лиса не сумела построить себе дом, а потому пришла в дом друга, как завоеватель».

Вот другой пример: «Лиса несла палку (и спрашивала): „Кого бы мне стукнуть?“»

Лиса несла официальный документ (и спрашивала): „Чего бы мне потребовать?“»

Или еще: «Лиса скрещивала губами, но голова у нее трясется».

А вот две самые длинные басни про лису, которые особенно ярко иллюстрируют самомнение и трусость этого персонажа. Обе басни довольно запутаны и обрываются,

не доходя до конца, но в целом их смысл и мораль вполне ясны: «Лис сказал своей жене: „Идем со мной! Давай изгрызем город Урук, словно это лук-порей у нас под зубами! Мы будем попирать город Куллаб, словно это башмак у нас под ногами!” Но не успели они подойти и на 600 гаров к городу (примерно три километра), как собаки зарычали на них: „Геме-Туммаль! Геме-Туммаль! (По-видимому, так звали жену лиса). Иди домой! Ступай прочь!” — так угрожающе рычали они из города».

Нетрудно понять, что лис и его жена тотчас последовали этому совету и вернулись восвояси.

Вторая басня про лису включает мотив, много позднее использованный Эзопом в басне «Крысы и ласки», хотя в ней и не упоминается лиса: «Лиса потребовала у бога Энлиля рога дикого быка, (и вот) ей были даны рога дикого быка. Но поднялся ветер, полил дождь, а лиса (из-за рогов) не могла укрыться в свою нору. Под утро, когда холодный северный ветер, грозовые тучи и ливень обрушились (?) на лису, она сказала: „Как только рассветет”...»

К сожалению, конец басни отсутствует, но, по-видимому, лиса намеревается снова обратиться к Энлилю, умоляя избавить ее от рогов дикого быка.

Хотя лисица шумерских басен и не походит на умное, ловкое животное, каким она предстает перед нами в европейском фольклоре, она имеет немало общего с лисой из некоторых басен Эзопа (взять хотя бы басню «Лиса и виноград»). Следует также отметить, что до нас дошли — к сожалению, в весьма плохом состоянии — фрагменты двух басен, в которых лиса появляется рядом с вороном или вороной, то есть в том же сочетании, что и в баснях Эзопа.

Медведя мы встречаем лишь в двух шумерских баснях; в одной из них, видимо, идет речь о его зимней спячке.

Но если о медведе нам почти нечего сказать, то о мангусте можно найти в пословицах и поговорках немало любопытных сведений. В Древней Месопотамии, как и в современном Ираке, держали ручных мангуст для борьбы с крысами. Шумеры, видимо, подметили и оценили смелость, с какой мангуста бросается на свою добычу в отличие от кошки, которая долго и терпеливо поджидает удобного мгновения, чтобы выпустить когти. Это нашло выражение в такой поговорке:

Кошка долго раздумывает,
Мангуста не теряет времени даром.

С другой стороны, от мангуст было трудно уберечь какую-либо пищу или алкогольные напитки, и хозяевам приходилось мириться с этими пороками своих любимцев. Шумеры говорили не без горечи:

Если есть в доме еда, ее уничтожит мангуста,
А если она что-нибудь оставит мне,
Придет чужестранец и уничтожит все!

Пер. Ф.Л. Мендельсона

Впрочем, в другой поговорке домашняя мангуста забавляет своих хозяев благодаря своему «извращенному вкусу»: «Моя мангуста ест только тухлятину, а ради пива или топленого масла и не пошевелится».

В одной из поговорок как будто встречается упоминание о гиене, но смысл его недостаточно ясен.

Что касается кошки, то она фигурирует в шумерской литературе лишь в виде исключения. Об одном случае уже шла речь (поговорка о кошке и мангусте). Во втором случае корова, которая повсюду следует за носильщиком корзин, сравнивается с кошкой.

Лев, согласно поговоркам и басням, обитал в местностях, заросших деревьями и тростником. Впрочем, в двух баснях — текст одной из них сильно поврежден, а в другой неясен смысл — лев почему-то оказывается в открытой степи. Раз для льва заросли — удобное укрытие, то человек должен сам остерегаться льва и для этого изучать его повадки.

Так, в одной поговорке говорится: «О лев, густые заросли — твой союзник!»

А в другой: «Лев и в зарослях не съест человека, который его знает!»

Последнее изречение невольно напоминает историю об Андрокле и льве.

Другая сильно поврежденная табличка сохранила нам обрывки басни про льва, попавшего в западню, и про лису. В большинстве басен лев предстает главным образом как могучий хищник, добычей которого становятся овцы, козы и «свиньи зарослей» (видимо, дикие свиньи).

«Когда лев пришел в овчарню, собака была привязана веревкой из крученой шерсти», — говорится в одной басне. А в другой рассказывается такая история: «Лев схватил „свинью зарослей“ и начал ее терзать, приговаривая: „Хотя твое мясо еще не наполнило мне пасть, твой визг уже просверлил мне уши!“»

Однако лев не всегда выходит победителем, ибо даже он может быть одурачен лестью «беззащитной козы». На эту тему сохранилась басня — одна из самых длинных шумерских басен, весьма напоминающая Эзоповы басни: «Лев схватил беззащитную козу. „Отпусти меня, (и) я дам тебе овцу, одну из моих подружек!” (сказала коза). „Я отпущу тебя, но (сначала) скажи мне твое имя!” (сказал лев). (Тогда) коза ответила льву: „Разве ты не знаешь моего имени? Меня зовут „Ты мудрец”!» Когда лев дошел до овчарни, он прорычал: „Вот я пришел к овчарне и отпускаю тебя!” Коза (уже из-за ограды?) ответила ему: „Да, ты меня отпустил! Но разве ты мудрец? Я не только не дам тебе овцу (которую я обещала), но и сама не останусь с тобой!”⁵⁸»

Сохранилась шумерская басня про слона. В ней слон выводится хвастливым животным; его «ставит на место» самая маленькая из пичужек — крапивник: «Слон хвастался (?), говоря о себе так: „Нет подобного мне в мире! Не...!» (здесь текст разрушен до конца строки, но можно предположить, что фраза была примерно такая: „Не пробуй равняться со мной!»). И (тогда) в ответ ему крапивник сказал: Но ведь и я, как я ни мал, был создан точно так же, как и ты!»

Осел, как известно, служил основным упряжным и вьючным животным в древней Месопотамии. Добродушно подшучивая над ним, шумеры создали образ медлительного и зачастую глупого создания, сходный с образом осла в европейской литературе. Основная особенность осла — поступать диаметрально противоположно тому, чего требует он него хозяин.

Вот несколько примеров: «Его надо тащить (силой) в пораженный мором город, словно вьючного осла».

«Осел сожрет и свою подстилку!»

«Твой беспомощный осел потерял всю скорость! О Энлил, твой беспомощный человек потерял все силы!»

«Мой ослик не создан для быстрого бега, он создан для того, чтобы орать!»

«Осел опустил голову, а хозяин похлопал его по морде и говорит: „Пора встать и уйти отсюда. Скорей! Шевелись!”»

Иногда осел сбрасывал свою ношу, и его за это нещадно ругали: «Сбросив свой вьюк, осел сказал: „Старые проклятия все еще наполняют мне уши!»»

Случалось, что осел убегал от своего хозяина и не возвращался. Вырвавшийся на волю осел послужил темой

для любопытных сравнений в двух поговорках. Вот первая: «Как сбежавший на волю осел, мой язык не повернется вокруг и не вернется вспять».

А вот вторая: «Сила юности покинула мои чресла, как сбежавший осел».

В некоторых изречениях упоминаются неприятные физиологические особенности осла, например: «Если бы нашелся осел, который бы не смердел, такому ослу не понадобился бы погонщик».

И наконец, сохранилась поговорка про осла, в которой есть любопытный штрих, характеризующий нормы поведения. Звучит она так: «Я не стану жениться на трехлетней, как это делают ослы!» Здесь явно порицаются слишком ранние браки⁵⁹.

Что касается лошади, то одна шумерская басня совершенно неожиданно дала новые сведения о самом раннем периоде одомашнивания коней. В этой басне впервые, насколько нам известно, упоминается верховая езда. Правда, таблички с текстом басни относятся приблизительно к 1700 г. до н. э., но, поскольку тот же текст обнаружен и на большой табличке из Ниппура, и на школьной табличке из Ура, относящейся примерно к тому же периоду, можно смело предположить, что сочинена эта басня была гораздо раньше. Такой вывод подтверждается не только распространенностью этого текста, но и тем, что он вошел в один из школьных сборников пословиц и поговорок. Поэтому вполне вероятно, что шумеры умели ездить верхом за две тысячи лет до нашей эры, хотя наиболее древнее упоминание о верховой езде письменно зафиксировано на триста лет позднее.

Басня про лошадь звучит так: «Сбросив всадника, лошадь сказала: „Если всегда таскать на себе такой груз, можно и обессилеть!”»

В другой поговорке упоминается о потливости лошадей: «Ты потеешь, как лошадь, — это (выходит) все, что ты выпил!» Здесь почти дословное совпадение с разговорным английским выражением «to sweat like a horse».

Про мула сохранилась всего одна поговорка, но любопытно, что в ней идет речь именно о происхождении этого животного: «О мул, кто тебя признает — твой отец или твоя мать?»

Интересно отметить, что свинья отнюдь не считалась у шумеров «нечистым» животным: в поговорках и баснях свиной закалывают для еды чаще всех других животных!

Вот еще одна поговорка: «Свинью-пигуо свинью должны бы-

ли заколоть, и тогда она сказала: „Это все из-за пищи, которую я съела!“»

А вот второй: «Он дошел до крайности (?) и тогда заколол свою свинью!»

Или еще: «Мясник, торгующий свининой, резал свинью и приговаривал: „Ну, чего ты визжишь? По этому пути уже отправились твои отцы и деды, и ты пойдешь следом за ними. (И все-таки) ты визжишь!“»

До сих пор не обнаружено ни одной шумерской басни про обезьяну, но существует одна поговорка и шуточное письмо от обезьяны к своей матери. Оба эти текста свидетельствуют о том, что обезьяны развлекали зрителей в шумерских «домах музыки» и что о них не слишком хорошо заботились.

Поговорка гласит: «Весь Эриду процветает, но обезьяна из „большого дома музыки“ роется в отбросах!»

А в шуточном письме говорится следующее:

Лудилуди, матери моей,
Так скажи:
«Говорит Укуби, обезьяна.
Ур — роскошный город Нанны,
Эредуг — град изобилья Энки.
А я — на задворках главного дома,
Где обучаются песнопеньям.
Я сыта одним гляднем,
Как я только не подохла!
Без свежего хлеба, без свежего пива!
Что-нибудь с гонцом мне вышли!
Ка-ра-ул!»

Очевидно, обезьяна из «большого дома музыки» города Эриду, процветавшего порта на озере в юго-восточной части Шумера, голодала и была вынуждена отыскивать себе пищу на городских свалках. По неизвестной причине злключения бедного зверька вошли в поговорку, и вполне возможно, что какой-то склонный к сатире писец превратил эту поговорку в шуточное письмо к «матери» обезьяны (имя «Лудилуди», видимо, означает «обезьяний человек»). Это «письмо», судя по тому, что до нас дошли по крайней мере четыре его копии, сделалось своего рода классической литературной миниатюрой, в то время как первоначальная поговорка вошла лишь в один сборник пословиц и поговорок.

Рыбы, судя по дошедшим до нас литературным тек-

из других письменных и археологических источников нам известно, что начиная с глубокой древности рыба была в Шумере одним из основных продуктов питания и высоко ценилась в качестве такового. Если верить уникальному литературному произведению, о котором пойдет речь в следующей главе, то у шумеров, возможно, были даже заповедники для охраны водных жителей от птиц и крокодилов.

19. «ДОМ РЫБЫ»

ПЕРВЫЙ РЫБНЫЙ ЗАПОВЕДНИК

«Дом рыбы» — характерный пример удивительных открытий, которые мы продолжаем делать, изучая шумерскую цивилизацию по литературным текстам. Текст, о котором сейчас пойдет речь, не только свидетельствует о необыкновенном внимании этого древнего народа к жизни обитателей морей и рек и о его заботе о них, но также дает нам описание первого заповедника (или «святилища») для рыб, хотя трудно предположить, чтобы такой идеализированный «аквариум» действительно существовал в каком-либо из городов Шумера.

Наш документ, состоящий из 150 строк, стал известен всего несколько лет назад. Он начертан на девяти табличках и фрагментах, хранящихся в настоящее время в Стамбуле, Лондоне и Филадельфии. Шесть из них до сих пор не были опубликованы, а три (самые большие) в копиях, сделанных Гэддом, бывшим сотрудником Британского Музея, были совсем недавно предоставлены в мое распоряжение. Благодаря последним мой испанский коллега и сотрудник по Музею Пенсильванского университета М. Сивил смог установить, что остальные шесть фрагментов относятся к этому же документу, и расположить их в соответствующем порядке. Более того, он установил, что три фрагмента (два из Филадельфии и один из Стамбула) — части одной и той же таблички.

Работая в этом направлении, Сивил заново восстановил и перевел текст, потратив на это несколько месяцев упорного труда. Он подготовил текст к изданию вместе с переводом и комментариями⁶¹.

Это произведение представляет собой монолог неизвестного человека или божества, проявлявшего глубокий интерес к жизни водных обитателей и стремившегося к

тому, чтобы все рыбы жили в полной безопасности, в наиболее благоприятной для них среде.

Текст начинается с описания жилища, специально построенного для рыб. Это род аквариума, который автор характеризует как «родной дом» для рыб:

Рыба моя, я тебе дом построил, прибежище тебе приготовил.
При доме том двор широкий, загон просторный тебе построил.
Там, внутри, ложе тебе поставил,
В этом месте веселья журчащую воду течь для тебя заставил.

К дому *сеть* не приблизится, от канала подземного не *протянется*.
В доме есть пища, отборная пища.
Да, в доме есть пища, свежайшая пища.
В дом, там, где пиво тебе поставлено, туда и мука

не просочится
Ликование не прекратится, как только нямя твоё там пошлышится.

И порог, и засов, и мука для жертвы, и курильница — все готово.
А благоухание этого дома — что ароматы кедрового леса.
В доме есть пиво, отличное пиво.
Да, есть сладкое пиво и лепешки медовые —
как тростниковая изгородь длинные.

Поэма — а это несомненно поэма, судя по повторам и параллелизмам, характерным для поэтического стиля, — приглашает далее всех родственников рыбы и всех друзей прийти в этот дом и отдохнуть.

Все знакомые твои — да войдут они.
Все близкие твои — да войдут они.
И отец, и глава рода твоего — да войдут они.
Сыновья твоего старшего брата, сыновья твоего меньшого брата —
да войдут они!

И малые твои, и большие твои — да войдут они!
И супруг, и дети твои — да войдут они!
Друзья-приятели твои — да войдут они!
Зять и свекор твой — да войдут они!
Пусть толпою, бок-о-бок с тобою войдут!
Ни одного из них не оставь, никого из них не оставь снаружи!
Войди же, дочь моя любезная,
Войди же, дочь моя хорошая,
Словно у канала засоленного, которому нет течения,
Словно у потока засоренного, которому нет движения,
Для воды струящейся твое ложе будет расчищено,
Лунный свет войдет — твое ложе будет расширено.

А когда ты войдешь — обрати свои взоры к укрытию.
Когда, словно *бык*, ты пойдешь к месту, тебе уготованному, —
обрати свои взоры к укрытию.
Когда, словно *нос*, ты пойдешь к месту, тобою учужанному, —
обрати свои взоры к укрытию,

Когда, словно *овца*, ты пойдешь, к жилью своему постоянному —
обрати свои взоры к укрытию.

Следующий абзац сильно поврежден, однако можно понять, что автор описывает различные виды рыб, которые должны войти в «святилище» вместе с «его Рыбой»:

О рыба моя, пусть все рыбы, что есть, с тобою пойдут!
Та, что бородку мягкую имеет, что травы сладкие поедает,
Пусть большая моя усач-рыба с тобою войдет, о моя рыба!

Та, что тростник изнутри изгрызает, ко рту своему его тянет,
Пусть и малая моя усач-рыба с тобою войдет, о моя рыба!

И та, толстогубка, что сосет тростники живые,
Что собирается в стан,

Пусть моя рыба-каarp с тобою войдет, о моя рыба!
И та черная, словно жердь круглая,
Свинья опоросная, что у речных берегов себе пищу находит,
Пусть моя угорь-рыба с тобою войдет, о моя рыба!

Большинство рыб автор описывает в общих чертах, обычно не более чем в двух-трех строках. Зато одной рыбе он отводит целых одиннадцать строк! Судя по загадочным подробностям, которые он приводит, речь идет, по-видимому, об электрическом скате с голой кожей, плоским туловищем и заостренным хвостом:

Голова — мотыга, зубы — ушелье,
Кости ее — словые ветки,
Пузырь ее — мех для воды пастуха Думузи,
Мешок, пищей набитый, мешок недвижимый,
Бич рыбаков хвост ее тонкий,
Рыба-прыгун, мешок, что себе подобных жрет,
Внутренностей в голове не имеет,
Соперников руками-ногами хватает,
Ее жало, что шипы-когти,
Рыба запретная — в городах, во святилищах
В жертву ее богам не приносят,
Но пусть и моя хрящеперая скат-рыба, пусть с тобою войдет,
о моя рыба!

После краткого описания некоторых других рыб (каких — до сих пор неизвестно) — *кин*, *нешгид*, *гур*, *агар-гар*, *сагга*, *турхар* (?), *азагга*, *муш*, *гиру* и *салсал* — автор переходит к описанию различных птиц, а также крокодила, то есть тех, кто истребляет рыб. Из-за них убежище для рыб еще более необходимо.

Начало абзаца не сохранилось. Остальные строки звучат так:

Та, что средь рек и болот кричит зловеще,
Моя «акан-птица», в когтях ее, о рыба моя, ты повиснешь!
И та, что над водами, где сети раскинуты, кружит,
Моя «убур-птица», в когтях ее, о рыба моя, ты повиснешь!
И та, длинноногая, та, что хохочет,
По водам бежит, что по глине пишет,
Моя «анше-бар-птица», о рыба моя, в когтях ее ты повиснешь!
И та, что вовсе не нарядна,
У этой птицы — ноги рыбы,
Моя «ки-иб-птица», о рыба моя, и в ее когтях ты повиснешь!
И тот, что в болотах, что хватает четвероногих, бегущих мимо.

В связи с множеством опасностей, поджидающих ни в чем не повинную, ничего не подозревающую рыбу на каждом шагу, убежище приобретает для нее насущную необходимость. Наш любитель рыб заканчивает свой монолог следующими словами:

Но нет, в когтях их ты не повиснешь, ноги их тебя не погубят,
О рыба моя, день наступает — ко мне, смелее, ну, давай же,
Настало время — ко мне, смелей!
И владычица всех рыбарей
Богиня Нанше как тебе будет рада!

Собрания пословиц, поговорок и басен представляют собой лишь часть назидательной литературы древнего Шумера. Шумерские писцы создали также жанр наставлений, которые представляли собой либо сборники советов и указаний, как «Календарь земледельца» (см. гл. 11), либо описывали жизнь школы (см. гл. 2). Но у шумеров был особый литературный жанр, пользовавшийся наибольшей популярностью, — это жанр диспута, словесного поединка. В таком произведении в основном излагался спор двух соперничающих сторон, каждая из которых могла олицетворять что угодно: время года, животное, растение, металл, камень или же — как в сильно сокращенном варианте библейской легенды о Каине и Авеле — определенный род занятий.

Такому первому в истории человечества литературному спору и посвящена следующая глава.

20. ДИСПУТЫ

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ

Шумерские учителя и литераторы не были, да и не могли быть настоящими философами и глубокими мыслителями. Однако во всем, что касалось природы и окружающего мира, они проявляли себя внимательными наблюдателями. Длинные списки названий растений, животных, металлов и камней, которые составлялись как пособия для преподавания в школах (см. главу 1), свидетельствуют о подробном изучении природных явлений и живых существ — во всяком случае, их наиболее характерных особенностей. Кроме того, шумерские предшественники современных специалистов по истории культуры впервые сознательно попытались проанализировать, что представляла собой цивилизация того времени, и с этой целью составили перечень названий более ста входящих в нее элементов: различных общественных институтов, профессий, ремесел, оценок и норм поведения.

Одной из особенностей нашего отношения к окружающему миру является естественное сопоставление каких-то двух понятий или вещей — времен года, видов животных или растений, металлов, орудий производства, — которые настолько прочно связаны между собой в нашем сознании, что, называя одну вещь, мы не можем не вспомнить вторую. В такой сельскохозяйственной стране, как Шумер, этими парами были, например, зима и лето, скот и зерно, птица и рыба, дерево и тростник, серебро и бронза, мотыга и плуг, скотовод и земледелец. В определенных ситуациях все эти пары были в какой-то степени антагонистичными. Общее же у них всегда было одно: их значение и полезность для людей. Поэтому, естественно, возникал вопрос: что или кто из двух полезнее для человека? Стремление дать ответ на этот вопрос, произвести своего рода оценку вещей влекло шумерских педагогов к жанру литературного спора, или диспута, созданного наиболее одаренными из них специально для этой цели.

Основную роль в таких диспутах играют доводы противников, каждый из которых «возвышает» себя и «принижает» своего соперника. Все это излагается в форме поэтического произведения, ибо шумерские авторы являлись прямыми наследниками еще не знавших грамоты певцов более ранних эпох, и поэзия была им ближе, чем проза.

Обычно спор композиционно обрамлялся мифологическим введением, где рассказывалось о сотворении соперничающих сторон, и соответствующей концовкой, в которой какое-нибудь почитаемое божество шумерского пантеона — или несколько божеств — выносили решение в пользу одной из сторон.

Сегодня мы располагаем частичными или полными текстами семи таких литературных споров. Однако из них пока изучены только три. Первый — это спор между божествами скота и зерна, достаточно подробно освещенный в гл. 15. Второй можно назвать так: «Лето и Зима, или Энлиль выбирает бога — покровителя земледельцев».

Это один из самых длинных «диспутов», и когда текст будет восстановлен целиком, с использованием всего имеющегося в нашем распоряжении материала, он, кроме того, вероятно, окажется одним из наиболее интересных текстов с точки зрения конкретных сведений о земледелии в древности. Содержание его можно предположительно изложить следующим образом.

Бог воздуха Энлиль решил создать всевозможные деревья и злаки, дабы на земле воцарились процветание и изобилие. С этой целью он сотворил двух братьев — Эмеша (Лето) и Энтена (Зиму) и возложил на каждого из них определенные обязанности. В чем они заключались, видно из таких строк:

Эnten приказывает овце родить ягненка, козе — козленка.
Корове приказывает он множить телят, жир, молоко давать.
Козам, овцам, ослам в долинах он дает сердце ликование.
Птицам небесным он дает гнездование на земле просторной,
Рыбам морским — метание икры в укрomных бухтах.
Винограднику, пальмам он дает изобилие вина и пива.
Деревьям, травам он велит давать всходы, плодоносить.
Рост зерна в борозде он приумножает,
Подобно Ашнан, деве обильной, он дает блистать в сиянии.
Эмеш дал жизнь лесам и полям, он расширил загоны и стояла.
Он в хозяйстве приумножил достаток,
Он землю покрыл плодами земными.
Он урожай повелел собирать в амбары, громоздить зерно в кучи.
Он дал построить дома, грады, по всей стране возводить жилища,
Храмы, высокие, точно горы.

Справившись со своими делами, оба брата, Эnten и Эмеш, решают отправиться в Ниппур, в «дом жизни», и почтить там благодарственными жертвами отца своего Энлиля. Эмеш несет различных животных, диких и домашних, а также птиц и всякие растения. Эnten несет дра-

гоценные камни и металлы, деревья и рыб. Однако когда они приходят к порогу «дома жизни», завистливый Эnten начинает ссориться с братом. Они вступают в горячий спор, и наконец Эмеш говорит, что не признает за братом права называться «земледельцем богов». После этого оба отправляются в Экур, центральный храм бога Энлиля, и каждый излагает свою точку зрения. Эnten жалуется Энлилю:

Отец Энлиль!

Ты повелел мне заботиться о каналах!

Я поставлял животворную воду, что приносит изобилие.

Я множил за полем поле, я житницы наполнял с краями,

Я рост зерна в борозде умножил,

Подобно Ашнан, деве обильной, я ему дал блистать в сиянии.

Ныне же брат мой Эмеш...

...

Он оттолкнул мою руку, он со мною затеял ссору...

Эмеш излагает свою версию ссоры. Он начинает с льстивых фраз, чтобы заручиться расположением Энлиля, однако заключительная часть его речи неожиданно коротка, и понять ее пока не удалось. После этого Энлиль отвечает Эмешу и Эntenу:

Эnten — он смотрит за канавами и рвами с водою, животворящей
страны,

Он — земледелец богов, он все производит.

Эмеш, мой сын, как мог ты решить сравниться с братом твоим
Эntenом?

Слова верховные, что Энлиль промолвил, — их глубокий смысл
незыблем!

Его речения неколебимы — кто осмелится их коснуться?

Оттого-то Эмеш пред Эntenом склонился, обратился к нему
с мольбою.

Он дал Эntenу сребра и злата,

Он наготовил вина и пива.

Двое обменялись знаками братства, обменялись знаками дружбы.

Дабы возрадоваться, дабы воспрозрадовать, вот, они хороши
друг другу.

В споре между Эмешем и Эntenом

Эnten, верный земледелец богов, превзошел Эмеша.

Слава Великому Утесу Энлилю!

Третий литературный спор можно назвать «Инанна выбирает мужа».

По форме он отличается от других произведений этого жанра. Это скорее маленькая пьеса с несколькими действующими лицами, каждое из которых поочередно появляется в нужный момент и произносит свою

речь, Кроме того, здесь нет мифологического вступления⁶². Таким образом, большая часть этого произведения не имеет формы спора, диалога, а представляет собой длинный монолог, в котором один из пресонажей, вначале отвергнутый и удрученный, старается поправить дело, перечисляя свои достоинства. Правда, далее этот персонаж порывается завязать ссору со своим соперником, но тот по своему миролюбию, а также из осторожности предпочитает не вступать в борьбу и кончить дело миром.

В поэме четыре действующих лица: богиня Инанна, ее брат бог солнца Уту, бог пастухов Думузи и бог земледельцев Энкимду. Действие развивается следующим образом: после короткого и, кстати, сохранившегося лишь в отрывках вступления бог Уту обращается к своей сестре Инанне, уговаривая ее стать женой бога пастухов Думузи.

Брат ее, воин, герой Уту,
Чистой Инанне так он молвит:
— Сестрица, да станет пастух тебе мужем!
Дева Инанна, отчего ты не хочешь?
Хороши его сливки, его молоко превосходно,
Все, что рука пастуха производит — прекрасно!
Инанна, да будет Думузи тебе супругом!
Ты, кто сияющими камнями вся изукрашена,
отчего ты не хочешь?
Хороши его сливки, ты будешь их пить с ним вместе,
Ты, сень царей, отчего же ты не согласна?

Инанна отказывается наотрез. Она решила выйти замуж за земледельца Энкимду:

— Да не будет пастух мне супругом!
Покрывалом из новой своей шерсти меня не покроет!
С ним вдвоем дабы лечь — не промолвлю я слова!
Я, дева, да возьмет меня земледелец!
Землепашец, кто растит изобильные травы,
Землепашец, кто растит изобильные злаки!

После ряда плохо сохранившихся и малопонятных строк следует длинная речь пастуха, обращенная, видимо, к Инанне. В ней он перечисляет свои достоинства и старается доказать, что земледельцу с ним не сравниться.

— Землепашец и я, землепашец и я,
чем это лучше меня землепашец?
Энкимду, хозяин борозд и канав,
Чем это лучше меня землепашец?
Если он даст мне муки своей темной,
Я ему, землепашцу, дам овец своих темных,

Если он даст мне муки своей белой,
Я ему, землепашцу, дам овец моих белых.
Если он даст мне лучшего пива,
Я ему, землепашцу, молока дам густого.
Если он даст мне сладкого пива,
Я ему, землепашцу, дам моей простокваши.
Если он даст мне пива *цеженого*,
Я ему, землепашцу, дам *взбитых сливок*.
Если он даст мне легкого пива,
Я ему, землепашцу, молока дам с травами.
Если он даст мне своих сладких фруктов,
Я ему, землепашцу, молока дам смешанного, ото всех от тварей.
Если он даст мне хлебов своих сладких,
Я ему, землепашцу, дам сыров медовых.
Если он даст мне фасоли мелкой,
Я ему, землепашцу, дам сыров моих мелких.
Более, чем он сможет съесть, более, чем он сможет выпить,
Сливок дам я ему в избытке,
Молока густого дам в избытке!
Чем это лучше меня землепашец?..

В следующем отрывке пастух Думузи сидит на берегу реки и радуется. Очевидно, его доводы убедили Инанну и заставили ее изменить свое первоначальное решение. Здесь он и встречает Энкимду и начинает задирать своего соперника.

Пастух — по полям орошенным,
Овец *провел* по полям орошенным, пастух — по полям орошенным.
К пастуху на полях орошенных,
К патуху землепашец *подходит*,
Землепашец Энкимду к нему *подходит*,
К Думузи хозяин канав и каналов подходит.
В степи на равнине, пастух на равнине, он хотел завести с ним ссору.
Пастух Думузи в степи на равнине, он хотел завести с ним ссору.

Однако Энкимду, чтобы избежать ссоры, позволяет Думузи пасти стада на своих землях:

— Я и ты, о пастух, я и ты, о пастух,
О чем нам с тобою спорить?
Да едят траву твои овцы на земле орошенной,
Твои овцы по нивам моим пусть проходят,
Хлеб едят, на нивах Урука пасутся.
Твои ягнята, твои козлята в канале моем Исуругале да напьются.

Думузи тотчас успокаивается и дружески приглашает земледельца на свою свадьбу:

— Я — пастух, и на моей свадьбе
Землепашец вонстину другом мне станет!
Землепашец Энкимду — моим другом, землепашец — моим другом,
Вонстину он им мне станет!

На это Энкимду отвечает, что принесет Думузи и Инанне свадебный подарок — отборные продукты из своего хозяйства.

— Я принесу тебе пшеницы, я принесу тебе *фасоли*,
Чечевицы, зерен ее чистых воистину я тебе принесу!
Тебе же, дева, все, что приносят,
Деве Инанне *смола драгоценных для благовоний* я принесу!

И поэт завершает свое сочинение традиционной концовкой:

В споре пастуха с землепашцем,
Дева Инанна, сладка хвала тебе!
Для исполнения.

Читатель, наверное, уже не раз улавливал на предыдущих страницах книги отзвуки библейских тем. Первозданный океан, отделение неба от земли, сотворение человека из глины, моральные нормы, законы и кодексы, страдания и покорность, спор, подобный спору Каина с Авелем, — все это хотя бы отдаленно напоминает многие мотивы Ветхого Завета. Обратимся же теперь к шумерской поэме, в которой излагается миф о рае, и посмотрим, не проглядывают ли сквозь нее некоторые мотивы Книги Бытия.

Следует сказать сразу: в шумерской поэме речь идет о небесном, а не о земном рае. В нем нет Адама и Евы, не устоявших перед соблазном. Но в этом мифе содержится ряд параллелей с библейской легендой о рае. Быть может, он также дает объяснение — правда, несколько неожиданное — происхождению и первоначальной основе эпизода о сотворении женщины из ребра мужчины.

21. РАЙ

ПЕРВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ С БИБЛИЕЙ

Археологические исследования, проведенные за последнее столетие в Египте и на Ближнем Востоке, обнаружили такие сокровища духовной и материальной культуры, о каких и не подозревали предшествующие поколения ученых. Благодаря наследию древних цивилизаций, извлеченному из-под толщи песка и пыли, в результате расшифровки древних языков и восстановления давно утерянных и забытых литературных памятников наш исторический горизонт сразу расширился на много тысячелетий.

Одним из важнейших результатов археологических исследований в «библейских странах» были находки, проливающие новый, яркий свет на первоосновы и происхождение самой Библии. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что этот литературный памятник возник вовсе не мгновенно — отнюдь не как некий искусственный цветок, выросший на пустом месте. Он уходит корнями в глубь веков, он впитал в себя соки всех соседних стран. И по форме и по содержанию книги Библии имеют немалое сходство с литературными произведениями древнейших цивилизаций Ближнего Востока.

Шумерская литература оказала на древнееврейскую глубокое и сильное влияние. Поэтому одной из увлекательнейших сторон расшифровки и перевода клинописных текстов является установление сходства или параллелей между шумерскими и библейскими сюжетами.

Разумеется, шумеры не могли оказать прямого влияния на древнееврейскую литературу, потому что сами исчезли задолго до того, как появились евреи. Однако нет никаких сомнений в том, что шумеры многое дали хананеям, непосредственным предшественникам евреев в стране, которая позже стала называться Палестиной, а также соседним народам — ассирийцам, вавилонянам, хеттам, хурритам и арамеям.

Убедительным примером таких параллелей может служить миф «Энки и Нинхурсаг». Текст этого мифа был опубликован еще в 1915 г., однако его содержание оставалось неясным вплоть до 1945 г., когда я напечатал в *Bulletin of the American Schools of Oriental Research* новый вариант текста.

Поэма насчитывает 278 строк, размещенных в шести колонках одной таблички, хранящейся в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии. Меньшая копия той же таблички, опознанная Эдвардом Кьерой, находится в Лувре. Содержание этого мифа о рае — впрочем, рае скорее для богов, чем для людей, — вкратце сводится к следующему.

В стране Дильмун⁶³ — «чистой», «непорочной», «светлой» «стране живых», не знающих ни болезней, ни смерти, — не было пресной воды, столь необходимой для жизни растений и животных. Поэтому Энки, великий шумерский бог воды, приказал богу солнца Уту доставить в Дильмун воду с земли. Когда это было исполнено, Дильмун превратился в божественный сад, где зеленые поля перемежались с цветущими лугами.

В райском саду богов великая богиня-мать Нинхурсаг

(возможно, первоначально она была матерью-землей) выросли восемь растений. Ей это удалось только после довольно сложной процедуры, во время которой на свет появилось три поколения богинь, зачатых богом воды, причем — это подчеркивается в поэме неоднократно — все они появились на свет без страданий и мук. Но Энки, по-видимому, пожелал отведать растений, выращенных Нинхурсаг. И вот его посланец, двуликий бог Исимуд, срывает драгоценные побеги один за другим, дает их своему господину, и Энки съедает все без остатка.

Разгневанная Нинхурсаг проклинает Энки, обрекая его на смерть. И для того, чтобы не смягчиться и не изменить своего решения, она покидает общество богов.

Здоровье Энки начинает ухудшаться. Восемь его органов поражает болезнь. По мере того как он все быстрее теряет силы, остальные боги погружаются в траур и прощаются во прахе. Даже бог воздуха Энлиль, царь всех шумерских богов, не может справиться с бедой. И тут неизвестно откуда появляется лиса. Она говорит, что за соответствующее вознаграждение может найти Нинхурсаг. Лиса выполняет свое обещание. Каким-то способом — этот отрывок текста, к сожалению, поврежден — она заставляет богиню-мать возвратиться к богам и исцелить умирающего Энки. Нинхурсаг садится рядом с ним, спрашивает, какие части тела у него болят, и, по мере того как он их называет, производит на свет соответственно восемь исцеляющих божеств. Энки выздоравливает, смерть ему больше не грозит.

Какая же связь между всем этим и библейской легендой о рае?

Прежде всего есть основания полагать, что сама идея рая, сада богов, зародилась в Шумере. Шумерский рай, согласно поэме, был расположен в стране Дильмун, очевидно в юго-западной части Ирана. В этой же стране Дильмун поместили позже свою «страну живых» — страну бессмертия — вавилоняне, семитический народ, покоривший шумеров. Есть ряд указаний на то, что библейский рай тоже располагался на *востоке* от Палестины, в Эдеме — там, откуда берут начало четыре величайшие реки, в том числе Тигр и Евфрат. Похоже, что это был все тот же рай шумеров, страна Дильмун.

Далее, отрывок, в котором бог солнца Уту орошает Дильмун водой, принесенной с земли, весьма напоминает слова Библии: «Но пар поднимался с земли и орошал всю поверхность земли» [Книга Бытия, 2, 6].

Рождение богинь без мук и страданий проливает свет на происхождение проклятия Евы, обреченной в муках рожать детей своих. А эпизод, когда Энки съедает восемь растений, навлекая на себя гнев матери-богини Нинхурсаг, напоминает сцену с запретным плодом дерева познания добра и зла, погубившим Адама и Еву, которые были прокляты за этот грех.

Однако, пожалуй, наиболее интересным результатом сравнительного анализа шумерской поэмы и Библии является вытекающее из него объяснение загадочной истории сотворения Евы, «матери всех живущих», из ребра Адама. Почему из ребра? Почему древнееврейские авторы предпочли ребро всем другим частям тела, когда речь шла о создании Евы, чье имя, согласно библейской традиции, означает «та, кто дает жизнь»?

Это можно объяснить тем, что в основе библейской легенды о рае лежит литературная традиция шумерской поэмы о Дильмуне. На шумерском языке ребро обозначается словом «ти». Богиня, созданная для того, чтобы исцелить боль в ребре Энки, носила имя Нин-ти, то есть «госпожа ребра». Но шумерское слово «ти» означает также «давать жизнь». Таким образом, в шумерской литературе «госпожа ребра» благодаря своего рода игре слов превратилась в «госпожу, дающую жизнь». Это была одна из первых литературных ошибок, которая укоренилась на века благодаря библейской легенде о рае, хотя здесь уже никакой игры слов не осталось, потому что на древнееврейском языке «ребро» и «дающая жизнь» звучат по-разному.

Я пришел к такому, вполне возможному, объяснению библейской легенды через влияние шумерской поэмы совершенно самостоятельно в 1945 г. Однако та же мысль была высказана на тридцать лет раньше выдающимся французским ассириологом Шейлем, о чем мне сообщил американский востоковед У. Олбрайт. Раз к подобному объяснению пришли двое, значит, оно вполне правдоподобно⁶⁴.

Чтобы дать представление о настроении и стиле шумерской поэмы, я приведу ряд наиболее ярких и характерных отрывков.

Вот как описывается счастливая страна Дильмун, где нет ни болезней, ни смерти:

А там, в Дильмуне, ворон не каркает.

Птица «смерти» криков смерти не накрикивает.

Там лев не бьет.

Волк ягненка не рвет.

Там собака сторожевая, как козлят стерегут, не знает.

Там свинья зерна не пожирает.
Вдова на крыше солод не расстилат.
Птица небесная тот солод не склевывает.
Там голубь головою не вертит
Там хворь глазная «я хворь глазная» не говорит.
Там хворь головная «я хворь головная» не говорит.
Там старая «я старая» не говорит.
Там старый «я старый» не говорит.
Там девушка не *умывается, водой из окна не плещется*.
Там перевозчик «*навались*» не кричит.
Там страж *вокруг зубцов не кружит*.
Там певец песнопений не распевает,
Плачей за городом не заводит.

А вот отрывок о безболезненном и легком рождении боинь, которые созрели во чреве матери всего за девять дней вместо девяти месяцев:

Нинту, мать страны,
Породила Нинсар.
На берегах реки *взрастала* Нинсар.
А Энки — он затаился в болотах, он в болотах затаился.
Советчику своему Исимуду так он молвит:
«Отроковицу милую я ли не поцелую,
Нинсар милую я ли не поцелую?»
Советчик его Исимуд так ему отвечает:
«Отроковицу милую, поцелуй ее!
Нинсар милую, поцелуй ее!
Господин поплывет, я буду править, он поплывет,
я буду править!»

Он поставил ногу в лодку,
А другой уж земли коснулся твердой.
Он к груди прижал ее, он поцеловал ее.
Энки излил семя в ее утробу.

Она приняла его семя, семя Энки.
И один ее день — словно месяц,
И второй ее день — словно два месяца.
Девять дней ее — девять месяцев, девять месяцев материнства.
Словно по маслу, словно по маслу, прекрасному,
нежнейшему маслу,
Нинсар словно по маслу, словно по маслу, прекрасному,
нежнейшему маслу,
Родила Нинкуру.

Эпизод, когда Энки съедает восемь растений, описан с типичными для шумерской поэзии повторами:

А Энки затаился в болотах, он в болотах затаился.
Советчику своему Исимуду так он молвит:
«Вот травы, судьбу им я не *решу* ли?
Что это, что это?»
Советчик его Исимуд так ему отвечает:

«Господин мой, это трава лесная», — так он ему отвечает.
 Он ее ему срезает, тот ее съедает.
 «Господин мой, это «трава медовая», — говорит он.
 Он ее ему срезает, тот ее съедает.
 «Господин мой, это «трава семенная», — так говорит он.
 «Господин мой, это «трава колючая», — так говорит он.
 Он ее ему срезает, тот ее съедает.
 «Господин мой, это «трава густая», — так говорит он.
 Он ее ему срезает, тот ее съедает.
 «Господин мой, это «трава высокая», — так говорит он.
 Он ее ему срезает, тот ее съедает.
 «Господин мой, это «трава целебная», — так говорит он.
 Он ее ему срезает, тот ее съедает.
 Энки решил судьбу растений, он познал их сердце.
 Нинхурсаг прокляла имя Энки.
 «Я не взгляну на него „взглядом жизни“, пока не умрет он!»
 Ауннаки во прах уселись.

Итак, Нинхурсаг исчезает, однако лисе удастся каким-то образом ее вернуть. И вот Нинхурсаг принимается лечить восемь больных частей тела Энки, в том числе и ребро, и для этого производит на свет восемь божеств-целителей:

Нинхурсаг Энки на матку свою посадила.
 — Брат мой, что у тебя болит?
 — Макушка моя болит.
 — «Аба-У» — «отец растений» будет рожден для тебя!
 — Брат мой, что у тебя болит?
 — Волосы мои болят.
 «Нин-сики-ла» — «владыка волос» будет рожден для тебя.
 — Брат мой, что у тебя болит?
 — Нос у меня болит.
 «Нинкируту» — «госпожа, что рождает нос», будет рождена
 — Брат мой, что у тебя болит? для тебя.
 — Рот у меня болит.
 — «Нинкаси» — «госпожа, что рот наполняет», будет рождена
 для тебя.
 — Брат мой, что у тебя болит?
 — Горло мое болит.
 — «Нази» — «та, что держит горло в порядке», будет рождена
 для тебя.
 — Брат мой, что у тебя болит?
 — Рука у меня болит.
 — «Азимуа» — «та, что добрую руку растит», будет тебе рождена.
 — Брат мой, что у тебя болит?
 — Ребро у меня болит.
 — «Нинти» — «владычица жизни-ребра» будет тебе рождена.
 — Брат мой, что у тебя болит?
 — Бок у меня болит.
 — «Эншаг» — «владыка здорового бока» будет тебе рожден!

В представлении шумерских теологов рай предназначался не для смертных людей, а для бессмертных богов. Впрочем,

один смертный — но только один! — по словам шумерских окказителей, все же был допущен в этот рай богов. Речь идет, о шумерском «Ное». Здесь мы подходим к мифу о потопе, самой близкой и разительной параллели с библейским текстом во всей клинописной литературе.

22. ПОТОП

ПЕРВЫЙ «НОЙ»

О том, что библейский рассказ о потопе не является оригинальной легендой, созданной древнееврейскими авторами, известно с тех пор, как Джордж Смит расшифровал одиннадцатую табличку вавилонского «Эпоса о Гильгамеше». Однако сам вавилонский миф о потопе восходит к шумерскому первоисточнику.

В 1914 г. Арно Пёбель опубликовал нижнюю часть шумерской таблички в шесть столбцов из Ниппурской коллекции Музея Пенсильванского университета в Филадельфии. Содержание этого фрагмента в основном посвящено потопу. До сих пор он остается уникальным, несмотря на то что ученые сделали все от них зависящее, чтобы отыскать еще хоть одну аналогичную табличку. Ни в одном музее, ни при новых раскопках, ни в частных коллекциях не было обнаружено даже обломка с надписью, посвященной потопу. Табличка, опубликованная Пёбелем, остается нашим единственным источником, и сделанный им перевод до сих пор является общепринятым⁶⁵.

Однако содержание этой таблички интересно не только из-за описания потопа, но также благодаря предшествующему тексту. Несмотря на то что табличка сильно повреждена, этот вступительный отрывок необычайно важен для понимания шумерской космогонии и космологии. В нем содержится ряд сведений о сотворении человека, возникновении царской власти и о существовании по крайней мере пяти «допотопных» городов.

Итак, мы приводим практически весь сохранившийся текст этого мифа со всеми его неясностями и головоломками. Он хорошо иллюстрирует трудности, которые приходится преодолевать ассириологам, но одновременно дает представление об удивительных открытиях, которые им предстоит сделать.

Поскольку сохранилась, как я уже говорил, только ниж-

няя часть таблички (примерно ее треть), нам придется начать, опустив недостающие верхние 37 строк первого столбца. Мы не знаем, что там было написано. Для нас действие начинается с того момента, когда некое божество обращается к другим богам, очевидно обещая спасти род человеческий от гибели, с тем чтобы люди вновь строили города и храмы для богов.

Вслед за этим идут три строки, которые трудно увязать с текстом. Скорее всего в них описывается, что именно делает это божество, чтобы выполнить свое обещание.

Далее следуют четыре строки, рассказывающие о сотворении человека, животных и растений.

Весь этот отрывок выглядит так:

Человеческий род... его погибель...

Мое сотворение... богине Нинту... воистину я верну.

Я верну людей на их земли,

Грады их да будут построены,

Беды их да будут рассеяны.

Кирпичи на места святые градов воистину да будут возложены.

На месте святом... да установлены

Обряды, могучие Сути совершенными да будут!

Землю вода да оросит, благоденствие да осенит.

Когда Ан, Энлиль, Энки и Нинхурсага

Черноголовых сотворили,

Четвероногие твари множились,

Четвероногие, многие, всякие, подобающие там расселены были.

Здесь текст прерывается новой лакуной в 37 строк, после чего мы узнаем, что царская власть была ниспослана свыше и что тогда было основано пять городов.

Когда царственность... знаки (?) ее с небес спущены были,

Когда корона могучая, престол царственности с небес

спущены были,

Он обряды сотворил, он Сути могучие совершенными сделал,

Он грады основал,

Он имена им дал, он им доли распределил.

Первый из градов тех — Эредуг, государю Нунамниру его он дал.

Второй — Бадтибира, *жрице небес* его он дал,

Третий — Лараг, Пабильсагу его он дал,

Четвертый — Сиппар, герою Уту его он дал,

Пятый — Шуруппак, Суду его он дал.

Градам всем тем он дал имена, их столицами он назначил.

Он принес...

Малые речки повелел он очистить, прорыть каналы,

провести воду....

Здесь в тексте опять пробел примерно в 37 строк, в которых, видимо, говорилось главным образом о решении

богов ниспослать на землю потоп и уничтожить род человеческий. Когда текст снова становится достаточно четким, мы видим, что некоторые боги недовольны и опечалены таким жестоким решением. Затем на сцене появляется Зиусудра, шумерский прототип библейского Ноя. Он предстает как пious и богобоязненный царь, во всех своих делах руководствующийся указаниями, полученными от богов в откровениях и предсказаниях. Насколько можно понять, в тот момент, когда Зиусудра стоит возле какой-то стены, божественный голос возвещает ему о решении богов: на землю обрушится потоп, дабы «уничтожить семя рода человеческого». Этот довольно длинный отрывок читается так:

Потоп...

Тогда Ништу... ее творения...

Светлая Инанна плач начала за своих человек.

Энки с самим собою советовался,

Ан, Энлиль, Энки, Нинхурсага...

Боги небес и земли именем Ана поклялись, именем Энлиля поклялись.

В то время царь Зиусудра, помазанник божий,

... он построил...

Он с покорностью, словами смиренными, благоговейно...

Каждый день он стоял, склоняясь...

То не сон был, ... выход слов его...

Клятвой небес и земли вызванный...

В Киуре... боги... стена...

Зиусудра, за ней стояв, слышал...

Он стоял слева, с самого края...

— Уголок стены, да скажу тебе слово, мои слова прими со вниманьем!

На то, что скажу я, обрати вниманье!

Потоп пронесется надо всем миром,

Семя человек дабы уничтожить,

Таково окончательное решение совета...

Слова, реченные Аном, Энлилем...

Царственность, ее разрушенье...

Дальнейший текст, очевидно, содержит подробные указания Зиусудре — чтобы он построил огромный корабль и спасся на нем от гибели. Но эти указания отсутствуют, потому что здесь в поэме новый пробел примерно в 40 строк. Когда текст становится разборчивым, мы видим, что потоп уже обрушился «на страну». Он бушевал семь дней и семь ночей.

На восьмой день вновь появился бог солнца Уту, разливая над землей свой драгоценный свет. Зиусудра простерся перед ним и принес ему жертвы.

Собрались все злобные бури и ураганы,
Потоп пронесся надо всеми столицами.
Семь дней и семь ночей то было,
Когда потоп над страной носился
А злой ветер в воде высокой качал огромное судно,
И солнце взошло, осветило небо и землю.
Зиусудра в своем корабле огромном сделал отверстие,
И солнечный луч проник в его корабль.
Царь Зиусудра пред солнцем Уту простерся,
Царь быков ему заколол, много овец ему заколол.

После нового пробела примерно в 39 строк в последнем отрывке описывается обожествление Зиусудры. Простершись перед Аном и Энлилем, он получает «жизнь, подобно богу», вечное дыхание, а затем его переносят в Дильмун — «место, где восходит солнце»:

...Жизнью небес, жизнью земли они поклялись...
Ан и Энлиль жизнью небес, жизнью земли поклялись...
Твари земные из земли вышли.
Царь Зиусудра
Пред Аном, Энлилем простерся.
Ан и Энлиль Зиусудре с мягкостью...
Кто дал ему жизнь, подобно богу...
К жизни вечной, подобно богу, его избрали,
Тогда они Зиусудру, царя
Всех тварей, семени человечества спасителя,
В страну перехода, в страну Дильмун, там, где Уту встает,
там его поселили.

Остальная часть таблички, содержащая примерно еще 39 строк, разрушена. Поэтому о дальнейшей судьбе Зиусудры в обители бессмертия мы можем только строить предположения.

Перейдем теперь от рая к аду, от небес к подземному царству, которое сами шумеры определяли как «страну, откуда нет возврата». В эту страшную страну смерти спускается непокорная, своевольная богиня, чтобы удовлетворить свое непомерное тщеславие. История ее нисхождения в подземное царство, о которой пойдет речь в следующей главе, сохранилась лучше многих других шумерских мифов. Кроме того, в ней мы находим весьма интересную параллель с одной из важнейших тем Евангелия.

23. ПОТУСТОРОННИЙ МИР

ПЕРВАЯ ЛЕГЕНДА О ВОСКРЕСЕНИИ ИЗ МЕРТВЫХ

«Аид» греков, «Шеол» древних евреев по-шумерски назывался «Кур». Первоначально это слово означало «гора», затем приобрело более общее значение — «чужая страна», потому что окружающие горные области таили в себе постоянную угрозу для Шумера. С точки зрения шумерской космологии Кур представлял собой пустое пространство между корой земли и первозданным океаном. Именно туда спускались тени мертвых. Чтобы проникнуть в Кур, нужно было пересечь «поглощающую людей реку», через которую перевозил на лодке особый перевозчик, «человек лодки». Здесь мы видим полную аналогию с греческими Стиксом и Хироном.

Хотя потусторонний мир считался обителью мертвых, там была своего рода «жизнь». Например, в Библии, в Книге Исайи, описывается волнение, охватившее в Шеоле тени бывших царей и правителей, когда до них дошла весть о смерти царя вавилонского [14, 9—11]. Что касается шумеров, то в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии сохранилась табличка, рассказывающая о приключениях шумерского царя в подземном царстве. Она была опубликована в 1919 г. С. Лэнгдоном. Содержание уцелевшего текста вкратце таково.

После своей смерти великий царь Ур-Намму прибывает в Кур. Сначала он приносит дары и жертвы семи подземным божествам, каждому в его дворце. Затем он приносит жертвы двум другим божествам — одно из них выполняет должность писца загробного мира, — чтобы заручиться их поддержкой. Наконец, тень Ур-Намму добирается до места, предназначенного для него священнослужителями Кура. Здесь его приветствуют другие обитатели Кура, стараясь, чтобы он почувствовал себя как дома. Герой Гильгамеш, ставший «судьей подземного царства», объясняет Ур-Намму законы и правила Кура.

Но проходит «семь дней», проходит «десять дней», и до Ур-Намму доносятся «жалобы Шумера». Он вспоминает о стенах Ура, которые он оставил недостроенными, о своем новом дворце, который не успел освятить, о своей жене, которую не может больше обнять, о своем ребенке, которого некому покачать на коленях. Все это смущает его покой в

потустороннем мире, и Ур-Намму раздражается долгими и горестными сетованиями.

В особых случаях тени мертвых могли на время «подниматься» на землю. В первой книге пророка Самуила (глава 28) рассказывается о том, как его тень была вызвана из Шеола по просьбе царя Саула. Точно так же в шумерской поэме «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» (см. гл. 25 нашей книги) тень Энкиду поднимается из Кура, чтобы обнять своего господина Гильгамеша и побеседовать с ним.

Хотя Кур предназначался для смертных, в нем пребывало немало различных бессмертных божеств. Сохранилось несколько мифов, объясняющих присутствие некоторых божеств в подземном царстве.

В поэме, названной мною «Сотворение бога луны» (см. гл. 14), рассказывается о том, как Энлиль, главное божество шумерского пантеона, был изгнан остальными богами из Ниппура в подземное царство в наказание за то, что он силой овладел богиней Нинлиль. По пути в Кур он зачал трех подземных богов, два из них хорошо известны и по другим источникам. Однако в нашем распоряжении имеется и другой, гораздо более подробный рассказ о падении бога пастухов Думузи, самого известного из «умирающих богов». Об этом сохранилась целая поэма, посвященная главным образом богине Инанне, одной из наиболее популярных героинь шумерских мифов.

Богиня любви, какое бы имя она ни носила, всегда и везде зажигала воображение людей. Римская Венера, греческая Афродита, вавилонская Иштар во все века привлекали внимание поэтов и певцов, воспевавших их добрые и злые деяния.

Шумеры поклонялись богине любви Инанне, чье имя означает «царица небес». Ее мужем был пастушеский бог Думузи — библейский Таммуз, плач по которому обличал как святотатство пророк Иезекииль уже во второй половине I тысячелетия до н. э.

Существуют два варианта мифа о сватовстве и женитьбе Думузи⁶⁶. Об одном, где его соперником выступает бог земледельцев Энкимду, уже шла речь в главе 20. В другой поэме у Думузи нет соперников — он единственный претендент на руку Инанны.

В этой поэме пастух Думузи приходит к дому Инанны и громогласно требует, чтобы его пустили. По его рукам и бедрам струятся молоко и сливки. Инанна спрашивает совета у своей матери, затем омывается, умащается благоуханиями, надевает царственные одежды и украшения из драго-

ценных камней и открывает дверь будущему жениху. Они обнимаются. Думузи, видимо, тут же овладевает Инанной и уводит ее в «город своего бога».

Но Думузи и не подозревал, что эта женитьба, которой он так страстно жаждал, приведет его к гибели и что ему предстоит быть низвергнутым в ад.

И все из-за того, что он не принял в расчет непомерное женское тщеславие! От этого рассказывается в поэме «Происхождение Инанны в подземное царство», замечательной тем, что в ней мы впервые сталкиваемся с идеей воскресения из мертвых. Содержание поэмы следующее.

Несмотря на то что Инанна, как указывает самое ее имя*, уже является царицей небес — «великого верха», она стремится любой ценой усилить свое могущество и сделаться одновременно повелительницей подземного царства — «великого низа». Она решает сойти в подземное царство, чтобы на месте решить, как ей лучше добиться своей цели. Выхватив подходящие к случаю божественные законы и облачившись в царственные одежды и драгоценные украшения, она готова отправиться в «страну, откуда нет возврата».

Властительница подземного царства Эрешкигаль, шумерская богиня смерти и мрака, — это старшая сестра Инанны и злейший ее враг. Инанна опасается, и не без причины, что сестра умертвит ее, как только она проникнет в адские владения. Поэтому Инанна заранее наставляет своего верного визиря Ниншубур⁶⁷, что ему надлежит сделать, если она не вернется по прошествии трех дней. Сначала Ниншубур должен оплакать гибель своей госпожи в зале собраний богов. Затем он должен пойти в Ниппур, город Элилия, и умолить этого всемогущего бога, чтобы тот спас Инанну, не допустил ее смерти. Если Элилия откажется, Ниншубур должен отправиться в Ур, город бога луны Нанны, и повторить свою просьбу. А если и Нанна откажется, тогда надо идти в Эриду, город бога мудрости Энки, который «знает пищу жизни» и «напиток жизни» и наверняка придет на помощь Инанне.

Затем Инанна спускается в подземное царство и приближается к дворцу Эрешкигаль, построенному из лазурита. У входа ее встречает главный привратник Нети. Он спрашивает, кто она и зачем пришла. Инанна придумывает какой-то предлог. Привратник по приказу Эрешкигаль впускает Инанну и проводит ее через семь врат в подземное царство. У

* Имя Инанна происходит от Нин-анна, что означает по-шумерски «повелительница неба». — *Примеч. пер.*

каждых врат, несмотря на протесты Инанны, с нее снимают какое-то одеяние или украшение, так что, пройдя последние врата она остается нагой. Инанну повергают на колени перед Эрешкигаль. Анунаки, семь ужасных судей подземного царства, обращают на нее «взгляд смерти», и она тотчас умирает. Тело ее подвешивают на крюк.

Проходят три дня и три ночи. На четвертый день Ниншубур, видя, что его госпожа не возвращается, начинает в соответствии с ее приказом просить богов о помощи. Как и предвидела Инанна, Энлиль и Нанна отказались ее спасти, зато Энки составил целый план возвращения богини к жизни.

Он создает два бесполох существа, «кургарру» и «калатурру». Вручив им «пищу жизни» и «воду жизни», Энки повелевает им спуститься в подземное царство и окропить тело Инанны этой «пищей» и этой «водой». Они выполняют указание Энки, и Инанна воскресает.

Но одно дело вновь обрести жизнь, а другое — выбраться из ада. В «стране, откуда нет возврата», существует неизблемый закон: тот, кто прошел сквозь адские врата, может вернуться назад, в мир живых, только в том случае, если найдет себе замену. И тут уж даже богиня Инанна ничего не может поделаться. Ей позволяют вернуться на землю, однако не одной, а в сопровождении жестоких демонов, которым приказано снова свергнуть ее в ад, если она не найдет другое божество, согласное ее заменить.

Сначала Инанна со своими чудовищными стражами посещает два шумерских города, Умму и Бад-Тибиру. Боги — покровители этих городов, Шара и Латарак, испуганные видом пришельцев из загробного мира, одеваются во власяницы и простираются перед Инанной во прахе. Их смирение, по-видимому, трогает Инанну, и та удерживает демонов, уже было собравшихся свергнуть несчастных богов в ад.

Затем Инанна и демоны прибывают в шумерский город Куллаб. Бог — покровитель этого города — Думузи. Он супруг Инанны и, естественно, не собирается при виде своей жены облачаться в рубище и ползать перед ней во прахе. Наоборот, он надевает свои лучшие одеяния и гордо усаживается на трон. Это приводит богиню в ярость. Она обращает на своего мужа «взгляд смерти» и отдает его нетерпеливым и беспощадным демонам, чтобы те увлекли его в подземное царство. Думузи раздражается рыданиями. Он воздевает руки к небесам, призывая солнечного бога Уту — брата Инанны и, следовательно, своего родственника. Ду-

музи умоляет Уту спасти его от когтей демонов, превратив его руку в «руку змеи», а его ногу — в «ногу змеи».

К несчастью, именно здесь, на середине монолога Думузи, надпись кончается. Но по другим многочисленным источникам Думузи известен нам как один из богов подземного царства. Поэтому можно предположить, что Уту не внял его мольбам и что демоны все-таки увлекли Думузи в царство мертвых⁶⁸.

Вот этот миф, как его изложил древний поэт (за исключением опущенных нами многочисленных повторов):

С Великих Небес к Великим Недрам помыслы обратила.
Богиня с Великих Небес к Великим Недрам помыслы обратила.
Инанна с Великих небес к Великим Недрам помыслы обратила.
Моя госпожа покинула небо, покинула землю, в нутро земное она уходит.
Инанна покинула небо, покинула землю, в нутро земное она уходит.
Жреца власть покинула, жрицы власть покинула, в нутро земное она уходит...

Свои тайные силы — их семь — собрала.
Собрала силы, в руке зажала.
Свои тайные силы у ног сложила.
На ее голове венец Эдена, «Шугур»,
На ее челе — налобная лента «Прелесть чела»,
В ее руках — знаки владычества и суда.
Ожерелье лазурное обнимает шею,
Двойная подвеска украшает груди,
Золотые запястья обвивают руки.
Прикрыты груди сеткой «ко мне, мужчина, ко мне».
Прикрыты бедра повязкой, одеяньем владычицы.
Притираньем «приди, приди» подведены глаза.
Инанна в подземное царство идет.
Ее посол Ниншубур с нею рядом идет.
Светлая Инанна говорит Ниншубуру:
«Глашатай слов милосердных моих,
Вестник слов *быстрокрылых* моих!
Когда в подземный мир я сойду,
Когда в подземный мир я войду,
На холмах погребальных заплачь обо мне,
В доме собраний забей в барабан,
Храмы богов для меня обойди,
Лицо расцарапай, рот раздери,
Тело ради меня изрань,
Рубище, точно бедняк, надень!
В Экур, храм Энлиля, одиноко войди!
Когда в Экур, храм Энлиля, войдешь,
Перед Энлилем зарыдай:
«Отец Энлиль, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!
Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом в подземном мире!
Прекрасный твой лазурит да не расколется гранильщик в подземном мире!
Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»

И когда Энлилль на эти слова не отзовется, в Ур иди!
В городе Уре, в Эмудкаламе,
В Экишнугаль к Нанне войдя,
Перед Нанной зарыдай:
«Отец Нанна, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!»
(Повторяются четыре соответствующие строчки.)

И когда Нанна на эти слова не отзовется, в Эредуг иди!
Когда в Эредуг, в храм Энки войдешь,
Перед Энки зарыдай:
«Отец Энки, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!»
(Повторяются четыре соответствующие строчки.)

Отец Энки мудр и могуч,
Травы жизни знает он, воды жизни знает он,
Он меня и оживит».
Инанна в подземное царство идет,
Ниншубуру, послу своему, говорит:
«Ступай, возвращайся, Ниншубур,
Моих наказов не забывай!»
Инанна ко дворцу, лазурной горе подходит,
К воротам подземного царства спешит, полна гнева,
У ворот подземного царства кричит гневно:
«Открой дворец, привратник, открой!
Открой дворец, Нети, открой, и к единой моей я да войду!»
Нети, главный страж царства,
Светлой Инанне отвечает:

«Кто же ты, кто?»
«Я — звезда солнечного восхода!»
«Если ты — звезда солнечного восхода,
Зачем пришла к „Стране без возврата“?
Как твое сердце тебя послало на путь, откуда нет возврата?»
Светлая Инанна ему отвечает:
«К великой владычице Эрешкигаль,
Ибо мертв Гугальанна, ее супруг, —
*Погребальные травы ему воскурить,
Погребальное пиво ему излить.* Воистину так, воистину так».
Нети, главный страж царства,
Светлой Инанне отвечает:

«Постой, о Инанна, моей госпоже о тебе доложу!
Моей госпоже Эрешкигаль о тебе скажу, о тебе доложу!»
Нети, главный страж царства,
К Эрешкигаль, своей госпоже, приходит и так говорит:
«О госпожа моя! Там дева!
Богам подобна величием и статью
У ворот „Страны без возврата“!..
Свои тайные силы — их семь — собрала».

(Здесь повторяется целиком третья строфа.)

Эрешкигаль ударила себя по ляжкам...
Нети, главному стражу царства, дает наказы:
«О Нети, главный страж царства!
То, что скажу я, да не преступишь!
Подземного мира семь отодвинь засовов!
Во дворце Ганзира, что пред подземным миром первый, врата
раствори!
И ее, когда она войдет,

И склонясь, приблизится, я встречу!»
Нети, главный страж царства,
Слова госпожи своей славит.
Подземного мира семь отодвинул засовов,
Во дворце Ганзира, что пред подземным миром первый,
врата растворил.

Светлой Инанне так молвит:

«Войди же, Инанна!»

И у нее, когда она вошла,
Венец Эдена, «Шугур», снял с головы.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда вошла во вторые ворота,
Знаки владычества и суда у нее отобрал.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда вошла она в третьи ворота,
Ожерелье лазурное с шеи снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда вошла в четвертые ворота,
Двойную подвеску с груди ее снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда в пятые вошла ворота,
Золотые запястья с рук ее снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда вошла в шестые ворота,
Сетку «ко мне, мужчина, ко мне» с груди ее снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И когда в седьмые вошла ворота,
Повязку, одеянье владычиц, с бедер снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всеильны законы подземного мира!

Инанна, во время подземных обрядов молчи!»

И она вошла, и склонясь, приблизилась.

Сестра ее вскочила с трона.

Затем снова на трон уселась.

Семь судей-ануннаков пред нею суд вершат.

На Инанну взглянула — взгляд ее смерть!

Слова изрекла — в словах ее гнев!

Крик издала — проклятья крик!

Ту, что вошла, обратила в труп,

Труп повесила на крюк.

Когда прошло три дня и три ночи,

Ниншубур, ее посол,

Глашатай слов милосердных ес,
Вестник слов *быстрокрылых* ее,
На холмах погребальных заплакал о ней,
В доме собраний забил в барабан,
Храмы богов для нее обошел,
Лицо расцарапал, рот разодрал,
Тело изранил ради нее,
Рубище, точно бедняк, надел.
В Экур, храм Энлиля, одиноко побрел.
Когда в Экур, храм Энлиля, вошел,
Перед Энлилем зарыдал:

«Отец Энлиль, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!
Светлому твоему серебру не дай покрыться прахом в подземном мире!

Прекрасный твой лазурит да не расколется гранильщик в подземном мире!

Твой самшит да не сломает плотник в подземном мире!
Деве-владычице не дай погибнуть в подземном мире!»...
Отец Энлиль на мольбы его не отозвался, и в Ур он пошел.

В Уре, в Эмудкаламе,
В Экишнугаль к Нанне войдя,
Перед Нанной зарыдал:

«Отец Нанна, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!
(Повторяются четыре соответствующие строки.)

Отец Нанна на мольбы его не отозвался, и в Эредуг он пошел.
В Эредуге, к богу Энки войдя,
Перед Энки зарыдал:

«Отец Энки, не дай твоей дочери погибнуть в подземном мире!»
(Повторяются четыре соответствующие строки.)

Отец Энки Ниншубуру отвечает:

«Дочь моя! Что с ней случилось? Я тревожусь!
Инанна! Что с ней случилось? Я тревожусь!
Владычица стран! Что с ней случилось? Я тревожусь!
Жрица небес! Что с ней случилось? Я тревожусь!»

Из-под ногтей своих грязи достал, кургара сделал.
Из-под ногтей своих, крашенных красным, грязи достал, галатуру сделал.

Кургару травы жизни дал.

Галатуру вбды жизни дал.

Отец Энки молвит кургару и галатуру:

Начало речи Энки в тексте отсутствует. Далее текст звучит так:

Воду речную вам дадут — а вы не берите!
Зерно полевое вам дадут — а вы не берите!

«Груп с крюка отдай!» - скажите.

И один — травой жизни, и второй — водой жизни тела ее коснитесь.

Восстанет Инанна.

Кургару и галатуру исполняют приказ Энки, но от этого эпизода сохранился лишь конец:

Воду речную им дают — а они не берут!
Зерно полевое им дают — а они не берут!
«Труп с крюка отдай!» — сказали.
Светлая Эрешкигаль кургару и галатуру отвечает:
«Тело это — вашей госпожи»
«Тело это нашей госпожи, воистину отдай!» — они сказали.
Труп с крюка они взяли.
И один — травой жизни, и второй — водой жизни
тела ее коснулись.

Инанна встает.

Инанна из подземного мира выходит.

Ауннаки ее хватают.

«Кто из спускавшихся в мир подземный выходил невредимо
из мира подземного?»

Если Инанна покинет „Страну без возврата”,

За голову голову пусть оставит!»

Инанна из подземного мира выходит.

И малые демоны-«гала», как острые стрелы,

И большие демоны-«гала», как лес знаменный,

Со всех сторон ее окружили.

Тот, кто перед ней — не гонец, но жезл у него в руке.

Тот, кто за ней — не боец, но оружие у него на боку.

Они, что за нею идут,

Они, что за Инанной идут,

Не ведают голода, не ведают жажды.

Муки просеянной не едят,

Воды проточной они не пьют,

Из объятий человека вырывают жену,

От груди кормилицы отрывают дитя.

Инанна из подземного мира выходит.

В сопровождении этих адских созданий Инанна посещает шумерские города Умму и Бад-Тибирю. Боги — покровители этих городов — падают ниц перед ней, и это спасает их от когтей демонов. Затем Инанна приходит в Куллаб, город ее мужа, бога пастухов Думузи.

Думузи в одежде власти, в царском покое сидит на троне.

Демоны-«гала» его схватили.

Семеро их — *его грудь разодрали, его кровь излили.*

Семеро их — словно в горячке на него напали.

Пастушью флейту, свирель его, на глазах его разбили!

Она на него взглянула — взгляд ее смерть.

Закричала она — в словах ее гнев.

Крик издала — проклятья крик:

«Его хватайте, его!»

Светлая Инанна пастуха Думузи отдала в их руки.

А они, те что за нею шли,

Те, что за Думузи шли,

Не ведают голода, не ведают жажды,

Муки просеянной не едят,

Воды проточной они не пьют,

Радости лону жены не дают.

Малых детей не целуют они.
Себе сыновей не рожают они.
Невесток от свекров уводят они.
Думузи рыдает, позеленел.
«Я к Уту на небеса в мольбе зываю!
О Уту, шурин ты мой, а я твой зять!
В храм твоей матери я масло носил,
В храм Нингаль молоко я носил!
В лапы ящерицы руки мои преврати,
В лапы ящерицы ноги мои преврати!
От демонов моих ускользну я,
не уташат они меня!»

Восстановление и перевод этой поэмы потребовали много времени и труда. В этом деле принимал активное участие ряд ученых. В 1914 г. Арно Пёбель издал первые три небольших фрагмента этого мифа, хранившиеся в Музее Пенсильванского университета в Филадельфии. С. Лэнгдон в том же году опубликовал два важных отрывка, найденных в Стамбуле, в Музее Древнего Востока, причем один из них занимал всю верхнюю часть большой таблички в четыре столбца. Наконец, Э. Кьера, в свою очередь, обнаружил в Музее Пенсильванского университета еще три фрагмента, которые были опубликованы в двух посмертных томах его работ, содержащих копии литературных текстов Шумера. Мне выпала честь в 1934 г. подготовить эти два тома к изданию для Восточного института Чикагского университета.

К тому времени в нашем распоряжении было уже восемь более или менее фрагментарных частей этого мифа. Тем не менее содержание его оставалось неясным из-за многочисленных пропусков, и как раз в наиболее важных местах. Казалось, что установить логическую связь между этими кусками уже не удастся.

К счастью, положение спасло замечательное открытие Кьеры. Он обнаружил в университетском Музее нижнюю часть той самой таблички в четыре столбца, верхнюю часть которой нашел в Стамбуле С. Лэнгдон. Очевидно, табличка была расколота до раскопок или во время их, и две ее половины оказались разъединенными: одна осталась в Стамбуле, а вторая была отправлена в Филадельфию. Кьера умер, так и не успев воспользоваться своим открытием, но именно оно позволило мне опубликовать первое издание мифа «Нисхождение Инанны в подземное царство» в журнале *Revue d'Assyriologie* за 1937 г. Дело в том, что, когда верхняя часть таблички была совмещена с нижней, структура текста стала настолько ясной, что остальные фрагменты уже нетрудно было поставить на свои места.

Тем не менее многочисленные пробелы и повреждения по-прежнему затрудняли перевод и понимание текста. Значение некоторых важных отрывков оставалось неясным. Но в том же, 1937 г., во время научной командировки в Стамбул, я по счастливой случайности нашел в Музее Древнего Востока еще три фрагмента того же мифа. Возвратившись в США, я обнаружил в 1939 г. в Музее Пенсильванского университета четвертый отрывок, а в 1940 г. — пятый. Эти пять новых фрагментов позволили мне заполнить некоторые очень важные лакуны в первом варианте реконструкции и перевода текста. Теперь можно было подготовить гораздо более полное издание, которое и вышло в 1942 г. (см. *Proceedings of the American Philosophical Society*).

Однако дело на этом не кончилось. Через некоторое время мне выпала честь ознакомиться с вавилонской коллекцией Йельского университета, одной из крупнейших коллекций древних табличек в мире. В ней насчитывается свыше ста табличек с шумерскими литературными текстами. Изучая их, я обнаружил одну превосходно сохранившуюся табличку, о которой, впрочем, Кьера упоминал в своих записях еще в 1924 г.; но эта запись раньше как-то не привлекла моего внимания.

На этой табличке было 92 строки. Однако 30 последних строк прибавляли к уже известному нам тексту совершенно новый эпизод, который оказался неожиданно важным, ибо он положил конец давнему заблуждению специалистов по мифологии и религии Двуречья относительно бога Думузи.

Дело в том, что большинство ученых полагали, будто Думузи был за что-то низвергнут в ад до того, как туда спустилась Инанна. Возможно, такое представление возникло благодаря семитической версии мифа («Нисхождение в ад богини Иштар»), опубликованной раньше ее шумерского прототипа. Ученые считали, что Инанна, подобно Иштар, спускалась в подземное царство, чтобы освободить и вернуть на землю своего супруга Думузи. Но вновь обнаруженный в коллекции Йельского университета текст доказал, что такое толкование неправильно. Инанна вовсе не спасала своего мужа! Наоборот, она сама, разгневанная высокомерием Думузи, отдала его демонам, чтобы те низвергли его в «страну, откуда нет возврата»⁷⁰.

Новая табличка из вавилонской коллекции Йельского университета, с которой хранитель коллекции Ф. Стивенс снял превосходную копию, потребовала третьего, дополненного издания этого мифа. Оно вышло в 1951 г. (*Journal of*

Cuneiform Studies, vol. V) при активном участии моих коллег А. Фалькенштейна, Б. Ландсбергера и Т. Якобсена.

Хотя подземное царство шумеров считалось темным и страшным миром, где «жизнь» в лучшем случае была только жалкой тенью земной жизни, оно имело и свои «положительные стороны» — в частности, в те часы, когда на землю спускалась ночь. В самом деле, ведь там существовал суд над мертвыми, и если решение суда было благоприятным, душа покойного, по-видимому, могла пребывать в довольстве и счастье и даже добиваться исполнения желаний.

Это довольно противоречивое, парадоксальное представление шумеров о загробном мире отражено в двух элегиях, начертанных на прекрасно сохранившейся табличке московского Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, с которой я смог ознакомиться в 1957 г. Этим двум элегиям я посвятил монографию, опубликованную в Москве в 1960 г. на русском и английском языках*. Она же легла в основу следующей главы.

24. ЭЛЕГИИ

ПЕРВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Осенью 1957 г. я получил приглашение от Академии наук СССР посетить Советский Союз в качестве гостя Академии и поработать два месяца над археологическими коллекциями Москвы и Ленинграда. В свою очередь, Музей Пенсильванского университета предложил Г.Ф. Дебецу, известному советскому антропологу из Института этнографии АН СССР, провести два месяца в США для работы в области антропологии. О таком обмене учеными, первом в истории СССР и США, договорился доктор Ф. Рейни, директор Музея Пенсильванского университета, во время своего кратковременного визита в Советский Союз весной 1957 г.

Целые три недели я провел в Москве, главным образом в Музее им. А.С. Пушкина, где собрано около 2000 клинописных табличек. В результате предварительного ознакомления с этой коллекцией, любезно предоставленной в мое распоряжение дирекцией музея, я обнаружил великолепно

* Крамер С.Н. Две шумерские элегии. М., 1960

сохранившуюся табличку с шумерским литературным текстом, записанным в четыре столбца. При ближайшем изучении оказалось, что это два самостоятельных стихотворных произведения, относящихся к жанру погребальной песни. Поскольку погребальные песни, или элегии, были обнаружены среди сохранившихся шумерских литературных текстов впервые, мне, естественно, захотелось подробно изучить эту табличку из Музея им. А.С. Пушкина с тем, чтобы впоследствии опубликовать ее транскрипцию и перевод с комментариями. Таким образом, большую часть моего пребывания в Москве я посвятил работе над точной транскрипцией шумерского текста, в чем мне немало помогли сотрудники музея.

Но вскоре я понял, что для подготовки полного научного издания необходимо несколько месяцев упорного труда, и поэтому решил заняться этим уже в Филадельфии. В Москве мне любезно предоставили серию отличных фотографий заинтересовавшей меня таблички. Пользуясь этими фотографиями и транскрипцией текста, сделанной в Москве, я и подготовил настоящую главу.

Табличка, которую писец разделил на четыре столбца, несомненно, была составлена в древнем городе Ниппуре около 1700 г. до н. э., хотя сами элегии могли быть сочинены значительно раньше. На табличке два отдельных произведения неодинаковой величины, отделенные друг от друга чертой. Первая, более длинная элегия состоит из 112 строк, вторая — из 66. За текстами обоих произведений следует концовка из трех строк, отделенная двойной чертой. В ней указано название элегий и число строк каждого произведения в отдельности и обоих вместе. Большую часть текста составляют погребальные песни, исполненные человеком по имени Лудингира⁷¹.

В первой песне Лудингира оплакивает смерть своего отца Нанны, который, если я понял правильно, умер от ран, полученных в какой-то схватке. Во второй песне тот же Лудингира оплакивает свою добродетельную и любимую жену Навиртум, умершую, по-видимому, естественной смертью.

Обеим песням предшествуют прологи, как бы воссоздающие обстановку, в которой происходило действие. Пролог к первой песне состоит из 20 строк, то есть довольно короток по сравнению с самим произведением. Пролог ко второй песне, состоящий из 47 строк, почти в два с половиной раза длиннее самой песни. Оба произведения написаны высоким поэтическим стилем, с использованием раз-

личных видов повторов, параллелизмов, хоровых рефренов, поэтических сравнений и метафор. Деяния и добродетели покойных, равно как скорбь и страдания покинутых ими близких, воспеваются в высокопарных и выпренных фразах, что свойственно похоронным песням и надгробным речам всех времен и народов.

Пролог к первой песне начинается двумя строками несколько более прозаического характера, в которых говорится, что сына, уехавшего в далекую страну, вызвали обратно в Ниппур, так как отец его смертельно заболел. Далее следуют шесть строк, характеризующих отца в самых лестных выражениях. Каждая строка заканчивается повтором: «(он) заболел». В следующем отрывке описываются тяжелая болезнь отца, его страдания и близкая смерть (строки 9—15). Весть о несчастье настигает сына во время «далекого путешествия», откуда он, как мы можем предположить, возвращается в Ниппур и, скорбя, сочиняет плач по умершему (строки 16—20).

Сама погребальная песнь начинается с описания глубокого горя жены покойного, которая была, вероятно, матерью Лудингиры (строки 21—32). Далее описывается плач не названной по имени жрицы «лукур» бога Нинурты (строки 33—39), безымянной жрицы «энтум» бога Нуску (строки 40—46), а также скорбь сыновей покойного и их невест (строки 47—62). Потом следует краткая молитва о благополучии покойного Нанны (строки 63—69), затем описывается горе дочерей усопшего, старейшин и «матрон» Ниппура, а также его рабов (строки 70—75). Следующая строка весьма любопытна; она, как мне кажется, является молитвой, касающейся старшего сына покойного (строка 76). За нею идет серия проклятий в адрес убийцы Нанны и потомства убийцы (строки 77—84). Погребальная песнь заканчивается рядом молитв. Здесь молитва о благополучии усопшего в загробном мире (строки 85—98), молитва личному богу усопшего и богу его города с просьбой быть к нему благосклонными (строки 99—103) и молитва о благоденствии его жены, детей и всего рода (строки 104—112).

Пролог ко второй элегии, как я уже отмечал, длиннее ее текста. Пролог начинается с известия о смерти Навиртум (следует ряд параллельных сравнений и метафор, строки 113—121), затем описывается горе обитателей Ниппура (строки 122—131). Смысл следующих двух отрывков неясен (строки 132—138 и 139—150). В первом речь идет как будто о том, что в связи со смертью Навиртум было

приостановлено отправление какого-то важного религиозного обряда. Затем появляется муж покойной Лудингиры, чтобы произнести исполненную печали погребальную песнь (строки 151—159). Песнь может быть разбита на две части: скорбный плач по поводу тяжелой утраты Лудингиры, состоящий из ряда последовательных параллелизмов, причем каждый заканчивается одним и тем же рефреном (строки 160—168), и нескольких молитв за усопшую, за ее мужа, детей и домочадцев (строки 169—178).

Таково содержание элегий. Что касается их значения, то они, разумеется, обладают немалыми достоинствами как литературные произведения. Это одна из первых попыток передать в образной поэтической форме человеческие чувства и переживания, вызванные трагической утратой — неизбежной смертью самого дорогого из близких. С точки зрения истории литературы они являются древнейшими, бесценными образцами жанра элегии. Они опередили на много веков плач Давида о Сауле и Ионафане и гомеровскую погребальную песнь о Гекторе, которой так печально заканчивается «Илиада». В силу этого они имеют огромное значение для сравнительного изучения элегического жанра.

Первое из этих двух стихотворных произведений, кроме того, важно также для понимания космологии шумеров. Из строк 88—89 мы узнаем, что шумерские мудрецы, или по крайней мере некоторые из них, считали, что солнце после захода продолжает свой путь через загробный мир, а строка 90 сообщает нам, что бог луны Нанна проводит свой «день сна» — то есть двадцать восьмой день каждого месяца — в загробном мире. И, что самое важное, эти два произведения (особенно первое) проливают новый свет на представления шумеров о «жизни» в загробном мире. Так, например, мы впервые узнаем, что бог солнца Уту, который вообще считался судьей рода человеческого, выносил окончательные приговоры усопшим и что бог луны Нанна в какой-то степени «определял судьбу» усопших в день, когда он посещал загробный мир (строки 88—90).

Что касается авторства двух элегий и мотивов, побудивших к созданию их, то нет никаких сомнений в том, что они были написаны одним из «педагогов» шумерской школы и что использовались они в качестве учебных текстов. Ученики должны были заучивать эти стихи наизусть и переписывать их. И действительно, в Ниппуре была обнаружена учебная табличка, содержащая 20-ю строку первой элегии, начертанную рукой учителя и рукой ученика.

Внешне создается впечатление, что автор только сочинил прологи к обеим песням, тогда как собственно погребальные плачи — это истинные плачи самого Лудингиры. Более того, в первой элегии автор прямо указывает на то, что Лудингира сам сочинил погребальный плач (строка 20), как бы намекая, что располагал копией подлинных погребальных плачей Лудингиры.

Однако это представляется маловероятным, в особенности если учесть одинаковый стиль пролога и самого плача. В целом создается впечатление, что обе элегии явились плодом творческого воображения поэта, ощутившего потребность излить свои мысли и чувства в красноречивой форме трогательной погребальной песни. Точно так же он мог бы вдохновиться, например, на создание мифологической или эпической поэмы.

Ниже приводится буквальный перевод обеих элегий с неизбежными пропусками и вопросительными знаками, так как текст, к сожалению, все еще весьма труден для понимания⁷².

Первая элегия

Отец шлет сыну весть в края далекие.
Сын в те дни был от отца вдали, в краях далеких.
А на отца, что в граде своем проживал, на него напала болезнь.
Он, алмаз драгоценный, сокровище гор потаенных, на него напала
болезнь.
Он, чьи уста сладостны, чьи речи благостны, на него напала
болезнь.
Кто строен и статен, чей лик благостен, на него напала болезнь.
В замыслах мудрый, в свершеньях искусный, на него напала
болезнь.
Истинно праведный, богосмиранный, на него напала болезнь.
Недуг, неприятие пищи на него напали, злая болезнь его
схватила.
Уст не раскрывает, пищи не вкушает, лежит во гладе.
Как больной, как разбитый, страхом объятый, ниспроверженный,
распростертый.
Герой, грудь его содрогается, ноги его не двигаются.
В недуге он по детям горюет, горе его пожирает.
Его сердце разбито, он горько рыдает.
Он, грамотей, в Ниппуре — о несправедность! — скончался⁷³.
Та весть настигла сына в пути далеком.
Сын, словно отцом не брошенный,
Одеяние ему послано — он в него не оборачивается,
Сын горько рыдает, на землю бросается, по отцу погребальный
плач начинает,
Лудингира, сердце его пылает, он плач заводит:
— Отец, кто — о несправедность — скончался!
Нанна, кто — о злочастье — в мир подземный отправился.
Супруга — ныне уже не супруга — ныне она вдова твоя.

Словно вихрем кружимая, она мечется, возле тебя она кружится.
Как у той, что тебя воспитала, помутился ее рассудок.
Словно только что родила, в оцепенении.
Словно корова, издает стоны.
Испускает вопли, горькие льет слезы.
Воистину, словно обезумела.
...во тьме...
...кто собирает...
на сердце — тяжело.
К тебе прикасается
Кто(?)... на заре встает...
Среди живущих... жрица «лукур» бога Нинурты... она простирается
во прахе.

Она подобна богу в скорби...
Она издает крики в муке...
Посреди обители она простерлась, она рыдает...
Он, кто дал человекам несметным хлеб и воду...
Слезы... во имя твое... для тебя...

.....

.....

...с твоего лона...

.....

.....

Твои сыны, что словно сыны царицы были,
Какую бы пищу они ни вкушали...
Какое бы питье ни пили...
Мед, топленое масло тебе они...
Застолье тебе они готовят, масло тебе они изливают.
Те слезы, что они по нему проливают — горючие слезы.
То горе, что их по нему терзает — глубокое, истинное горе.
Словно зерна засохшие, они...
Птенцы кружатся, плач поднимают.
Невесты сынов твоих — где-то он ныне! — так плачут.
Пало на них твое горе...
В кругу домочадцев они... для тебя...
Твои...сладкие звуки уснули...

Подобно...

Плач о тебе погребальный... не прекращается.
О отец мой, да успокоится ныне твое сердце!
О Нанна, да будет мир твоему духу!
Владыки, правители...
Те, кто избежал руки смерти, пусть воистину...
Рука смерти...
Воистину, смерть — это божья милость, место, где определяют
судьбы!

Воистину, пусть твои потомки... твое колено...

Твои дочери пусть тебе...

Вот старейшины твоего града по тебе плачут.
Вот почтенные женщины твоего града по тебе рыдают.
Раб возле жернова о тебе горюет.

Дом, где живет он...

Он воистину серебро приобрел, он добро свое приумножил...
он обширные владенья...

Пусть сын твой первенец установит тебе основанье.

Тот, кто убил тебя, подобен тому, чье сердце...
 Тот, кто напал на тебя с силой...
 Воистину, отмщение на твоём господине, на твоём пастыре,
 на бoге-хранителе.

Истинный суд и совет — бога Уту.
 Тот, да будет он проклят, да будет смерть его уделом.
 Пусть никто костей его не зароет.
 Пусть имена его потомков забудут.
 Пусть добро их, словно воробьиная стая, развеется.
 Пусть...Страна...
 Принесет свои слова благодные, пусть они тебя утешат.
 О Нанна, дух твой да возрадуется, сердце твоё да успокоится!
 Уту, великий владыка подземного мира,
 Когда темною подземного мира озарит, когда темные места
 сделает светлыми, пусть судом своим благодным тебя судит!
 Нанна, в «день свиденья» пусть решит судьбу твою благодно!
 Нергал, Энлиль загробного мира, пусть он будет к тебе
 благосклонен!
 Дабы в месте Судьбы назвать твоё имя, пусть пищу благодно
 вкушают.
 Ты в покрове владычицы подземного мира, пусть жалостно для
 тебя играют.
 В местах излишня пусть свежую воду твои домочадцы для тебя
 изливают.

В доме нижнем его да поселят... господин Нингишзида да...
 Пусть Гильгамеш могучий благо тебе окажет...
 Неду с Этаной твоими помощниками да станут!
 Пусть бог твой в подземном мире за тебя молитву произносит!
 — Довольно! — так пусть твой бог-хранитель скажет, пусть
 судьбу твою решит на благо.

Пусть боги твоего града окружают сердце твоё благом!
 Пусть в геройстве освободят гнев сердца.
 Пусть вину твоих домочадцев, счет их пусть разрубят.
 Пусть все зло, что против тебя замышляли, уничтожат!
 Все те, кого ты оставил, воистину да будет им благо!
 Пусть... схватит... одеянье...
 Пусть твой добрый дух, пусть твой хранитель все твоё пусть
 сберегает!

Пусть рожденные тобою дети для геройства возрастают!
 Пусть все твои дочери выйдут замуж!
 Пусть живет твоя супруга, пусть род твой процветает.
 Пусть изобилие и благо ежедневно с ними будут.
 Пусть в твоей глиняной трубке для излиний вино и пиво доброе
 никогда не иссякнут.
 Пусть заклинания твоих домочадцев станут молитвами твоего
 бога-хранителя!

Вторая элегия

Злой день захватил ее, на чистую *пал*.
 На женщину сладостную, чистую, в цвету, злой взгляд *пал*.
 На пташку, покинувшую гнездо, *наброшена* сеть.
 Плодоносная мать, мать многих сынов, попалась в силки.
 Корова желтая, священная, дикая, *разбита*, словно сосуд.

Навиртум, корова священная, дикая, *разбита*, словно сосуд.

Та, что «больна я» не говорила, о себе не заботилась.

Места божественные... не покидала...

На ложе ее, ложе тяжком ее...

Небо Ниппура — в тучах тяжелых, в городе — *стоны*.

Толпы людей охвачены горем...

К той, чей окончен срок, — к ней тянется горе.

Что статуей чистого золота лежит — над нею скорби.

Каждый, кто взглянет, — разве не в горе?

Плакальщицам — *рыдать и плакать!*

Лучшие песнопенья певцов сладкогласных

Песнопеньями стали плачей и стонов.

...произносят они для нее погребальную песню.

Ибо мало...

Камень...

Ибо в лоне супруга ее дни не продлились — длятся рыдания.

Ибо... рукою своею Нинурта не вернул радость.

Ибо его любимая жрица в свое святилище, в «*гинар*» не входит...

Ибо...

Вот он встает в своем величье и песнь погребальную ей слагает.

.....

...он... воистину для нее это делает.

Эта душа ушла на глазах его...

.....

.....

.....

Подобно охваченным яростью... камни черны.

Из града ее свет небесный не льется...

Тогда возлюбленный супруг ее... в своем одиночестве *воссел*.

В граде своем Ниппуре, в граде *печали воссел*.

Лудингира, возлюбленный супруг ее, в своем одиночестве...

В граде своем Ниппуре, граде *печали воссел*.

Когда к месту скорби его подошли, за руку взяли — сердце его
воистину *разбито!*

Тело его от пищи бежит, душа *разбита*.

Словно корова, испускает он *стоны*, он, не имеющий одежды
супруга.

...он по ней горько плачет.

О, где ты? О, как я зову тебя!

Меме! Лама прелестная! О, как я зову тебя!

Уста *сладкогласные*, уста прекрасные, уста сладостные!

О, как я зову тебя!

Оружье мое драгоценное! Колчан мой, на славу исполненный!

О, как я зову тебя!

Очи мои... сияющие! Разум мой царственный! О, как я зову тебя!

Где ты, алмаз мой сверкающий? О, как я зову тебя!

Песни мои прекрасны, песни сердца радостные мои!

О, как я зову тебя!

Оружье мое устрашающее, колчан золотой мой сверкающий, дух
озаряющий! О, как я зову тебя!

Пляшущая, руки вздымающая! Душу мою веселящая! О, как я зову
тебя!

Дороги твои да не исчезнут, имя твоё да будет вечно!

Грехи твои да сотрут, долги твои да простят!

ного ветра Нинурта. Но в третьем мифе это смертный, герой Гильгамеш, далекий прообраз св. Георгия.

Энки сражается с чудовищем, которое именуется Кур. Их единоборство происходит, очевидно, вскоре после отделения земли от неба. Насколько можно понять из сохранившихся отрывочных строк, поводом для этой битвы послужило злодейское похищение Куром богини небес — сюжет, весьма сходный с греческим мифом о похищении Персефоны. К сожалению, нам приходится воссоздавать эту легенду всего по дюжине строк, потому что ни одной таблички с более подробным текстом этого мифа до сих пор не найдено. Эта история кратко излагается в прологе к эпосу «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство». Интересующий нас отрывок следует непосредственно за строками, повествующими о сотворении мира. Содержание его таково.

После того как небо было отделено от земли, бог неба Ан поднял небеса, а бог воздуха Энлиль опустил землю. Тогда-то и произошло это злодеяние. Богиня Эрешкигаль была похищена и стала добычей Кура. Кто похитил ее, неясно; возможно, это сделал сам Кур. Бог Энки взошел на корабль и поплыл к Куру. О намерениях его также ничего не говорится, но можно предположить, что он хотел покарать чудовище за похищение Эрешкигаль. Кур яростно защищался, отбиваясь камнями и обрушивая на корабль Энки волны первозданного океана, которые были ему подвластны. На этом отрывок кончается — автор мифа «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» спешит перейти к рассказу о самом Гильгамеше. Мы не знаем, чем кончается поединок, но скорее всего победа осталась за Энки. Вполне вероятно, что этот эпизод попал в миф о Гильгамеше лишь для того, чтобы объяснить, почему Энки считался морским богом, подобно греческому Посейдону, и почему его храм в Эриду назывался Абзу, что означает по-шумерски «море», «бездна».

Вот этот отрывок из пролога, где рассказывается о битве бога с чудовищем⁷⁴:

Когда Ан себе небо унес, вот когда,
А Энлиль себе землю забрал, вот когда,
Когда Эрешкигаль подарком брачным миру подземному подарили,
вот когда,
Когда в плаванье он отправился, когда в плаванье он отправился,
вот когда,
Когда Отец миром подземным поплыл, вот когда,
Когда Энки миром подземным поплыл, вот когда —
К господину маленькие кидаются,
К Энки огромные мчатся,
Маленькие эти есть камни руки,

Огромные — камни, что заставляют плясать тростники.
Вокруг киля ладьи Энки
Они рассыпаются, как черепахи,
Перед носом ладьи господина
Вода, словно волк, все пожирает,
За кормою ладьи Энки
Вода, словно лев, свирепствует...

Второй вариант битвы с драконом мы находим в длинной поэме, насчитывающей более 600 строк, которую можно озаглавить «Подвиги и деяния бога Нинурты». При восстановлении этой поэмы было использовано множество таблиц и фрагментов, в большинстве своем еще не опубликованных⁷⁵.

На сей раз главным «злодеем» является не Кур, а демон болезней и немочей Асаг, обитавший в царстве Кура (то есть в подземном царстве). Герой легенды — Нинурта, бог Южного ветра, считавшийся сыном бога воздуха Энлиля.

Вслед за вступительным гимном рассказ начинается с обращения Шарура — олицетворения оружия бога Нинурты — к своему владыке. По какой-то неясной причине Шарур возненавидел демона Асага. Поэтому он долго восхваляет доблесть и подвиги Нинурты, подбивая того уничтожить чудовище. Нинурта соглашается напасть на Асага и убить его. Но это, видимо, оказалось ему не по плечу, потому что он, спасаясь бегством, «летит как птица». Однако Шарур снова обращается к нему со словами ободрения. Нинурта обрушивается на Асага всей мощью своего оружия и уничтожает демона.

Но смерть Асага навлекает несчастье на весь Шумер. Разъяренные воды первоизданного океана устремляются на землю. Они не дают пресной воде растекаться по полям и садам. Боги Шумера, «носившие мотыгу и корзину» (то есть следившие за орошением и обработкой земли), приходят в отчаяние. Река Тигр больше не разливается, в ней не осталось «хорошей» воды.

Тогда настал страшный голод.
Ничего не росло в поле.
В источниках никто не мыл руки.
Высокие воды не разливались.
Поля водою не орошались.
Никто не прорывал каналов.
По всей стране не росло ни травинки.
Только сорные травы возрастали.
Тогда владыка напряг свой могучий разум.
Нинурта, Энлиля сын, к великим делам обратил мысли.

Нинурта нагромождает груды камней, чтобы каменной стеной отгородить Шумер от «могучих вод» перевозданного океана. А те воды, что уже успели затопить поля, Нинурта отводит в Тигр. Река разливается и снова орошает поля. Поэт повествует об этом так:

Воды разлитые он собрал.
Воды, по Куру разлитые, он собрал,
Он их отвел, в Тигр спустил.
Высокие воды излились на поля.
И тогда все и всяк на земле
Десяням Нинурты, страны владыки, возрадовались,
Поля изобильно заколосились.
Виноградники, сады налились плодами,
Урожай грузили в житницы, громоздили в кучи.
Владыка печаль из страны увел,
Душу богов он взвеселил.

Прослышав о героических деяниях своего сына, мать Нинурты, Нинмах, заволновалась. Она так встревожена, что не может сомкнуть глаз в своей опочивальне. Издалека она обращается к Нинурте с просьбой разрешить ей посетить его. Когда она приходит, Нинурта смотрит на нее «взглядом жизни» и говорит:

Госпожа, оттого, что ты дошла до Кура,
Нинмах, оттого, что во вражью страну ради меня ты явилась,
Ужасов битвы моей ты не побоялась,
Да будет огненные холму, что я, герой, возвожу,
Имя дано — Хурсаг, и да будешь над ним ты владычицей.

Затем Нинурта благословляет гору Хурсаг, чтобы на ней были всякие растения, вино и мед, всевозможные деревья, золото, серебро и бронза, крупный скот, овцы и прочие «четвероногие создания». Нинурта обращается к камням: он проклинает камни, которые были против него в поединке с демоном Асагом, и благословляет те, что сохранили ему верность. По своему стилю и настроению этот отрывок напоминает главу 49 библейской Книги Бытия; где Иаков благословляет некоторых своих сыновей и проклинает других. Завершается поэма длинным гимном, восхваляющим Нинурту.

В третьей легенде в поединок с драконом вступает, как уже говорилось, не бог, а человек — Гильгамеш, славнейший из героев Шумера. Чудовище, которое он убивает, — это Хувава, страж «Страны живых», охраняющий ее священные кедры.

Легенда эта изложена в поэме, которую я озаглавил «Гильгамеш и Страна живых». Собранный из 14 табличек и фраг-

ментов, она была впервые опубликована в 1950 г. (см. *Ancient Near Eastern Texts*, под ред. Джеймса Причарда; второе издание вышло в 1955 г.). Пока удалось восстановить первые 174 строки, но их достаточно, чтобы понять, какое сильное эмоциональное и художественное воздействие это произведение должно было оказывать на неискушенных читателей (вернее, слушателей) древнего Шумера⁷⁶. Основное достоинство поэмы — ее общечеловеческая, «вечная» тема: страх смерти и возможность преодолеть смерть, добившись бессмертной славы. Автор весьма искусно и с большим поэтическим чутьем подбирает детали, которые подчеркивают трагическую атмосферу повествования. Стиль его тоже превосходен, при помощи повторов и тонких параллелизмов поэт добивается необходимого ритмического рисунка. Короче говоря, эта поэма — одно из лучших известных нам произведений шумерской литературы. Содержание ее сводится к следующему.

«Властелин» Гильгамеш, царь Урука, сознает, что в свое время ему придется покинуть этот мир, как всем смертным. Но прежде чем наступит неизбежный конец, он хочет по крайней мере «возвысить свое имя». Для этого он решает отправиться в далекую Страну живых, очевидно с намерением похитить ее священные кедры и перенести их в Урук. Он говорит об этом своему верному слуге и неразлучному спутнику Энкиду. Тот советует сначала поделиться своими планами с богом солнца Уту, ибо Уту — хранитель страны кедров.

По совету Энкиду Гильгамеш приносит Уту жертвы и просит о помощи в предстоящем путешествии в Страну живых. Вначале Уту сомневается в способностях Гильгамеша, но тот повторяет свою просьбу в более убедительных словах. Проникнувшись к нему сочувствием, Уту решает помочь Гильгамешу. Насколько можно понять, он собирается каким-то образом обезвредить семерых страшных демонов, олицетворяющих разрушительные стихии, которые могут помешать Гильгамешу на его трудном пути через горы в Страну живых. Обрадованный Гильгамеш набирает 50 добровольцев из горожан Урука, у которых нет «ни дома, ни матери» и которые готовы идти за ним куда угодно. Подготовив бронзовое и деревянное вооружение для себя и своих спутников, Гильгамеш выступает в поход и с помощью Уту пересекает семь горных хребтов.

Что именно произошло после того, как они спустились с седьмого хребта, не совсем ясно, потому что соответствующие строки очень плохо сохранились. Когда же текст

вновь становится достаточно разборчивым, мы находим Гильгамеша погруженным в глубокий сон, от которого он пробуждается лишь по прошествии длительного времени и с большим трудом. Весьма раздосадованный таким промедлением, Гильгамеш клянется своей матерью Нинсун и своим отцом Лугальбандой, что достигнет Страны живых и что ни бог, ни человек его не остановит.

Однако Энкиду умоляет Гильгамеша вернуться, ибо священные кедры сторожит ужасное чудовище Хувава, убивающее всех своих противников. Гильгамеш не обращает внимания на его предостережение. Веря, что с помощью Энкиду он преодолет все трудности и опасности, Гильгамеш убеждает своего соратника отбросить страх и идти вместе с ним.

Спрятавшись в своем кедровом доме, чудовище Хувава следит за пришельцами. В ярости оно пытается обратить их в бегство, но, видимо, безрезультатно. Здесь в тексте снова лакуна в несколько строк. Затем мы узнаем, что, срубив семь деревьев, Гильгамеш сталкивается лицом к лицу с Хувавой, очевидно, в самом доме чудовища. Как это ни странно, но в самом начале поединка Хуаву охватывает непреодолимый страх. Он обращается с мольбой к богу солнца Уту и просит Гильгамеша не убивать его. Герой склонен пощадить чудовище: в запутанных, темных выражениях он предлагает Энкиду отпустить Хуаву. Однако Энкиду, боясь всяких неожиданностей, возражает против столь неосторожного решения. Чудовище возмущается суровостью Энкиду, но тщетно. Герои отрубают ему голову. Затем они, по-видимому, относят труп Хуавы к Энлилю и богине Нинлиль. Что было дальше, мы не знаем, потому что здесь от текста сохранилось всего несколько неполных строк.

Вот буквальный перевод наиболее ясных отрывков этой поэмы:

Жрец к «Горе Живого» обратил помыслы.

Жрец Гильгамеш к «Горе Живого» обратил помыслы.

Рабу своему Энкиду молвит слово:

«Энкиду, *гаданье на кирпиче* не сулит жизни.

В горы пойду, добуду славы!

Среди славных имен себя прославлю.

Где имен не славят, богов прославлю!»

Раб его Энкиду ему отвечает:

«Господин, если в горы пойдешь, Уту оповести!

Бога Уту, героя Уту оповести.

Горы! Они творение Уту! Уту оповести!

Горы, где рубят кедры, — творенье героя Уту, Уту оповести!»

Вот Уту в небесах диадемой лазурной себя венчал,

С воздетой главой по небу пошел.

Гильгамеш козленка чистого, светлого взял,
Козленка рыжего, жертвенного к груди прижал,
Руку к устам в молитве поднес,
Богу Уту на небеса кричит:
«Уту, в горы стремлю я путь, ты ж помощником мне будь!
В горы кедров стремлю я путь, ты ж помощником мне будь!»
Уту с небес ему отвечает:
«Могуч и *почитаем ты*, зачем же в горы стремишься ты?»
Гильгамеш ему отвечает:
«Уту, слово тебе скажу, к моему слову ухо склони!
О моих замыслах скажу, к моим надеждам слух обрати!
В моем городе умирают люди, горюет сердце!
Люди уходят, сердце сжимается!
Через стену городскую свесился я,
Трупы в реке увидел я,
Разве не так уйду и я, воистину так, воистину так!
Самый высокий не достигнет небес,
Самый огромный не покроет земли,
Гаданье на кирпиче не сулит жизни!
В горы пойду, добуду славы!
Среди славных имен себя прославлю!
Где имен не славят, богов прославлю!»
Уту мольбам его вял благосклонно,
Как благодетель, оказал ему милость;
Семь героев дивных, одной матери порождение:
Первый — старший брат, лапы льва и когти орла у него,..
Кедры срубавший берет их радостно,
Жрец Гильгамеш берет их радостно.
Всех горожан до единого кличет.
Как близнецы, откликнулись люди.
«Семью имеющий — к семье своей! Мать имеющий — к матери своей!
Молодцы одинокие — ко мне! Пятьдесят из них за мною да встанут!»
Семью имеющий — к семье своей, мать имеющий — к матери своей,
Молодцы одинокие — к нему, пятьдесят из них за ним встало.
К дому кузнеца он держит путь.
Медный топор по руке богатырской отлили ему.
В темный средь поля сад он держит путь.
Крепкое дерево яблоню, *самишит срубили ему*.
Его сограждане, его сопутники берут их в руки...

В следующих 15 строках множество лакун, но мы все же узнаем, что, перевалив через семь хребтов, Гильгамеш крепко уснул и один из его спутников пытается его разбудить.

Это сон, и *во сне — виденье!*
Спроси его — молчанье в ответ,
Зови его — он не ответит!
«О ты, кто спит, о ты, кто спит!
Гильгамеш! Жрец! Сын Куллаба! Доколе ты будешь спать?
Нахмурились горы, бросили тени,
Заря кинула свет вечерний,
Уту к матери своей Нингаль, главу воздев, домой ушел.
О Гильгамеш, доколе ты будешь спать?
Твои сограждане, твои сопутники

У подножия горы вокруг тебя столпились!
Мать-родительница твоя да не пожалуется на тебя на улицах города
твоего!»

Светел разумом, он проснулся.
По слову богатырскому его одеянье дорожное несут ему.
Одеянье дорожное легкое берет, грудь свою им покрывает.
Как «Бык земли великой» встал.
Лицо к земле склонил, зубами заскрежетал.
«Жизнью матери-родительницы моей Нинсун, отца моего светлого
Лугальбанды клянусь!
Во славу матери-родительницы моей Нинсун, как во сне мне явлено
было, свершу это!»

И второй раз вонистину он сказал:
«Жизнью матери-родительницы моей Нинсун, отца моего светлого
Лугальбанды клянусь!
Доколе муж тот — муж ли он, бог ли он — доколе не будет схвачен он,
В горы буду стремить мой путь, от города — прочь стремить мой путь!»
Верный раб произносит слово, жизнь сохраняющее слово:
«Господин, ты мужа того не видел, не трепетало сердце!
Я мужа того видел — трепетало сердце!
Богатырь! Его зубы — зубы дракона!
Его лик — лик львиный!
Его глотка — потоп ревуший!
Его чело — жгучее пламя! Нет от него спасения!
Господин мой, тебе в горы, а мне — в город!
О закате светоча твоего матери родимой твоей скажу, заголосит она.
О гибели твоей скажу, завопит она!»
«Никто другой за меня не умрет!
Лодка с грузом в воде не тонет!
Нить тройную нож не режет!
Один двоих не осилит!
В тростниковой хижине огонь не гаснет!
Ты мне стань подмогой, я тебе стану подмогой, что сможет нас
погубить?..

Давай-ка твердо мы встанем здесь, на него мы глянем здесь!

Если мы встанем здесь,
Увидишь блеск, увидишь блеск — тогда вернись!
Услышишь вопль, услышишь вопль — тогда вернись!»
... А Хувава в кедровом лесу своем затаился.

Взглянул на них — во взгляде смерть!

Чело повернул — гибель в челе!

Крик издал — проклятия крик!

Гильгамеш к нему направляет путь

.....

Луч ужаса первый свой Хувава бросил на них,
Сограждане Гильгамеша, спутники Гильгамеша
Срубили ветви его, связали ветви его,
К подножию горы сложили его.

.....

Когда же последний, седьмой, он сбросил на них, в покои Хуавы
вступил Гильгамеш.

Лик Хуавы подобен змее, что в винограднике свернулась.
Как огнем палящим, Гильгамеш пощечиной его ожег.
Хувава лязгает зубами.

Как пойманному быку, *связали ноги,*
Как пленному *воину,* скрутили локти,
Хувава рыдает, позеленел.
«Гильгамеш, *дозволь обратиться к тебе!*
Господин мой, слово дай сказать!
Родимой матери я не ведаю, отца-родителя я не знаю!
В горах я родился, воистину ты — родитель мой!»
Гильгамеша душою небес заклинал, душою земли заклинал, душою
недр заклинал,

За руку его хватал...
Тогда Гильгамеш, сын Нинсун, смягчился сердцем,
Рабу Энкиду молвит слово:
«Пусть, Энкиду, плененная птица к гнезду своему вернется,
Воин плененный к материнскому лону вернется!»
Энкиду Гильгамешу отвечает:
«Если самый высокий не сознает деяний,
Если самый огромный не сознает деяний,
Если самый мудрый не сознает деяний,
Судьба пожирает его, судьба, что не знает различий.
Если плененная птица к гнезду своему вернется,
Если воин плененный к материнскому лону вернется,
То к матери, тебя породившей, ты не вернешься!»...
Хувава молвит Энкиду слово:
«Злые речи сказал обо мне Энкиду!
Наймит, что за пишу себя продает,
Позади соперника идет,
Сказал обо мне злые речи!»
Как только это он сказал,
Его судьбу они решили.
Сам Энкиду в гнев своем
Срубил ему голову, обернул *тканью.*
К богу Энлилю, к богине Нинлиль они пришли.

Гильгамеш был самым прославленным из героев Шумера, любимым персонажем древних певцов и поэтов. Однако современные востоковеды впервые узнали о нем и о его героических деяниях не из шумерских, а из семитических источников. Он был главным героем вавилонской эпической поэмы, которая, по общему признанию, является наиболее значительным литературным произведением всего древнего Двуречья. Однако сравнительный анализ этого вавилонского эпоса и его шумерских источников показывает, что вавилонские авторы и «редакторы» использовали и переделали шумерский эпос в своих целях, подгоняя его под свою мерку. В следующей главе мы попытаемся отделить шумерское ядро от более поздней семитической оболочки.

26. СКАЗАНИЯ О ГИЛЬГАМЕШЕ

ПЕРВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ

Изучив тысячи глиняных табличек и фрагментов, доставленных в Британский музей с холмов, под которыми погребена древняя Ниневия, англичанин Джордж Смит 3 декабря 1862 г. выступил с докладом на заседании только что организованного Общества библейской археологии. Его доклад стал важным событием в деле научного изучения Библии и, в частности, сравнительного анализа библейских текстов.

Дж. Смит объявил, что на глиняной табличке из погребенной под песками библиотеки царя Ашшурбанипала, правившего в VII в. до н. э., он обнаружил и расшифровал древний вариант мифа о потопе, весьма сходный с библейской легендой из Книги Бытия. Его сообщение произвело сенсацию в научных кругах и было восторженно принято широкой публикой. Лондонская газета «Дейли телеграф» немедленно выделила фонды для новой экспедиции в Ниневию. Дж. Смит сам возглавил эту экспедицию, однако его здоровье и характер мало соответствовали условиям работы на Ближнем Востоке, и он скончался на месте раскопок в возрасте 36 лет.

Вскоре после своего доклада Дж. Смит, продолжая изучение табличек и фрагментов из библиотеки Ашшурбанипала, обнаружил, что найденный им миф о потопе представляет собой лишь отрывок какой-то длинной поэмы, которую сами вавилоняне называли «Сказания о Гильгамеше». Согласно утверждениям древних писцов, этот цикл состоял из 12 сказаний, или песен, около 300 строк каждая. В библиотеке Ашшурбанипала каждое сказание было начертано на отдельной табличке. Легенда о потопе занимает большую часть одиннадцатой таблички.

Со времен Дж. Смита в Ираке было обнаружено множество новых текстов, относящихся к семитическому циклу сказаний, или, как его теперь обычно называют, — эпосу о Гильгамеше. Некоторые из них записаны в древневавилонский период, то есть в XVIII—XVII вв. до н. э. Ранние переводы (начиная со второй половины II тысячелетия до н. э.) отдельных частей эпоса на хурритский и даже на индоевропейский хеттский язык были обнаружены на глиняных табличках во многих местах Малой Азии. Это доказывает, что в древности вавилонский эпос о Гильгамеше широко изучали и переводили на Ближнем Востоке.

Сегодня в нашем распоряжении имеется примерно 3500 строк этого эпоса. В 1930 г. другой англичанин, покойный археолог Р. Кэмбелл Томпсон, выпустил превосходное полное издание текста сказаний о Гильгамеше. С тех пор появилось еще два более современных перевода на английский язык: первый под названием *The Gilgamesh Epic and Old Testament Parallels* выпустил Александр Хейдел; второй (в сборнике *Ancient Near Eastern Texts*) опубликовал Эфраим Шпейзер (редактор — Джеймс Причард).

Популярность этих сказаний в древности, да и сегодня, вполне объяснима, ибо с точки зрения раскрытия человеческой психологии и по своей драматичности «Эпос о Гильгамеше» не имеет себе равных в вавилонской литературе. В большинстве произведений вавилонских авторов главную роль играют боги, причем эти боги являются скорее абстракцией, нежели действующими лицами, скорее искусственными символами, нежели олицетворением глубоких духовных сил. И даже в тех вавилонских сказаниях, где героями выступают смертные люди, они обычно играют чисто механическую роль, не имеют своего лица и оставляют читателя равнодушным. Их образы бескровны и бесцветны, это всего лишь марионетки, необходимые для иллюстрации какого-нибудь до предела стилизованного мифа.

«Эпос о Гильгамеше» — совсем другое дело. Здесь в центре событий — человек, который любит и ненавидит, горюет и радуется, дерзает и изнемогает, надеется и отчаивается. Правда, и тут не обходится без богов: сам Гильгамеш, в соответствии с традициями мифотворчества своего времени, на две трети бог и только на одну треть — человек. Но именно Гильгамеш-человек определяет все развитие эпоса. Боги и их дела составляют лишь фон сказаний, так сказать обрамление, в рамках которого развивается драма героя. И как раз человеческое начало придает этой драме всеобъемлющее, непреходящее значение.

Проблемы и устремления, о которых идет речь в эпосе, близки всем народам всех времен. Это потребность в дружбе, восхваление верности, жажда личной славы, страсть к подвигам и приключениям, неистребимый страх перед неизбежной смертью и всепоглощающее стремление к бессмертию. Все эти противоречивые чувства, вечно тревожащие человеческие сердца, составляют основу сказаний о Гильгамеше, и они придают этой поэме качества, позволившие ей преодолеть границы пространства и времени. Нет ничего удивительного в том, что «Эпос о Гильгамеше» оказал сильное влияние на эпические произведения близких к нему эпох.

Даже сегодня нас волнует общечеловеческая тема поэмы, первозданная мощь трагедии древнего героя.

Начинается поэма кратким вступлением, в котором восхваляется сам Гильгамеш и его город Урук. Мы узнаем далее, что Гильгамеш, царь Урука, неугомонный воин, не знающий соперников и не умеющий обуздывать свои желания, угнетает горожан. Особенно им досаждают его поистине раблезианская ненасытность по отношению к прекрасному полу. В отчаянии жители Урука начинают взывать к богам. Боги решают, что Гильгамеш тиранит и угнетает своих сограждан потому, что еще не нашел среди людей себе равного. Они посылают на землю великую богиню-мать Аруру.

Аруру создает из глины могучего Энкиду. Обнаженный, обросший волосами, ничего не ведая о людских делах, Энкиду живет среди диких обитателей равнины. Но именно Энкиду, скорее животному, нежели человеку, предстоит сломить неукротимую гордость Гильгамеша и смирить его разум. Однако сначала необходимо «очеловечить» Энкиду, и эта миссия в основном выпадает на долю женщины. Из Урука приходит блудница и соблазняет Энкиду. В результате, утратив часть своей грубой силы, Энкиду значительно выигрывает в умственном и духовном отношении. Познав любовь женщины, он становится разумным существом, и дикие звери бегут от него. Женщина терпеливо обучает его искусству есть, пить и одеваться так, как это делают люди.

И вот очеловеченный Энкиду готов встретиться с Гильгамешем, чтобы укротить его дерзкий и своевольный нрав. Сны предвещают Гильгамешу появление Энкиду. Похваляясь своей неограниченной властью в Уруке, Гильгамеш устраивает ночную оргию и приглашает на нее Энкиду. Однако тот, проникшись отвращением к Гильгамешу из-за его излишеств, загораживает вход в дом, где должна состояться оргия, чтобы Гильгамеш не смог туда войти. И вот два титана вступают в единоборство: горожанин Гильгамеш и простой житель равнины Энкиду. Вначале, насколько можно понять, Энкиду берет верх, но тут гнев Гильгамеша почему-то испаряется, и герои заключают друг друга в объятия. Из яростного сражения рождается их долгая и нерушимая дружба, которой суждено стать легендарной. Отныне два неразлучных друга будут вместе совершать самые удивительные подвиги.

Вскоре оказалось, что жизнь в Уруке не радует Энкиду. Излишества и развлечення превращают его в слабое, безвольное существо. Тогда Гильгамеш делится с ним своим

смелым планом: он хочет добраться до далекой страны кедрового леса, убить ее стража, могучего Хуваву, срубить кедр и «стереть все зло с лица земли». Энкиду, который прежде свободно бродил по кедровому лесу, предупреждает Гильгамеша о подстерегающей его смертельной опасности. Однако Гильгамеш смеется над его страхами. Он стремится возвысить свое имя и добыть бессмертную славу, вместо того чтобы влачить долгое, но серое существование. Гильгамеш совещается со старейшинами Урука, получает поддержку от бога солнца Шамаша, покровителя всех странников, и заказывает мастерам Урука гигантское оружие для себя и для Энкиду. Закончив приготовления, они отправляются в путь. После долгого утомительного путешествия герои входят в сказочно-прекрасный кедровый лес, убивают Хуваву и срубают кедр.

Одно приключение влечет за собой другое. Едва успевают герои вернуться в Урук, как богиня любви и сладострастия Иштар влюбляется в красавца Гильгамеша. Суля ему всяческие блага, Иштар уговаривает Гильгамеша разделить ее любовь. Но Гильгамеш уже не тот неукротимый, невоздержанный тиран, каким он был прежде. Он прекрасно знает, что у богини было множество возлюбленных и что она никому не была верна. Поэтому он высмеивает ее предложение и отвергает ее любовь.

Разочарованная и жестоко оскорбленная Иштар просит бога неба Ану наслать на Урук небесного быка, чтобы тот убил Гильгамеша и уничтожил его город. Сначала Ану отказывается, но, когда Иштар угрожает призвать мертвецов из подземного царства, Ану вынужден уступить.

Небесный бык спускается в Урук и начинает сеять вокруг гибель и опустошение, истребляя сотни воинов. Гильгамеш и Энкиду вступают с ним в бой. Могучим объединенным натиском им удается убить чудовище.

И вот наши герои на вершине славы, весь Урук воспекает их подвиги. Но судьба неумолима, она жестоко и внезапно кладет конец их радости. За участие в убийстве Хувавы и небесного быка Энкиду приговорен богами к ранней смерти. Двенадцать дней длится его болезнь, а на тринадцатый он испускает дух на глазах своего друга Гильгамеша, сломленного горем и собственным бессилием перед лицом судьбы. С этого мгновения его не покидает тоскливая мысль о том, что рано или поздно ему уготован такой же конец, как и Энкиду, — неизбежная смерть.

Гильгамеша не утешают ни совершенные им подвиги, ни слава. Теперь его измученная душа жаждет более ощути-

мого — физического бессмертия. Надо искать и найти секрет вечной жизни.

Гильгамеш знает, что в прошлом лишь один человек достиг бессмертия — Утнапиштим, благочестивый и мудрый царь древнего Шуруппака, одного из пяти царских городов, основанных до потопа. (Кстати, холм, под которым погребен Шуруппак, был раскопан немецкими и американскими археологами, и там обнаружено немало глиняных табличек, относящихся к первой половине III тысячелетия до н. э.)

Итак, Гильгамеш решает любой ценой добраться до отдаленного жилища Утнапиштима. Быть может, этот герой, достигший бессмертия, откроет ему свою тайну? Он долго блуждает по горам и долинам, сражаясь с дикими зверями и страдая от голода. Он переплывает первозданный океан и «воды смерти». Наконец, усталый и обессиленный, он предстает перед Утнапиштимом. Некогда гордый правитель Урука превратился в бродягу, его грязное тело прикрыто лишь звериными шкурами... Гильгамеш просит Утнапиштима открыть ему тайну вечной жизни.

Однако ответ Утнапиштима далеко не утешителен. Царь Шуруппака подробно рассказывает Гильгамешу о беспощадном потопе, который боги ниспослали на землю, чтобы уничтожить на ней все живое. Он сам неминуемо погиб бы, если бы не построил по совету бога мудрости, великого Эа, корабль, на котором можно было спастись. Что касается бессмертия, то оно даровано ему богами. Но найдется ли хоть один бог, который захотел бы дать вечную жизнь Гильгамешу?

Услышав такие речи, наш герой приходит в отчаяние и решает вернуться в Урук. Но тут перед ним загорается слабый свет надежды. По настоянию своей жены Утнапиштим рассказывает Гильгамешу, где добыть волшебную траву молодости. Она растет на дне моря! И вот Гильгамеш погружается в бездну, срывает траву и спешит вернуться в Урук.

Однако боги рассудили по-иному. Пока он купается, змея похищает у него драгоценную траву. Измученный и удрученный герой возвращается в Урук и ищет прибежища за могучими стенами, опоясывающими город.

Таково вкратце содержание сказаний, сохранившихся на первых одиннадцати табличках вавилонского «Эпоса о Гильгамеше». (Что касается так называемой «двенадцатой таблички», которая, в сущности, не имеет к эпосу прямого отношения, то о ней пойдет речь в конце главы.)

Когда были созданы эти сказания? Если сравнить древне-

вавилонский вариант с более поздним ассирийским, то можно прийти к выводу, что весь эпос в целом, в том виде, в каком он дошел до нас, был уже достаточно распространен в первой половине II тысячелетия до н. э. Что же касается его происхождения, то даже поверхностное знакомство с текстом на основе ономастики неопровержимо доказывает, что в основном сказания о Гильгамеше, несмотря на глубокую древность вавилонской поэмы, все же восходят не к семитическим, а к шумерским истокам. Имена двух главных героев — Гильгамеш и Энкиду — скорее всего шумерские. Родители Гильгамеша носят чисто шумерские имена: Лугальбанда и Нинсун. Богиня Аруру, создавшая Энкиду, — это всемогущая шумерская богиня-мать, известная под именем Нинмах, Нинхурсаг или Нинту (см. гл. 14). Шумерский бог Ан, сотворивший для мстительной богини Иштар небесного быка, в вавилонском варианте стал называться Ану. Смерть Энкиду предопределяет тоже бог шумеров — Энлиль. И наконец, в легенде о потопе главную роль тоже играют шумерские боги.

Но не только эти факты и логика приводят нас к выводу о том, что большая часть сказаний о Гильгамеше зародилась в Шумере. В нашем распоряжении имеются шумерские таблички и фрагменты с текстами этих сказаний, и эти тексты намного древнее вавилонских. В 1911—1935 гг. такие выдающиеся ассириологи, как Радау, Циммерн, Пёбель, Лэнгдон, Къера, де Женуяк, Гэдд и Фиш, опубликовали 26 шумерских табличек и фрагментов с эпизодами поэмы о Гильгамеше. Четырнадцать из этих текстов опубликовал Э. Къера.

После 1935 г. мне самому удалось опознать в музеях Стамбула и Филадельфии более 60 дополнительных отрывков, относящихся к «Эпосу о Гильгамеше», и большую часть из них я смог скопировать.

Итак, сегодня мы располагаем довольно существенной частью шумерской поэмы о Гильгамеше. Сравнивая ее с вавилонским эпосом, мы можем точно определить, каким образом и до какой степени вавилонские авторы использовали древнюю шумерскую основу.

Однако вопрос о шумерском происхождении «Эпоса о Гильгамеше» не так-то прост, как может показаться с первого взгляда. В нем есть свои сложности, и если их не уточнить сразу, то легко прийти к ошибочным выводам. Именно поэтому я хочу еще раз изложить суть дела в форме трех последовательных вопросов, подлежащих разрешению.

1. Существует ли шумерский оригинал вавилонского «Эпоса о Гильгамеше» в целом? Иными словами: можно ли ожидать, что будет обнаружен такой шумерский текст, который при всем его отличии по форме и содержанию можно будет по ряду неопровержимых аналогий признать за оригинал, послуживший образцом для более позднего вавилонского эпоса?

2. Если из имеющегося в нашем распоряжении материала нельзя сделать вывод о том, что существует шумерский оригинал вавилонского эпоса в целом, если только отдельные его эпизоды восходят к шумерским истокам, можем ли мы с достаточной уверенностью выделить эти эпизоды?

3. В тех случаях, когда нет в наличии шумерских записей тех или иных эпизодов, можем ли мы считать, что эти эпизоды более позднего, семитического происхождения или следует думать, что они имеют более древнюю, шумерскую основу?

Поставив эти вопросы, можно приступить к сравнительному анализу вавилонского эпоса и имеющихся у нас шумерских текстов. Последние включают шесть эпизодов, которые можно назвать так:

1. «Гильгамеш и Страна живых».
2. «Гильгамеш и небесный бык».
3. «Потоп».
4. «Смерть Гильгамеша».
5. «Гильгамеш и Агга из Киша».
6. «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство».

Следует напомнить, что тексты этих сказаний по большей части весьма отрывочны и что перевод их зачастую очень труден и приблизителен, даже в тех случаях, когда в оригинале нет пробелов. Тем не менее эти шумерские тексты позволяют нам с уверенностью ответить на два первых поставленных нами вопроса. И хотя мы не в состоянии с такой же твердой уверенностью ответить на третий вопрос, мы можем уже сегодня прийти к достаточно определенным выводам.

Однако не будем забегать вперед. Сначала следует проанализировать содержание каждой из шести перечисленных выше шумерских поэм.

1. О первой поэме, «Гильгамеш и Страна живых», уже шла речь выше, в главе 25. Это сказание, несомненно, является аналогом эпизода с кедровым лесом из вавилонского «Эпоса о Гильгамеше». Но если поставить оба произведения рядом, то окажется, что общая у них лишь основа, грубая канва рассказа. В обоих вариантах Гильгамеш хо-

чет отправиться в кедровый лес, его сопровождает Энкиду, он просит и получает помощь от бога солнца, герои добиваются до цели своего путешествия, срубают кедр и убивают Хуаву.

Однако оба варианта отличаются друг от друга подробностями, построением и настроением. Например, в шумерском варианте Гильгамеша сопровождает не только Энкиду, но еще пятьдесят воинов из Урука, в то время как в вавилонском варианте с ним идет один Энкиду. В шумерском варианте ничего не говорится о совете старейшин города Урука, который играет значительную роль в семитическом варианте.

2. Шумерская поэма «Гильгамеш и небесный бык» до сих пор не опубликована. Хотя от нее остались только фрагменты, содержание можно все-таки уловить. После лакуны примерно в 20 строк богиня Инанна, которая играла в Шумере такую же роль, как позднее в Вавилоне богиня Иштар, обращается к Гильгамешу, перечисляя уготованные ему дары и милости. Очевидно, в недостающих строках Инанна предлагала Гильгамешу свою любовь. После слов богини — вторая лакуна. Видимо, Гильгамеш отверг любовь Инанны. Когда текст возобновляется, Инанна просит бога неба Ана дать ей небесного быка. Вначале Ан отказывается, однако Инанна угрожает призвать себе на помощь великих богов вселенной. Испуганный Ан уступает. Инанна напускает небесного быка на Урук, и он опустошает город. Далее текст вновь становится неразборчивым. Заканчивается он словами Энкиду, обращенными к Гильгамешу. Конец поэмы, несомненно посвященный победе Гильгамеша над небесным быком, к сожалению, отсутствует.

Если сравнить шумерский текст с соответствующим сказанием вавилонского «Эпоса о Гильгамеше», мы увидим, что основные положения и там и тут идентичны. В обеих поэмах Инанна (или Иштар) предлагает свою любовь Гильгамешу, соблазняя его дарами. Гильгамеш и там и тут отказывается от любви богини. Ан (или Ану) против своей воли насылает небесного быка на Урук. Чудовище опустошает город, затем герой его убивает.

Различие между двумя вариантами — и различие разительное — в деталях. Дары Инанны совсем не похожи на дары Иштар. В вавилонском варианте отказ Гильгамеша занимает 56 строк, он изобилует ссылками на вавилонскую мифологию и пересыпан вавилонскими пословицами, в то время как в шумерском варианте его ответ гораздо короче. Наконец, разговор Инанны с Аном совсем не походит на

разговор Иштар с Ану. Отсюда можно заключить, что подробности заключительной, до сих пор неизвестной, части шумерской поэмы тоже вряд ли сходны с концовкой вавилонского варианта.

3. Шумерская поэма о потопе уже разбиралась в главе 22, где полностью приведен отрывок, описывающий страшное наводнение. Это же событие стоит в центре одиннадцатого сказания о Гильгамеше из вавилонской библиотеки. Тот факт, что шумерский миф о потопе никак не связан с шумерскими поэмами о Гильгамеше, дает нам ключ к пониманию того, каким образом вавилонские авторы производили литературные заимствования.

Шумерский рассказ о потопе представляет собой лишь часть мифологической поэмы о том, как Зиусудра получил бессмертие. Однако вавилонские авторы умело использовали этот эпизод в своих собственных целях. Так, в их эпосе, когда измученный Гильгамеш приходит наконец к Утнапиштиму (вавилонскому Зиусудре) и просит открыть ему тайну вечной жизни, тот не дает ему короткого и ясного ответа. Вместо этого вавилонские авторы, воспользовавшись случаем, вкладывают ему в уста вавилонскую версию мифа о потопе. Поскольку первая часть шумерского варианта, относящаяся к сотворению мира, вавилонянам здесь была совершенно не нужна, они ее попросту опустили. Остался только рассказ о самой катастрофе, который заканчивается обожествлением Зиусудры. При этом в новой версии рассказ ведется от первого лица — говорит сам Утнапиштим (Зиусудра), в то время как в шумерском варианте обо всем происходящем повествует от третьего лица безымянный поэт.

Кроме того, изменены многие частности. В шумерском варианте Зиусудра — царь набожный, смиренный и богобоязненный. Вавилонские же авторы не приписывают своему Утнапиштиму таких качеств. С другой стороны, в их варианте гораздо больше подробностей, относящихся к постройке корабля и к описанию самого потопы и причиненных им разрушений. В шумерском варианте потоп продолжается семь дней и семь ночей: в вавилонском — шесть дней и семь ночей. Наконец, вавилонский Утнапиштим выпускает из ковчега птиц, чтобы определить, спадает ли уровень воды, в то время как в шумерском варианте этого эпизода нет.

4. Текст шумерской поэмы, условно названной нами «Смерть Гильгамеша», до сих пор весьма отрывочен. Из того, что сохранилось, можно понять следующее (см. *Ancient Near Eastern Texts*, с. 50—52). По-видимому, Гильгамеш

продолжает поиски бессмертия, но в конце концов узнает, что человек не может достичь вечной жизни. Ему были суждены власть и слава, он мог совершать подвиги и выигрывать сражения, но бессмертие ему не дано.

Несмотря на всю фрагментарность шумерского текста, нетрудно установить, что именно он послужил источником целого ряда отрывков, записанных на девятой, десятой и одиннадцатой табличках вавилонского «Эпоса о Гильгамеше». В них содержится мольба героя о бессмертии и как бы в ответ на нее утверждение, что смерть — удел всех людей. Но весьма любопытно, что в вавилонском варианте отсутствует описание смерти Гильгамеша, которое имеется в шумерской поэме.

5. В вавилонском эпосе нет никаких аналогий с шумерской поэмой «Гильгамеш и Агга из Киша», о которой шла речь в главе 5. Это одно из самых коротких эпических сказаний древнего Шумера — в нем всего 115 строк. Тем не менее оно представляет интерес со многих точек зрения. Прежде всего в нем действуют только люди; в отличие от прочих шумерских эпических сказаний здесь нет мифологических мотивов со всевозможными божествами. Далее, это произведение имеет большое историческое значение, так как в нем приводится ряд доселе неизвестных фактов из раннего периода междоусобной борьбы между шумерскими городами-государствами. И наконец, эта эпическая поэма представляет особый интерес для истории политической мысли и политических учреждений, ибо в ней говорится о том, что уже около 2800 г. до н. э. в Шумере существовало нечто вроде демократического двухпалатного парламента. Возможно, именно эти факты и заставили вавилонских редакторов изъять эпизод «Гильгамеш и Агга из Киша» из своего варианта эпоса. В этой поэме нет ничего сверхъестественного и сверхчеловеческого, что так характерно для эпической поэзии.

6. Что касается последней шумерской поэмы, «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство», и заимствований из нее в вавилонском эпосе, то об этом я скажу ниже, в конце главы.

На этом можно пока закончить сравнительный анализ шумерского текста, предпринятый нами. Попытаемся же теперь ответить на три вопроса, о которых говорилось выше.

1. Существует ли шумерский оригинал вавилонского «Эпоса о Гильгамеше» в целом?

По всей видимости, не существует. Шумерские поэмы сильно различаются по своему объему, это отдельные про-

изведения, не связанные между собой. Вавилоняне переработали шумерские сказания, связали их в единое целое с единым сюжетом. Это всецело их нововведение и их заслуга.

2. Можно ли выделить в вавилонском «Эпосе о Гильгамеше» эпизоды, восходящие к шумерским истокам?

Да, до известной степени можно. Мы знаем шумерские варианты эпизода с кедровым лесом (III—V таблички вавилонского эпоса), эпизода с небесным быком (VI табличка), ряда сцен из «поисков бессмертия» (IX, X и XI таблички), миф о потопе (XI табличка). Все эти эпизоды — шумерского происхождения. Однако их вавилонские версии отнюдь не являются рабским подражанием. От шумерского оригинала в них сохранилась лишь основа сюжета.

3. Как же обстоит дело с эпизодами «Эпоса о Гильгамеше», которые не имеют шумерских аналогий?

К этим эпизодам относится введение, которым начинается эпос, рассказ о том, каким образом Гильгамеш и Энкиду стали друзьями (таблички I и II), и рассказ о смерти и погребении Энкиду (таблички VII и VIII). Следует ли считать, что эти эпизоды придуманы самими вавилонянами или они тоже восходят к неведомым нам шумерским источникам? На такой вопрос нельзя дать точного ответа. Тем не менее анализ вавилонского эпоса в сопоставлении с дошедшими до нас мифологическими и эпическими текстами древнего Шумера позволяет сделать ряд хотя не окончательных, но все же весьма любопытных выводов.

Рассмотрим для начала вступление в вавилонский «Эпос о Гильгамеше». Поэт описывает своего героя как все познавшего и все повидавшего странника, который воздвиг стены Урука; после этого следует описание стен города в форме риторического обращения к читателю. Ни в одном шумерском тексте мы еще не встречали подобного литературного приема. Очевидно, что вступительная часть эпоса является оригинальным вавилонским произведением.

Рассказ о событиях, в результате которых Гильгамеш и Энкиду стали друзьями, следующий сразу же за введением, занимает большую часть табличек I и II вавилонского эпоса. Он распадается на такие эпизоды: бесчинства Гильгамеша; сотворение Энкиду; «грехопадение» Энкиду; сон Гильгамеша; «очеловечивание» Энкиду; единоборство героев. Эта единая цепь событий логически завершается возникновением дружбы Энкиду и Гильгамеша. Мотив дружбы, по всей вероятности, был затем использован поэтом как завязка для рассказа о походе друзей в кедровый лес. Подобной мотивировки нет в шумерской версии, и вряд ли

мы найдем в текстах древнего Шумера что-либо сходное с последовательной, логической цепью событий, характерной для вавилонского эпоса. Однако для отдельных эпизодов этой цепи наверняка отыщутся шумерские прототипы, пусть даже не из цикла о Гильгамеше.

Мифологические мотивы сотворения Энкиду, сна Гильгамеша и единоборства героев, несомненно, восходят к шумерским истокам. Что же касается «грехопадения» и «очеловечивания» Энкиду, то здесь следует быть более осторожным. Легенда, связывающая человеческую мудрость с познанием женщины, весьма любопытна, но кому мы обязаны ее возникновением — шумерам или семитам? К сожалению, мы пока не можем ответить на этот вопрос.

Зато рассказ о смерти и погребении Энкиду почти не вызывает сомнений: по всей видимости, этот эпизод чисто вавилонского происхождения. В шумерской поэме «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» Энкиду не умирает в буквальном смысле этого слова: он становится добычей адского чудовища, демона Кура, который увлекает Энкиду в свое мрачное царство за то, что тот сознательно нарушил запреты подземного мира. Эпизод с гибелью Энкиду явно был придуман вавилонскими авторами, чтобы мотивировать стремление Гильгамеша к бессмертию и привести эпос к трагической развязке.

Подведем итог. Многие эпизоды вавилонского эпоса бесспорно восходят к шумерским поэмам о Гильгамеше. Даже в тех случаях, когда у нас нет прямых аналогий, можно отыскать отдельные темы и мотивы, заимствованные из шумерских мифологических и эпических источников. Но вавилонские поэты, как мы уже видели, никогда не копируют шумерский текст. Они изменяют и перерабатывают материал в соответствии со своими вкусами и традициями, так что в результате от шумерского оригинала остается лишь самая основа. Что же касается линии сюжета — неудержимого, рокового хода событий, которые приводят мятущегося, дерзающего героя к неизбежному горестному прозрению, — то здесь вся заслуга несомненно принадлежит не шумерам, а вавилонянам. Поэтому следует по всей справедливости признать, что, несмотря на многочисленные заимствования из шумерских источников, «Эпос о Гильгамеше» — это творение семитических авторов.

Однако все сказанное выше относится лишь к первым одиннадцати табличкам эпоса. Двенадцатая — последняя — табличка представляет собой просто-напросто дословный перевод второй половины шумерской поэмы «Гильгамеш,

Энкиду и подземное царство» на семитический аккадский язык — он же вавилонский или ассирийский. Вавилонские писцы присоединили эту табличку к первым одиннадцати, совершенно не заботясь о смысле и последовательности.

Уже давно возникло подозрение, что двенадцатая табличка является всего лишь приложением к первым одиннадцати, составляющим связное целое. Но доказать это удалось лишь после того, как текст шумерской поэмы «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» был окончательно восстановлен и переведен. Тем не менее еще в 1930 г. бывший хранитель отдела Древнего Востока Британского музея Дж. Гэдл, опубликовав найденную в Уре шумерскую табличку с частичным текстом этой поэмы, установил тесную связь между нею и двенадцатой табличкой семитического эпоса.

Полный текст поэмы Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» до сих пор не опубликован (см. «Гильгамеш и дерево хулуппу» в *Assyriological Study*, No. 8, *Oriental Institute of the University of Chicago*, а также *Sumerian Mythology*)⁷⁷. Поэма начинается вступлением в 27 строк, не имеющим ничего общего с ее дальнейшим содержанием. Первые 13 строк дают весьма важные сведения о том, как шумеры представляли себе сотворение мира (об этом шла речь в главе 14 нашей книги), а последующие 14 строк описывают единоборство бога Энки с чудовищем Куром (см. гл. 25). Затем начинается собственно рассказ:

Когда-то на берегу реки Евфрат росло маленькое дерево «хулуппу» (очевидно, что-то вроде ивы). Воды реки питали его, и оно хорошо росло, но однажды на него налетел свирепый Южный Ветер, и разлив затопил его. Тогда проходившая мимо богиня Инанна взяла деревце и перенесла его в свой город Урук. Она посадила деревце в своем священном саду и начала за ним ухаживать, предполагая сделать из него ложе и кресло, когда оно вырастет.

Прошли годы. Дерево сильно выросло. Но когда Инанна захотела его срубить, оказалось, что в корнях дерева поселилась «не поддающаяся заклинаниям змея», в кроне вывела птенцов птица Имдугуд, а в стволе устроила себе дом Лилит*. И вот Инанна горько заплакала.

Когда наступило утро и ее брат, бог солнца Уту, вышел из своей опочивальни, Инанна со слезами рассказала ему о том, что приключилось с ее деревом. Тем временем Гильгамеш, очевидно, услышав жалобы Инанны, решил ей по-

* Лилит — демон в облике женщины. — *Примеч. пер.*

мочь, как подобает истинному рыцарю. Он надевает свои доспехи, весящие пятьдесят мин, берет свой топор, весом в семь талантов и семь мин, и убивает «не поддающуюся заклинаниям змею». Испуганная птица Имдугуд улетает вместе с птенцами в горы, а Лилит разрушает свой дом и удаляется в пустыню. С помощью жителей Урука Гильгамеш валит дерево и преподносит его Инанне, чтобы та сделала кресло и ложе для себя. Но, видимо, Инанна к тому времени передумала. Из ствола дерева она сделала «пукку» (вероятно, барабан), а из ветви — «микку» (барабанную палочку). Следующие 12 строк рассказывают о том, что сделал Гильгамеш с этими «пукку» и «микку». Хотя текст сохранился полностью, понять его пока не удалось⁷⁸. Видимо, Гильгамеш предается каким-то сумасбродствам, от которых страдают жители Урука. Когда текст снова становится понятным, мы узнаем, что «пукку» и «микку» провалились в ад «из-за жалоб юных дев». Гильгамеш пытается заполучить «пукку» и «микку» обратно, но безуспешно. Тогда он усаживается у врат ада и начинает горько сетовать:

Гильгамеш роняет слезы, он позеленел от горя.

— О мой барабан, о мои палочки!

Барабан, его роскошью я не насытился,

Его полнозвучием я не натешился!

Когда б барабан мой в доме плотника еще был!

Плотника жену, словно мать родную, я б возлюбил!

Дочку плотника, что сестру меньшую, бы возлюбил!

Барабан мой в подземный мир провалился, кто мне его достанет?

Мои палочки в Ганзир провалились, кто мне их достанет?

— Господин мой, как ты горько плачешь! Сердце свое зачем печалишь?

Ныне я барабан твой из мира подземного тебе верну,

Твои палочки из Ганзира я воистину тебе достану!

Услышав щедрые предложения своего слуги, Гильгамеш предупредил его о ряде табу загробного мира, которых тот должен опасаться.

Гильгамеш так Энкиду молвит:

— Если ныне ты в мир подземный спустишься,

Совет тебе дам, прими совет мой,

К словам, что я вымолвлю, обрати разум!

В одежду светлую не облачайся —

Они тебя примут за странника-духа.

Свежим жертвенным маслом не натирайся —

На его ароматы вокруг тебя они соберутся.

Копья в Кур брать ты не должен —

Копьем убитые вокруг тебя соберутся.

Кизилковый жезл не бери в твою руку —

Духи мертвых тебя непременно схватят.
Обуви не надевай на ноги —
Не произведи шума в подземном мире.
Не целуй жены своей любимой,
Не бей жены, тобой нелюбимой,
Не целуй дитя твое любимое,
Не бей свое дитя нелюбимое —
Вопли мира подземного тебя схватят.
У той, что лежит, у той, что лежит,
У матери бога Ниназу, у той, что лежит,
Ее бедра прекрасные не покрыты одеждой,
Ее светлая грудь ничем не прикрыта,
Ее голос, как чистая медь, звенит.
*Волосы треплет, словно солому, она*⁷⁹.

В этом отрывке под «матерью Ниназу», очевидно, подразумевается богиня Нинлиль, которая, согласно мифу о рождении бога луны Сина, спустилась вслед за Энлилем в ад (см. гл. 14).

Энкиду спустился в подземное царство, но не последовал советам Гильгамеша. Наоборот, он совершает все то, от чего его предостерегали. Поэтому Кур схватил его, и он не смог вернуться на землю. Гильгамеш один отправился в Ниппур, чтобы принести жалобу Энлилю:

— Отец Энлиль, мой барабан к подземному миру упал, мои палочки к Ганзиру упали.
Энкиду вернуть их спустился, мир подземный его схватил.
Намтар* не схватил его, Азаг** не схватил, мир подземный его схватил.
Нергала***, страж беспощадный, его не схватил, мир подземный его схватил.
На поле сраженья мужей он не пал, мир подземный его схватил!

Однако Энлиль отказывается помочь Гильгамешу, и тот отправляется в Эриду, чтобы обратиться с той же жалобой к Энки. Мудрый Энки приказывает богу солнца Уту проделать в крыше подземного царства отверстие, чтобы тень Энкиду могла вернуться на землю. Уту повинуетя, и вот тень Энкиду приходит к Гильгамешу. Господин и слуга обнимаются, затем Гильгамеш просит Энкиду рассказать о том, что он видел в подземном царстве.

Задавая первые семь вопросов, Гильгамеш интересуется

* Намтар — демон смерти, судьба, владыка смерти. — *Примеч. пер.*

** Азаг — демон болезней. — *Примеч. пер.*

*** Нергал — бог загробного царства; ловец Нергала — смерть. — *Примеч. пер.*

ся, как принимают в аду тех, у кого было «от одного до семи сыновей». Дальнейший текст поэмы сохранился плохо: остались лишь отрывки, в которых Гильгамеш и Энкиду говорят о том, какая участь уготована в царстве мертвых дворцовым слугам, матерям, воинам, павшим в бою, людям, о тенях которых никто на земле не заботится, и тем, кто остался на равнине без погребения.

Вавилонские писцы перевели вторую часть этой поэмы практически дословно и присоединили возникшую таким образом двенадцатую табличку к «Эпосу о Гильгамеше». Для ученых это было бесценным открытием, ибо с помощью шумерского текста удалось восстановить многие слова, фразы и целые строки, недостающие в аккадском варианте и, таким образом, наконец-то прояснить смысл двенадцатой таблички, долгое время остававшийся непонятным, несмотря на усилия целой плеяды выдающихся ассириологов.

Гильгамеш не был единственным героем Шумера. Его предшественники, Энмеркар и Лугальбанда, пользовались у шумерских поэтов не меньшей популярностью. Можно даже сказать, что у шумеров, если судить по их эпической литературе, была целая эпоха героев. Об этом и пойдет речь в следующей главе.

27. ЭПИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПЕРВЫЙ «ГЕРОИЧЕСКИЙ ВЕК» ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Героические эпохи», относящиеся у разных народов к разным периодам, вовсе не являются литературным вымыслом, а представляют собой очень важный для истории цивилизации этап общественного развития. Сегодня — главным образом благодаря трудам английского ученого М. Чадвика — все историки вынуждены с этим считаться. Достаточно привести три наиболее известных примера: эпическое время Греции, относящееся к самому концу II тысячелетия до н. э., эпическое время Индии, наступившее, видимо, всего столетием позднее, и эпическое время у древних германцев на севере Европы (IV—VI вв. н. э.). Эти три периода отличаются сходным общественным строем, политической организацией, религиозными верованиями и аналогич-

ными эстетическими критериями. Ясно, что в основе всех трех эпох лежали аналогичные социальные и политические факторы и психика.

Эпос о шумерских героях, о котором идет речь в этой и предыдущей главах, открывает еще один «героический иск» в мировой истории и литературе — «героический век» Шумера. По времени он совпадает с концом первой четверти III тысячелетия до н. э., и, следовательно, он более чем на 1500 лет предшествует древнейшему из индоевропейских «героических веков» — эпическому времени Греции. Тем не менее в его культуре множество черт, характерных для более поздних и хорошо известных «героических периодов» у других народов.

Изучение литературных памятников соответствующих эпох привело М. Чадвика к выводу о том, что и у греков, и у индийцев, и у германцев эпическое время относится к периоду варварства и отличается одними и теми же характерными особенностями.

Во всех трех случаях основной политической единицей были мелкие княжества или царства, управляемые князьями или царями, которые приходили к власти благодаря своей воинской доблести. Чтобы удержать власть, они опирались на дружины, состоявшие из верных воинов, слепо повиновавшихся своему вождю, в какое бы безрассудное и опасное предприятие он ни пускался. В некоторых случаях существовал совет, но он созывался лишь по желанию правителя и главным образом для того, чтобы подтверждать его волю. Князья и царьки поддерживали друг с другом постоянные отношения, зачастую вполне мирные и даже дружественные. Они стремились создать нечто вроде международной касты аристократов, члены которой и помыслами и деяниями были бесконечно далеки от своих подданных.

С точки зрения религии все три индоевропейские «героические» эпохи характеризуются культом антропоморфных божеств, принятым практически во всех княжествах и царствах. Считалось, что эти божества живут сообща в избранных ими местах, но кроме того, каждое имеет свое собственное обиталище. Хтонический культ и культ предков уже не играют в эти периоды сколько-нибудь заметной роли.

Души умерших должны были пребывать в каком-то отдаленном месте — царстве теней, едином для всех государств, народов и всех прослоек. Некоторым героям приписывали божественное происхождение, но их не обожествля-

ли и им не поклонялись. Все это характерно для «героических эпох» не только Греции, Индии и Северной Европы, но и Шумера.

Однако сходство между ними этим не ограничивается: оно еще заметнее в области эстетики и, в частности, в литературе. Для всех четырех «героических эпох» весьма характерно появление героических сказаний, воплощенных в поэтической форме, — сказаний, которые рассказывали или пели. Именно в них отразился дух и характер этих эпох. Представители правящей верхушки жаждали прежде всего личной славы, и вот придворные певцы и поэты создают эпические поэмы и сказания о приключениях и подвигах своих царей и князей. Эти сказания предназначались для того, чтобы развлекать гостей на празднествах и пирах, поэтому их, очевидно, исполняли под аккомпанемент арфы или лиры.

Ни одно из древних эпических сказаний не дошло до нас в своем первоначальном виде. Они возникли в те времена, когда письменность еще не существовала, а если и существовала, то была, как правило, недоступна певцам-сказителям. Записи эпических произведений «героических эпох» Греции, Индии и Германии были сделаны много позднее и представляют собой сложный литературный труд, в который из ранних песен вошли лишь немногие, да и то в сильно измененном и расширенном виде. То же самое произошло и в Шумере. Есть все основания полагать, что древние эпические сказания были впервые записаны на глиняных табличках только через пять-шесть столетий после окончания «героического века» и, разумеется, после значительной переработки, проделанной жрецами и писцами. Тем не менее следует подчеркнуть, что почти все дошедшие до нас записи эпических поэм Шумера восходят к первой половине II тысячелетия до н. э.

Между сохранившимися эпическими сказаниями трех индоевропейских «героических веков» существует разительное сходство как с точки зрения формы, так и содержания. Прежде всего во всех этих поэмах воспеваются отдельные личности, поэта не интересует судьба и слава общины или государства. Далее, если некоторые описываемые в таких сказаниях события действительно основываются на исторических фактах, то наряду с ними всегда можно найти чисто сказочные, фантастические элементы (например, безмерное преувеличение силы героя, вещие сны, явление богов). С точки зрения стиля все подобные произведения грешат обилием постоянных эпитетов и традиционных схем, бес-

конечными повторами и чересчур подробными описаниями деталей. Особенно же характерно, что в эпических сказаниях важное место занимает прямая речь. Все эти признаки присущи героическому эпосу Шумера в такой же степени, как эпосу древних греков, индийцев и германцев.

Трудно себе представить, чтобы такой своеобразный по стилю и форме жанр, как эпическая поэзия, мог возникнуть совершенно самостоятельно в разных странах и в самые разные эпохи. И поскольку самые древние героические сказания появились в Шумере, можно предположить, что родиной эпической поэзии было Двуречье.

Разумеется, между эпосом шумеров, греков, индийцев и германцев существует ряд немаловажных различий. Например, шумерские героические сказания, независимо от их величины, повествуют о каком-нибудь одном подвиге, одном эпизоде и совсем не связаны друг с другом. Шумеры не пытались собрать такие отдельные сказания и объединить их в нечто целое. Как видно из предыдущей главы, это впервые сделали вавилонские поэты, которые заимствовали у шумеров сравнительно короткие и отрывочные поэмы, в частности поэмы о Гильгамеше, переосмыслили, переработали их и сплели в довольно сложный, длинный, но единый эпос.

У авторов шумерских сказаний еще слишком упрощенный подход к психологии героев, которые почти лишены индивидуальных особенностей и обрисованы лишь в самых общих чертах. Сюжет и его перипетии излагаются традиционным стилем, где много условностей и мало движения. В этих поэмах не найдешь пластичности и динамизма, которыми славятся, например, гомеровские «Илиада» и «Одиссея». Еще одна любопытная деталь: в отличие от индоевропейского героического эпоса в шумерских эпических поэмах женщины, во всяком случае смертные, не играют почти никакой роли. И наконец, чисто формальное отличие: шумерские поэты добивались ритмического рисунка прежде всего путем повторов с небольшими вариациями. Они не пользовались строками строго определенного размера, что так свойственно индоевропейскому эпосу.

Обратимся теперь к содержанию сохранившихся эпических поэм Шумера. В настоящее время мы располагаем девятью произведениями этого жанра, размерами от 100 до 600 с лишним строк. Два из них посвящены Энмеркару, два — Лугальбанде (причем в одной поэме о Лугальбанде Энмеркар тоже играет значительную роль) и пять — самому знаменитому из героев, Гильгамешу. Все три героя

фигурируют в списке царских династий, историческом документе, который, так же как и наши эпические поэмы, был начертан на глиняных табличках, относящихся к первой половине II тысячелетия до н. э. Самый список, очевидно, был составлен еще раньше, в последней четверти III тысячелетия до н. э.

В списке царей Энмеркар, Лугальбанда и Гильгамеш названы как второй, третий и пятый по счету правители I династии Урука, которая, по мнению шумерских мудрецов, следовала непосредственно за династией Киша, возникшей сразу же после потопа.

Об одном из сказаний об Энмеркаре и о всех пяти сказаниях о Гильгамеше уже шла речь в главах 4, 5, 25 и 26. Таким образом, чтобы завершить анализ героических сказаний Шумера нам остается рассмотреть лишь три поэмы — одну об Энмеркаре и две о Лугальбанде.

Второе сказание об Энмеркаре, так же как и первое, о котором говорилось в главе 4, повествует о победе Энмеркара над одним из правителей Аратты. Но во втором сказании не Энмеркар предъявляет требование к своему сопернику, а, наоборот, правитель Аратты затевает ссору, которая заканчивается его поражением. В этой поэме правитель Аратты назван по имени — Энсуккешданна. Однако тот ли это правитель Аратты, который в первом сказании остался безымянным, с уверенностью сказать нельзя.

До 1952 г. нам было известно из этой поэмы лишь около 100 начальных и около 25 заключительных строк, которые хорошо сохранились; во время раскопок в Ниппуре в 1951—1952 гг., которые велись экспедицией Музея Пенсильванского университета и Восточного института Чикагского университета, были найдены две превосходно сохранившиеся таблички, позволившие восполнить большую часть пробелов. Поэтому сегодня мы можем изложить приблизительное содержание всей поэмы⁸⁰.

В те дни, когда царем всего Шумера, как можно понять, был Эннамбарагга-Уту, правитель Аратты Энсуккешданна, чьим визирем был Ансиггарна, отправил с посланцем вызов правителю Урука Энмеркару, чьим визирем был Наменнадума. Энсуккешданна требовал, чтобы Энмеркар признал его верховным правителем и разрешил «переселить» богиню Инанну в город Аратту.

Энмеркар с презрением выслушивает вызов своего соперника. В пространной речи он утверждает, что боги благоволят к нему, что Инанна останется в Уруке, и в свою очередь требует, чтобы Энсуккешданна признал себя вас-

салом Урука. Тогда Энсухкешданна собирает совет и спрашивает, как ему поступить. Видимо, ему советуют подчиниться, но он с возмущением отказывается. Араттский жрец «машмаш», чье имя можно прочесть как Ур-Гирнунна, предлагает правителю свою помощь. Он обещает пересечь «реку Урука», покорить все страны «сверху донизу, от моря до кедровых гор», и возвратиться в Аратту с доверху нагруженными кораблями. К сожалению, текст не позволяет установить, сам ли жрец дает все эти обещания. Как бы то ни было, обрадованный Энсухкешданна дает жрецу пять мин золота, пять мин серебра и все необходимые припасы.

Когда жрец добирается до Урука — в поэме не говорится, как это ему удалось, — он приходит в священный хлев, где стоят корова и коза богини Нисабы. Жрец уговаривает их не давать больше молока и сливок для «пиршественных залов» их госпожи. Приблизительный перевод этого отрывка дает представление о стиле поэмы:

Он молвит корове слово, он говорит с ней, как с человеком.

— Корова, кто ест твои сливки, кто молоко твое выпивает?

— Мои сливки ест богиня Нисаба,

Молоко мое пьет богиня Нисаба.

Мой сыр, что превосходно для святого *подворья* изготовлен,

Большого великого застолья, застолья Нисабы воистину достоин.

Мои сливки из светлых загонов жрецу верховному отнесут.

Мое молоко из светлых загонов жрецу верховному отнесут.

Нисаба, дикая святая корова, дочь первородная Энлиля, воистину
встать не даст человеку.

— Корова, сливки твои — в голову!

Твое молоко — в твое чрево!

Корова, сливки ее *ушли* в голову, ее молоко *ушло* в чрево.

К хлеву чистому, хлеву Нисабы, он подходит.

Коза в хлеву тревожно затрясла головою.

Он козе молвит слово, он говорит с ней, как с человеком.

(Повторяется буквально эпизод с коровой.)

В конечном счете корова и коза перестают давать молоко, и все хлева и овчарни Урука приходят в запустение. Пастухи горюют и плачут, подпаски от них уходят. Тогда в дело вмешиваются два пастуха Нисабы, Машгула и Ур-Эдинна, «сыновья одной матери». Очевидно, не без помощи бога солнца Уту — соответствующие строки плохо сохранились, — а также при поддержке Матери Сагбурру им удается перехитрить «машмаша».

«Нун» волшебный они оба бросили в воду.

Выудил чародей огромного карпа.

Старая Сагбурру орла из воды достала.

Орел схватил огромного карпа и утащил его в горы.

Второй раз они бросили «нун» в воду.
Чародей вытащил овцу с ягненок.
Старая Сагбурру вынула волка.
Волк схватил овцу с ягненок и поволок их в просторные степи.
Третий раз они бросили «нун» в воду.
Чародей выудил корову с теленком.
Старая Сагбурру льва из воды достала.
Лев схватил корову с теленком и потащил в тростниковые заросли.
В четвертый раз они бросили «нун» в воду.
Чародей выудил из воды горного козла с козю.
Старая Сагбурру леопарда из воды достала.
Леопард схватил козла с козю и поволок их в горы.
Пятый раз они бросили «нун» в воду.
Чародей выудил теленочка дикой газели.
Старая Сагбурру тигра и льва из воды достала.
Тигр и лев козленка схватили, в лесную чашу его потащили.

Видя, что все его старания ни к чему не приводят, жрец «почернел с лица, ибо замысел его не удался». Мать Сагбурру насмехается над его глупостью. Жрец просит отпустить его с миром в Аратту, обещая прославить Мать Сагбурру в своих молитвах, но та не желает его и слушать. Она убивает жреца и бросает его труп в Евфрат.

Когда Энсукхешданна узнает о том, что случилось с его «машмашем», он спешно отправляет к Энмеркару гонца, сдаваясь на милость победителя:

«Ты владыка, возлюбленный Инанны.
Только один ты возвышен.
Инанна праведно тебя избрала для своего святого лона.
Вонстину ты ее любимый.
С запада до востока ты всех великий владыка, я твой подчиненный,
Изначально не был тебе я равен, ты вонстину брат мой старший.
Мне вовеки с тобой не сравниться».

Завершается поэма концовкой, типичной для жанра литературного спора (см. гл. 20). Вот ее заключительные строки:

Так в споре между Энмеркаром и Энсукхешданной
Энмеркар превзошел Энсукхешданну.
Хвала тебе, богиня Нисаба!

Обратимся теперь к сказаниям, где главную роль играет герой Лугальбанда. Первое из них можно озаглавить «Лугальбанда и Энмеркар». Эта поэма насчитывает более 400 строк и сохранилась почти полностью. Все же текст во многих местах неясен, хотя в нем сравнительно мало лакун. Приводимый ниже анализ наиболее понятных отрывков представляет собой результат неоднократных по-

пыткок прояснить смысл поэмы, но пока еще это лишь попытка, не более⁸¹.

Герой Лугальбанда, пребывающий — по-видимому, против своей воли — в отдаленной стране Забу, стремится вернуться в свой родной город Урук. Для этого он старается завоевать расположение птицы Имдугуд. (Имдугуд определяет судьбы людей и выносит каждому окончательный приговор.) Однажды, когда птица Имдугуд отсутствовала, Лугальбанда приблизился к ее гнезду. Он дает ее детям жир, мед и хлеб, подкрашивает им лица и надевает на головы короны «шугурра». Возвратившись, птица Имдугуд радуется, что ее детям оказали такие божественные почести. Она объявляет, что готова оказать помощь и покровительство тому, кто это сделал, будь то человек или бог.

Тогда Лугальбанда называет себя. Имдугуд осыпает его похвалами, многократно благословляет и говорит, что теперь он может со славой вернуться в Урук. По просьбе Лугальбанды Имдугуд обещает ему благополучное путешествие и дает ряд добрых советов, о которых он, однако, не должен говорить никому, даже самым близким. После этого птица Имдугуд возвращается в свое гнездо, а Лугальбанда идет к друзьям и сообщает им, что отправляется в путь. Друзья стараются его отговорить, ибо это дорога, с которой нет возврата: чтобы пройти по ней, надо пересечь высокие горы и ужасную реку Кур. Но Лугальбанда непоколебим, и действительно его путешествие из страны Забу в Урук проходит благополучно.

Между тем в Уруке Энмеркар — повелитель Лугальбанды и сын бога солнца Уту — пребывает в глубокой скорби. Уже много лет семиты из Марту опустошали Шумер и Аккад и вот теперь осадили Урук. Энмеркар хотел бы отправить послание с просьбой о помощи в Аратту — своей сестре богине Инанне, но никто не соглашается взять на себя это опасное поручение. И тут к Энмеркару приходит Лугальбанда. Он смело берется доставить послание. Энмеркар, желая сохранить тайну, заставляет Лугальбанду поклясться, что тот отправится в путь один. Лугальбанда предупреждает друзей о своем уходе, и те снова пытаются его отговорить. Однако герой берет свое оружие и отправляется в путь. Он преодолевает семь горных хребтов, пересекающих страну Аншан из конца в конец, и с радостным сердцем вступает в Аратту.

Здесь богиня Инанна оказывает Лугальбанде самый теплый прием, но при этом спрашивает, почему он явился

один. Лугальбанда дословно повторяет послание Энмеркара с просьбой о помощи. Ответ Инанны, которым завершается поэма, весьма темен. Насколько можно понять, она говорит о реке, о необыкновенных рыбах, которых должен выловить Энмеркар, о каких-то сосудах для воды, которые он должен изготовить, о мастерах по обработке металла и камня, которых он должен пригласить в свой город. Но каким образом все это поможет Энмеркару избавить Шумер и Аккад от народа марту и снять осаду с Урука, так и остается неясным.

Второе сказание о Лугальбанде, которое можно условно назвать «Лугальбанда и гора Хуррум», насчитывало, очевидно, более 600 строк⁸². Однако конец этой поэмы отсутствует, и сегодня в нашем распоряжении находится около 500 строк текста, из которых две трети сохранились почти полностью. Содержание уцелевших строк этого весьма сложного текста сводится вкратце к следующему.

Энмеркар, правитель древнего Урука, решил отправиться в Аратту, видимо намереваясь ее завоевать. Его сопровождает многочисленное войско под предводительством семи безымянных героев — «истинных сынов Куллаба», «рожденных богиней Ураш», «вскормленных парным молоком». Восьмой среди них — Лугальбанда.

Энмеркар и его спутники доходят до горы Хуррум, однако здесь Лугальбанда заболевает. Его братья и друзья делают все возможное, чтобы вылечить героя, но тщетно: «Когда они приподняли его голову, в нем не было дыхания (жизни)». Испуганные друзья и родственники собираются на совет и решают оставить Лугальбанду на горе Хуррум, поскольку он «умер», а самим идти дальше. «Когда мы вернемся из Аратты, мы отнесем тело нашего брата в Куллаб», — говорят они.

И вот забытый и покинутый всеми, тяжело больной, но все еще борющийся за жизнь герой остается один. Через два с половиной дня, или как говорит древний поэт, «когда к двум дням прибавилась еще половина дня», Лугальбанда поднял голову навстречу восходящему солнцу (то есть богу Уту) и «как к отцу, породившему его, обратился к нему с мольбой», чтобы Уту не дал ему погибнуть на горе Хуррум:

Там, где матери нету, отца нету,
Знакомых нету, друзей близких нету.
Мать моя — О, дитя мое! — мне не скажет,
Брат мой — Братец мой! — мне не скажет!

Разумеется, Уту не мог отказать герою. Поэт продолжает рассказ:

Уту внял его слезам.

Дабы силы жизни во мраке гор ему возвратить,

Дабы *исцеление его приблизить*, радость движения ему
он дал.

Затем Лугальбанда обращает взор к планете Венере и возносит молитву богине Инанне — «блуднице, входящей в веселый дом, дабы сладостны были опочивальни». «Как к отцу (sic!), породившему его, обратился он к ней с молитвой», чтобы Инанна на дала ему погибнуть на горе Хуррум, «на горе дерева „хашур“». Инанна тоже не отказывает Лугальбанде в помощи. Она, в свою очередь, дает ему «дыхание жизни» и «укрывает его, подобно одеянию, радостью сердца».

Тогда Лугальбанда смотрит на луну и обращается к богу Сину, «к звезде, освещающей небо, когда солнце заходит, разгоняющей тьму ярким светом», «чей сияющий лик озаряет гору Хуррум»:

— Господин, кто в небе далеком к тебе не приходит?

Зуэн, кто в небе далеком к тебе не приходит?

Владыка, кто истину любит, кто зло ненавидит,

Зуэн, кто истину любит, кто зло ненавидит,

Истина в радости сердца праведностью к тебе стремится...

Син, конечно, тоже склоняется к мольбе Лугальбанды и «дает ему жизнь». Снова обращает герой взор к солнцу и прославляет его в молитве. Вот отрывок из нее:

— О Уту, пастырь ты страны, ты отец черноголовых!

Когда спать ты уходишь, люди с тобой спяг уходят.

Уту, герой! Когда ты встаешь, люди с тобою вместе встают!

Уту, пока нет тебя,

Сеть на птицу не набрасывают, раб на работу не идет.

Тому, кто один идет, ты тому товарищ—брат

Уту, там, где двое идут, там третьим ты идешь.

Тому, кто держит узду, *шоры охраняющие ты тому!*

Бедняка слабого, у кого нет одежды,

Солнечный свет твой одевает подобно светлomu одеянию!

...

Благодаря «пище жизни» и «воде жизни» Лугальбанда выздоравливает, но, по-видимому, продолжает блуждать один по горам, охотясь на зверей и собирая дикие растения. Однажды он засыпает и слышит во сне повеление (возможно, повеление бога Уту). Ему приказано высле-

дить и убить дикого быка, а его жир принести в жертву восходящему солнцу. Кроме того, герой должен убить козленка, вылить его кровь в ров, а жир разбросать по равнине. Проснувшись, Лугальбанда исполняет все, что ему было приказано во сне. Кроме того, он готовит пищу и хмельное питье для четырех главных божеств шумерского пантеона — для Ана, Энлиля, Энки и Нинхурсаг.

Сохранившаяся часть поэмы оканчивается, насколько можно понять, восхвалением семи небесных светочей, помогающих богу луны Нанне, богу солнца Уту и богине планеты Венеры Инанне озарять вселенную.

Вот, в сущности, и все, что можно сказать о дошедшей до нас эпической поэзии шумеров и об их героическом периоде.

В отличие от сказаний и гимнов лирическая поэзия занимает в шумерской литературе весьма скромное место, в особенности любовная лирика. До настоящего времени среди сотен тысяч шумерских табличек обнаружены только два любовных стихотворения. Да и их, как будет видно из дальнейшего, по сути дела, нельзя отнести к жанру любовной лирики в полном смысле этого слова. Это, очевидно, ритуальные песни, в которых новобрачная прославляет своего царственного супруга. Ближе всего к ним библейская «Песнь песней».

28. ВО СЛАВУ ЦАРСТВЕННОГО ЖЕНИХА

ПЕРВАЯ ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЬ

В те дни, когда я работал в Стамбульском музее Древнего Востока — это было в конце 1951 г., я натолкнулся на небольшую табличку, числившуюся под номером 2461. В течение нескольких недель перед этим я просматривал целые ящики табличек с еще не изученными, не изданными текстами, стараясь определить, к какому литературному произведению они относятся. Все это было только подготовительной работой для отбора и копирования наиболее важных текстов, так как я хорошо понимал, что у меня не хватит времени скопировать все. И вот мне попалась на глаза табличка № 2461, лежавшая в одном из ящиков среди множества других фрагментов.

Меня прежде всего привлекла отличная сохранность этой таблички. Вскоре я понял, что передо мной разделенная на строфы поэма, в которой воспеваются красота и любовь: преисполненная радости невеста славит в ней царя по имени Шу-Суэн, правившего Шумером почти 4000 лет назад. Я перечитал табличку еще два раза, пока не убедился, что глаза меня не обманывают. Передо мною лежала одна из самых древних любовных песен, начертанных человеческой рукой.

Но вскоре мне стало ясно, что речь шла не просто о какой-то влюбленной паре, а о царе и его избраннице и что эта песнь несомненно предназначалась для исполнения во время самого возвышенного из древних обрядов, обряда «священного бракосочетания». Согласно религиозным предписаниям Шумера, царь каждый год должен был сочетаться браком с одной из жриц богини Инанны, олицетворявших богиню любви и продолжения рода, дабы обеспечить плодородие земли и женского чрева. Эта церемония происходила в день Нового года. Ей предшествовали празднества и пиры, сопровождавшиеся музыкой, пением и танцами. Стихи, записанные на маленькой табличке из Стамбула, видимо, были пропеты избранницей царя Шу-Суэна в один из таких новогодних праздников.

Муазез Джиг, одна из хранительниц коллекции табличек Стамбульского музея, сняла копию с заинтересовавшей меня таблички, и мы совместно опубликовали этот текст в «Бюллетене» Турецкой исторической комиссии (том XVI, с. 345 и сл.). Одновременно с транслитерацией текста нами был сделан предварительный перевод с комментариями.

Вот этот перевод⁸³:

Ты, пьянящий сердце мое, *любимый мой*,
Что за краса твоя радостная, сладостная — душистый мед,
Ты, пронзивший сердце мое, *любимый мой*,
Что за краса твоя радостная, сладостная — душистый мед.

Ты захватчик мой, все дрожит во мне,
Желанный, влечи же скорее на ложе,
Ты захватчик мой, все дрожит во мне,
Победитель, влечи же скорее на ложе.

Желанный, что делаешь ты в любви —
Всею силою ласк моих тебя заласкаю!
Здесь на ложе, до самых глубин улады
Желаньем твоим наполнимся в радости.
Победитель, что делаешь ты на ложе —
Всею силою ласк моих тебя заласкаю!

Желанный, ты прелесть мою забрал,
Скажи о том матушке — пусть одарит тебя,
И батюшке — пусть наградит тебя.

Все улады — знаю, чем усладить тебя,
О желанный, до зари на ложе,
Твое сердце — знаю, как веселить его,
Победитель, до зари на ложе.

Ты же мне, если ты любишь,
Победитель, желание даруй навеки,
Господин мой, мой бог, мой бог-хранитель,
Шу-Сузн, радость сердца Энлиля, мой повелитель!

То, что сладость тебе, того касайся,
Ту медовую сладость нищи руками,
Сминай, словно ткань, своими руками,
Словно ткань дорожую, *реи* руками.

Песнь «баль-баль» для Инанны.

Вторая — и последняя — из дошедших до нас любовных песен Шумера записана на табличке, также хранящейся в Стамбульском музее. Э. Кьера опубликовал ее текст еще в 1924 г., однако перевод этой песни был сделан А.Фалькенштейном лишь в 1947 г.*

В этой второй песне, как и в первой, безымянная жрица обращается со словами любви к царю. Однако композиция ее не столь ясна, и отдельные места остаются непонятными. По-видимому, эта песня делится на шесть строф: две строфы по четыре строки, одна из шести строк, затем еще две по четыре строки и еще одна из шести строк. Логическую связь между отдельными строфами уловить трудно.

В первой строфе воспевается рождение царя Шу-Суэна. Вторая состоит из восклицательных предложений, видимо прославляющих Шу-Суэна, его мать Абисимти и его жену Кубатум, а в третьей жрица перечисляет подарки, полученные ею от царя за песни радости — «аллари». Что касается последних трех строф, то первая и третья в таких же восклицательных предложениях славят царя, а во второй поэтесса красноречиво расхваливает собственные прелесть.

— Светочу дала рождение, светочу дала рождение,
Госпожа дала светочу рождение,
Абисимти дала светочу рождение,
Госпожа дала светочу рождение!

*См.: *Die Welt des Orients. T. I*, с. 43—50.

*О куст ее душистых одеяний моего блаженства, моя Абисимти!
О древо могучее одеяний моего геройства, жизнь моя,
Госпожа моя Кубатум!*

- О волосы роскошные, о моя опора, повелитель мой Шу-Суэн!

О слова мои для тебя реченные, тебе, сыну Шульги!

Оттого, что я так сказала, оттого, что я так сказала,

Одарил меня повелитель!

Меня, оттого, что я песнь пропела, одарил меня повелитель!

Острием золотым, печатью лазуритовой одарил меня повелитель!

Кольцами золота-серебра одарил меня повелитель!

Повелитель, сколь желанен для меня твой дар,

Очи твои да не нарадуются!

Шу-Суэн, сколь желанен для меня твой дар...

Да пошлет твой град привет тебе, ничтожася, повелитель мой, Шу-Суэн,

Львенком пусть у ног твоих уляжется пред тобою, сын Шульги!

— О небес любимица, моя шинкарочка, пиво ее сладостно,

И как пиво ее сладостно, лоно ее сладостно,

О, сколь пиво это сладостно!

И устам ее подобно, лоно ее сладостно,

О, сколь пиво это сладостно!

Брызжащее пиво ее сладостно!

— Шу-Суэн, желанный мой,

Желанный мой, хороший мой,

Шу-Суэн, желанный мой,

Любимец Энлиля, Шу-Суэн мой,

Хозяин мой, бог страны своей!

Это песнь «баль-баль» для Бау.

Шумерские поэмы и прозаические произведения, которые рассматриваются в этой книге, составляют лишь ничтожную долю дошедшей до нас литературы древнего Шумера, не говоря уже о бесчисленных табличках, которые еще предстоит раскопать. В первой половине II тысячелетия до н. э. в шумерских школах изучали произведения всевозможных литературных жанров. Их записывали на табличках, призмах и цилиндрах соответствующих размеров.

Все эти «книги» того времени, разумеется, нужно было как-то хранить, группировать и содержать в надлежащем состоянии. Очевидно, преподаватели и писцы придерживались в этом «библиотечном» деле какой-то системы. Можно заранее предположить, что для облегчения этой работы уже тогда составлялись списки литературных произведений, сгруппированных по определенным признакам. И действительно, в 1942 г. нам стали известны два таких «библиографических» списка. Один из них хранится в Лувре, а другой — в Филадельфии. Этим первым в истории «библиотечным каталогом» и посвящается следующая глава.

29. БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРВЫЙ БИБЛИОТЕЧНЫЙ КАТАЛОГ

В Музее Пенсильванского университета хранится табличка под № 29—15—166. Это древний шумерский список книг. Он невелик по размерам: табличка имеет около 6,5 см в длину и около 3,5 см в ширину. Тем не менее писец, разделив каждую сторону таблички на два столбца, ухитрился мельчайшим почерком разместить на таком ограниченном пространстве названия 62 литературных произведений. Первые 40 названий он расположил группами по 10, отделив их друг от друга чертой; остальные 22 названия разбиты на две группы, причем в первой их всего 9, а во второй — 13.

По крайней мере 24 названия из этого каталога относятся к произведениям, которые частично или полностью дошли до нас. Возможно, что здесь же перечисляются и другие знакомые нам тексты. Дело в том, что шумеры брали в качестве названия произведения часть его первой строки — чаще всего первую часть первой строки. Поэтому, когда начало текста утрачено или сильно повреждено, определить его древнее название невозможно.

Не следует думать, что опознать в маленькой табличке из Университетского музея древнейший каталог было так уж просто и легко. Когда я впервые вынул эту табличку из ящика и начал ее изучать, я даже не подозревал, что она собой представляет. Сначала я предположил, что это какая-то неизвестная поэма, и принялся переводить табличку так, как если бы передо мной был связный текст. По совести говоря, меня смущали необычайно короткие строки «стихов», и я не мог понять, для чего писец разделил «поэму» на части черточками. Должен признаться, что мне никогда не пришло бы в голову, что это библиотечный каталог, если бы я не знал так хорошо начальные строки множества шумерских произведений: ведь я долгие годы собирал сохранившиеся литературные тексты Шумера, и это мне помогло. Читая и перечитывая фразы, записанные на маленькой табличке, я все больше поражался их сходству с первыми строками многих известных мне произведений. Последний шаг дался уже сравнительно легко. Я тщательно проверил мелькнувшую у меня догадку и убедился, что мой текст на самом деле был списком названий отдельных литературных произведений.

Когда этот «библиотечный каталог» был расшифрован, я начал просматривать все шумерские тексты, опубликованные различными музеями за последние десятилетия, надеясь, что в каком-нибудь музее найдется другая непознанная табличка аналогичного содержания. И действительно, в опубликованном Луврским музеем сборнике *Textes Religieux Sumériens* оказалась такая табличка под № АО 5393. Скопировавший ее французский ученый Анри де Женуак определил свою находку как религиозный гимн, но на самом деле это был каталог, и содержание его во многом совпадало с древним каталогом из Университетского музея. Судя по почерку, казалось даже, что обе таблички написаны одним и тем же писцом! Луврская табличка тоже разделена на четыре столбца — по два с каждой стороны. В них внесено 68 названий — на 6 больше, чем в каталоге Университетского музея. Целых 43 названия на обеих табличках совпадают, хотя перечислены они не всегда в той же последовательности. На луврской табличке имеется 25 названий, которых нет в найденном мною каталоге, а в этом последнем есть 19 названий, не занесенных на табличку из Лувра. Таким образом, оба каталога сохранили для нас древние названия 87 литературных произведений.

Среди 25 названий луврской таблички восемь принадлежат произведениям, текст которых нам в основном известен. Итого в обоих каталогах перечислено 32 дошедших до нас произведения.

Трудно понять, чем руководствовался писец при составлении каталогов. Те 43 названия, которые фигурируют в обоих списках, расположены в разной последовательности; значит, в каждом случае составитель придерживался иной системы. Можно было бы предположить, что он расположил названия произведений, исходя из их содержания, но на самом деле такое предположение справедливо лишь для последних 13 названий каталога из Университетского музея, которые все принадлежат произведениям назидательного жанра. Заметим, кстати, что ни одного из этих названий нет на луврской табличке.

Мы еще не знаем, для чего предназначались такие каталоги, и можем лишь строить предположения относительно того, чем именно определялся выбор писца. Может быть, он составил свой список перед тем, как спрятать таблички с текстами в какое-либо хранилище, а может быть, наоборот, расставляя их на полках в «доме табличек». Возможно, что последовательность названий оп-

ределялась размерами табличек. Но пока мы не получим новых, дополнительных данных, вряд ли удастся окончательно разрешить все эти вопросы.

Чтобы дать читателю представление о двух древнейших в истории библиотечных каталогах, приведем несколько примеров. Мы выбираем названия лишь тех произведений, о которых уже шла речь в этой книге.

1) *Ene nigdue* [«Владыка, (дабы создать) то, что полезно»]. № 3 каталога из Университетского музея и, возможно, также луврского, но на луврской табличке соответствующее место повреждено. Это начало мифа «Сотворение Мотыги», первые строки которого приводились нами в связи с анализом мировоззрения шумеров, когда речь шла о сотворении мира (см. гл. 14).

2) *Enlil Sudushe* [«Энлил, (чьи повеления достигают) самых отдаленных пределов»]. № 5 в обоих каталогах. Это начало гимна в честь Энлиля, обширные отрывки из которого приводились в той же главе 14.

3) *Uria* («Дни сотворения»). № 7 в обоих каталогах. Означает поэму «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство», о которой шла речь в главе 26. Название «*Uria*» встречается в каталогах еще дважды. Очевидно, писец располагал двумя другими произведениями, начинавшимися такой же фразой. Как бы то ни было, он не счел нужным делать различие между тремя одинаковыми названиями.

4) *Ene kurlutilashe* [«Властелин (обратился мыслью) к Стране живых»]. № 10 в обоих каталогах. Означает поэму, названную мною «Гильгамеш и Страна живых», где речь идет о единоборстве с драконом (см. гл. 25).

5) *Lukingia Ag* («Посланцы Агги»). № 11 каталога из Университетского музея. В луврской табличке отсутствует. Это начало интереснейшей в политическом отношении эпической поэмы «Гильгамеш и Агга» (см. гл. 5). Писец ограничился первым слогом «Аг», хотя полное имя — Агга.

6) *Hursag ankibida* («Когда на горе небес и земли»). № 17 в каталоге из Университетского музея. В луврской табличке отсутствует. Начало «Спора между Зерном и Скотом» (см. гл. 15), где речь идет о сотворении человека.

7) *Uru nanam* («Вот город...»). № 22 в каталоге из Университетского музея. В луврском каталоге отсутствует. Начало гимна в честь Нанше (см. гл. 15), важного для понимания этики и морали шумеров.

8) *Lugalbanda* («Лугальбанда»). № 39 в каталоге из Университетского музея. В луврской табличке отсутствует.

Начало эпической поэмы «Лугальбанда и Энмеркар», о которой шла речь в главе 27.

9) *Angalta kigalshe* («От великого верха к великому низу»). № 41 в каталоге из Университетского музея и № 34 в луврской табличке. Начало мифа «Нисхождение Инанны в подземное царство» (см. гл. 23).

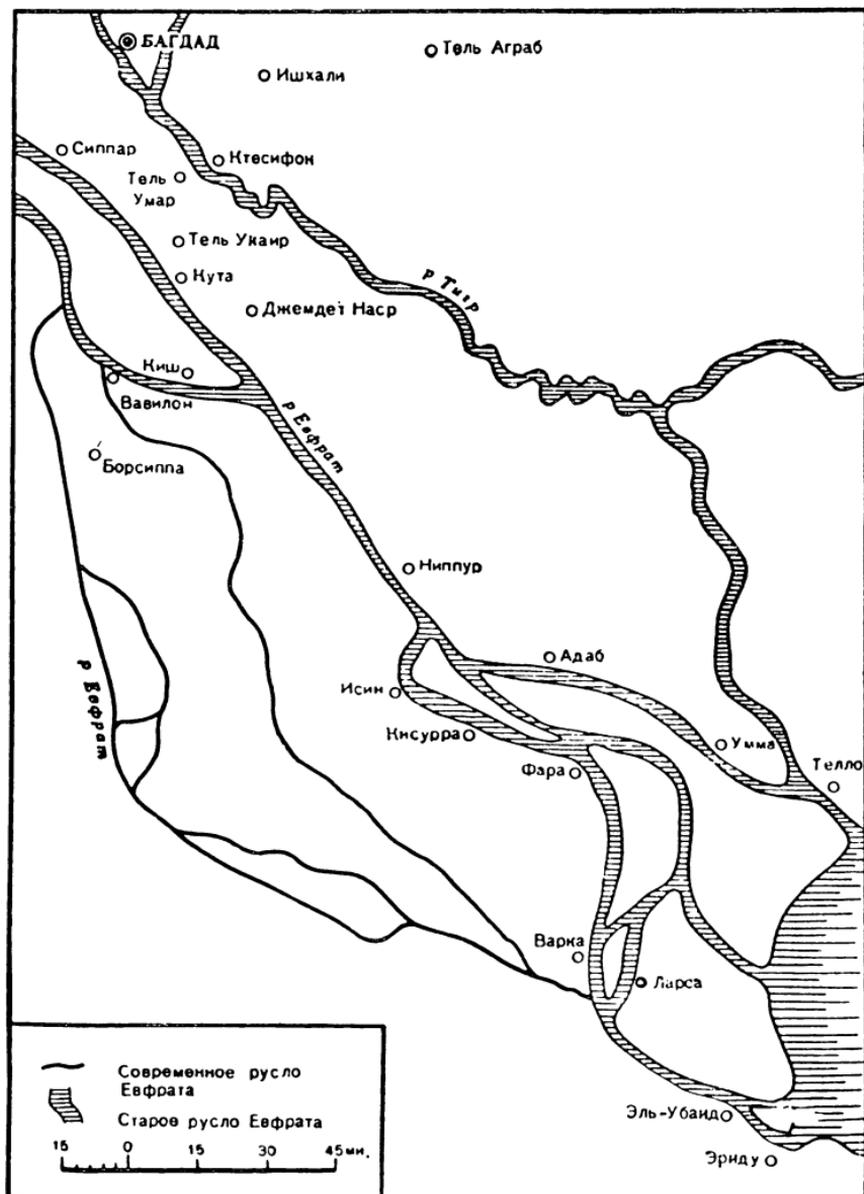
10) *Mesheam iduden* («Куда ходил ты»). № 50 в каталоге Университетского музея. В луврской табличке отсутствует. Это конец первой строки текста о жизни ученика, о котором говорилось в главе 2. Полностью первая строка читается так: «*Dumu edubba uulam meshe iduden*» («Ученик, куда ходил ты с раннего детства?»). Писец выбрал не первую, а вторую половину первой строки — видимо, потому, что произведений, начинавшихся словами «*dumu edubba*» (то есть «ученик»), было слишком много. Писец хотел, чтобы было ясно, о каком именно произведении идет речь.

11) *Uul engarra* («Во время оно землешадец»). № 53 в каталоге из Университетского музея. В луврской табличке отсутствует. Начало поучений земледельца, обращенных к его сыну, из «Первого календаря земледельца», о котором говорилось в главе 11.

12) *Lugal u melambi nirgal*. № 18 в каталоге из Лувра. В табличке Университетского музея отсутствует. Начало мифа об уничтожении дракона — «Подвиги и деяния бога Нинурты» (см. гл. 25).

13) *Lulu nammah dingirre* («Человек, совершенство богов»). № 46 каталога из Лувра. В табличке Университетского музея отсутствует. Начало поэмы о человеческих страданиях и смирении, о которой шла речь в главе 16.

Шумеры не питали никаких утешительных иллюзий относительно предначертания человека и его судьбы. Они, конечно, стремились к спокойной, безбедной жизни, мечтали избавиться от страха, нужды и войн — к чему человечество стремится и сегодня. Но шумеры никогда не связывали свои чаяния и надежды с будущим. Наоборот, все, о чем они мечтали, они отнесли в далекое прошлое, создав первую письменно зафиксированную легенду о золотом веке. Об этом золотом веке Шумера и пойдет речь в следующей главе.

30. МИР И СОГЛАСИЕ НА ЗЕМЛЕ

ПЕРВЫЙ ЗОЛОТОЙ ВЕК

В классической мифологии золотой век описывается как век безмятежного счастья, когда люди не знали ни труда, ни забот. На одной из шумерских табличек сохранилась древнейшая запись первого мифа, рассказывающего о золотом веке.

Представление шумеров о золотом веке изложено в эпическом сказании «Энмеркар и правитель Аратты», о котором говорилось в главе 4. В этом сказании есть отрывок, состоящий из 21 строки, где описывается благоденственный век мира и довольства, ныне навсегда утраченный людьми. Вот этот отрывок⁸⁴:

В стародавние времена змей не было, скорпионов не было.

Гиен не было, львов не было,

Собак и волков не было,

Страха и ужасания не было,

Человеку соперников не было,

В те дни страны горные Шубур-Хамази,

Многоязыкий Шумер, Гора великая Сутей княжественных,

Аккад, Гора вседостойная,

Марду, страна горная, что в безопасности покоится,

Вся вселенная, в попечении божьем,

Славили Энлиля на одном языке.

И тогда государь ревнивый, князь ревнивый, царь ревнивый,

Энки, государь ревнивый, князь ревнивый, царь ревнивый,

Ревнитель владык, ревнитель князей, ревнитель царей,

Энки, господин изобилия, властелин красноречия,

Всеразумнейший попечитель Страны,

Мудрец-предводитель всех богов,

Одаренный мудростью Эредуга хозяин,

В их устах языки изменил, разногласие установил,

Когда речь человечья единой была.

В первых 11 превосходно сохранившихся строках описываются те счастливые далекие времена, когда человек жил, не зная ни страха, ни врагов, среди мирного изобилия, и когда народы всей земли поклонялись одному божеству, Энлилю.

Более того, если понимать выражение «на одном языке» буквально, а не в переносном смысле (как «единодушно»), можно даже прийти к выводу о том, что шумеры, подобно древним евреям гораздо более поздней эпохи, верили, будто некогда существовал единый, общий для всех народов язык, утраченный людьми в день «смешения языков».

Следующие 10 строчек настолько фрагментарны, что об их содержании остается лишь догадываться. Судя по контексту, можно предположить, что Энки, возмущенный неограниченной властью Энлиля или просто из зависти, выступил против него, в результате чего золотой век человечества пришел к концу и начался период войн и раздоров.

Возможно — если понимать строки 10 и 11 буквально, — именно Энки вызвал смещение языков. И если это так, то перед нами, быть может, первое упоминание о шумерской параллели к библейской легенде о вавилонском столпотворении, записанной в Книге Бытия [11, 1—9]. Правда, шумеры объясняли падение людей соперничеством между богами, в то время как древние евреи полагали, будто люди понесли кару за то, что вздумали уподобиться богу.

Автор рассказа о золотом веке представляет этот рассказ как «заклинание Энки». В сказании говорится о том, что Энмеркар, правитель Урука и любимец бога Энки, решил подчинить себе богатую всякими минералами страну Аратту.

Для этого он шлет к правителю Аратты гонца с устрашающим посланием, угрожая разрушить Аратту, если правитель и его подданные не принесут с гор драгоценные камни и металлы и не построят для Энки богато украшенный храм Абзу. Чтобы произвести на правителя Аратты большее впечатление, Энмеркар приказывает своему гонцу повторить «заклинание Энки», то есть рассказ Энки о том, как он положил конец единовластию Энлиля над всей землей и ее обитателями.

Помимо того что этот отрывок рассказывает о благословенном золотом веке шумеров, он имеет и другое, не менее важное значение, давая нам некоторое представление о размерах и географическом расположении известных шумерам стран.

Если судить по строкам 6—9, поэт разделяет мир на четыре основные страны. Его собственная страна, Шумер, занимает южную часть этого мира, располагаясь примерно между реками Тигр и Евфрат, от 33-й параллели и до Персидского залива.

Севернее 33-й параллели в том же Междуречье находилась страна Ури, на территории которой позднее возникли Аккад и Ассирия. К востоку от Шумера и Ури лежала земля Шубур-Хамази, которая несомненно занимала большую часть За-

падного Ирана. К западу и северо-западу от Шумера находилась земля Марту, которая занимала территорию от Евфрата до Средиземного моря, а также включала Аравию.

Короче говоря, доступный шумерам мир простирался, если верить поэту, от Армянского нагорья на севере до Персидского залива на юге и от Иранского нагорья на востоке до Средиземного моря на западе.

КОММЕНТАРИИ

Изредка в шумерских текстах встречаются имена женщин-писцов. «Грамотейкой, той, кто познала тайны письма» была богиня Гештинанна, сестра Думузи, а в аккадской мифологии писцом подземного мира оказывается богиня Белет-Цери, а не божество мужского рода. По-видимому, и девочки обучались грамоте.

² Все шумерские литературные тексты не прозаические, но стихотворные, в том числе и произведения на «школьную тему». Поэтому в новом издании тексты переведены с учетом ритмики, системы параллелизмов и повторов, которые обнаруживаются в шумерской поэзии. См. об этом: *Афанасьева В.* О переводах шумерской поэзии. — *Переднеазиатский сборник*. Т. 3. М., 1979, с. 38—56.

³ В данном тексте речь идет скорее всего о маленьком мальчике, ученике начальных классов. В полном варианте далее следуют строки: «Ноги помой мне, уложи спать» и т.д.

⁴ Если наша интерпретация верна, текст обнаруживает более сложную систему взаимоотношений между учителем, учеником и его родителями, чем предполагает профессор Крамер. Ученик, который не смог проявить себя в школе, дома, в спокойной обстановке, чувствует себя уверенно и легко справляется с предложенными ему вопросами. Учитель, в свою очередь, благодарен родителям и за честь, оказанную ему, и за тактичность приема; ср. строки: «Нечто ты сумел мне дать, так, что я мог это принять, хлеб — мое пропитанье, сверх меры ты дал, честь великую мне оказал». Следует учитывать, что эти сочинения создавались самими педагогами и изучались учениками, которым предлагался, таким образом, некий моральный кодекс поведения и отношений между учителями и учениками.

⁵ Настоящий перевод сделан с учетом работ таких замечательных знатоков шумерского языка, как А. Фалькенштейн и Б. Ландсбергер, однако замечание профессора Крамера все еще остается в силе.

⁶ Новое полное издание памятника было осуществлено американским учеником профессора Крамера Аке Шёбергом в 1975 г. (*Sjöberg A.W. Der Vater und sein missratener Sohn.* — *JCS.*, XXV N 3, с. 105—169), однако по-прежнему в тексте остается много неясных и спорных мест. Хранящийся в эрмитажном собрании сокращенный вариант этого популярнейшего в древности произведения был прочитан Ириной Трофимовной Каневой и опубликован в *Вестнике древней истории (ВДИ)*. Т. 2. М., 1966, с. 68—78. — «Новая табличка с отрывком из шумерской поэмы „Писец и его непутевый сын“».

Русский стихотворный вариант с новой интерпретацией отдельных мест см.: *Афанасьева В.* Труд писцов, собратьев моих. — *Поэзия и проза Древнего Востока*. М., 1973, с. 140—141; комментарий, с. 665—666.

⁷ Ныне этот отрывок стал нам почти понятен. Он представляет собой

набор бранных выражений, которые потерявший терпение отец изливает на сына-лентяя, причем построен он психологически очень точно, с учетом оттенков состояния ругающегося: по мере того как он распаляется и теряет контроль над собой, выражения становятся все крепче и крепче, пока не переходят в почти непристойную брань. Однако достигнув некоей критической точки, отец как бы спохватывается и снова переходит к увещаниям, кончающимся родительским благословением. В этом сказывается особое восприятие силы слова древними, ощущение его магического значения. Дабы проклятие не исполнилось, оно не должно кончать текст, и соответственно особо значимо благое пожелание в конце произведения.

⁸ Новый полный перевод памятника был осуществлен в 1973 году Солом Коэном (*Cohen S. Enmerkar and the Lord of Aratta. Dissertation, University of Pennsylvania, 1973*), который защищал свой труд как докторскую (нашу кандидатскую) диссертацию. На русском языке см.: *Канева И. Т. Шумерский героический эпос. — ВДИ. 1964, N 4, с. 192—225*. Настоящий перевод выполнен с учетом всех предшествующих публикаций.

⁹ «Священная опочивальня» — «гипар» — покой, где совершался обряд священного брака, заключавшийся между царем и богиней-покровительницей города, чью роль исполняла жрица высшей категории. В данном случае речь идет о браке между Энмеркаром и богиней Инанной. Дети, рожденные от подобных браков, считались полубогами. Ими были сам Энмеркар, знаменитые эпические полубогатыри правители Лугальбанда, Гильгамеш, правитель города Лагаша Гудеа и многие другие.

¹⁰ Нудиммуд — одно из имен-эпитетов бога Энки.

¹¹ В тексте «ганун» — огороженное место, в данном случае — священный покой, откуда бог Уту выходит на небо освещать землю.

¹² «Корова» (обычно «священная дикая корова») — эпитет богини Нисабы, а также Нинсун.

¹³ Речь, конечно, идет не о собственно двухпалатном парламенте в прямом смысле этого слова. Это сравнение, рассчитанное в первую очередь на привычные ассоциации среднего американского читателя, Крамер употребил для большей наглядности, прекрасно сознавая, что под ним подразумевается. В тексте речь идет о совете старейшин — собрании «старцев» и о «народном собрании» — совете всех пригодных к военному делу мужей. Этот социальный институт, характерный для периода так называемой «первобытнообщинной демократии», вполне соответствует тому «эпическому героическому веку», о котором говорит профессор Крамер. В истории Двуречья он имел место на рубеже IV—III тысячелетий до н. э., что нашло свое отражение в целом ряде литературных памятников Шумера и Аккада. Возможно также, что одно из ранних архитектурных сооружений в Уруке, так называемое «Красное здание», было как раз местом таких народных собраний.

¹⁴ Текст «Гильгамеш и Агга», несмотря на свою хорошую сохранность и сравнительно небольшие размеры, оказался очень трудным для понимания и является объектом многих дискуссий. Текст опубликован Крамером в 1949 году с комментариями Т. Якобсена, который неоднократно возвращался к этому памятнику в других своих работах; важный вклад в понимание этого текста внес также А. Фалькенштейн. Полная новая транскрипция и перевод осуществлены в 1980 г. В. Рёмером (*Römer W.H.Ph. Das sumerische Kurzepos «Gilgamesh und Akka» — Nimwegener sumerologisch Studien, I, Neukirchen-Vluyn, 1980*), а в 1981 и в 1983 гг. появились новые весьма оригинальные толкования отдельных спорных мест американским ученым Дж. Купером (*Cooper J. Gilgamesh and Akka, a Review Article. — JCS., 33/3—4, 1981, с. 224—241*) и израильским — Я. Клейном (*Klein J. The Capture of Akka by*

Gilgamesh.— JAOS. 103, N 1, 1983, с. 201—204). Последняя работа была выполнена как дань уважения проф. Крамеру в сборнике, составленном в его честь. На русском языке см.: *Канева И. Т.*—ВДИ. 1964, N 3. с. 245—267, и *Афанасьева В.* Поэзия и проза Древнего Востока. — ВДИ. 1964, N 3, с. 127—129.

¹⁵ Приведенные профессором Крамером в этой книге мифологические материалы, равно как и многие другие литературные памятники, по нашему мнению, показывают, что у шумеров существовало представление о постепенном и последовательном развитии, об эволюции человеческого общества. В «предвечные», «стародавние» времена не было ничего, затем появляются небо, земля, небеса отделяются от земли, зарождаются боги и дают потомство, создается человечество, появляется скотоводство, земледелие, разнообразные отрасли культуры. Спускается с неба «царственность», которая существует, переходя от царства к царству, пока всемирный потоп не прерывает это движение, но затем оно снова возобновляется. Крайне занимала шумеров и проблема соотношения «дикости» и «культуры». Тема варварства и цивилизации развивается во многих шумерских и аккадских произведениях, таких, как миф о женитьбе бога Марту, сказание об Энки и Нинхурсаг, эпос о Гильгамеше и других.

¹⁶ О развитии теоретической науки в Двуречье см.: *Дьяконов И. М.* Научные представления на древнем Востоке (Шумер, Вавилония, Передняя Азия). — Очерки истории естественных наук и знаний в древности. М., 1982.

¹⁷ Начиная примерно с XXIV века до н. э., а может быть и раньше в Двуречье существовал обычай датировать документы по стандартным датировочным формулам, отражавшим важнейшее событие текущего (или предшествовавшего) года в данном государстве, что впоследствии легло в основу составления древних хроник. Кроме того, около 2100 года до н. э. был составлен так называемый «Шумерский царский список», доведенный примерно до конца династии Исина, т. е. до 2017—1794 годов до н. э.

¹⁸ Новое чтение имени правителя Урукагины — *Уру-уним-гина*. Знак «ка» — «рот, уста» — имеет также чтение «уним» — «слово, речь». Правильное произношение имени установлено при помощи слогового написания «*уру-и-ним-зи-на*», обнаруженного сравнительно недавно.

¹⁹ Новое современное чтение имени правителя — Энметена. *Alster B.* Enmetena, «His own Lord». — JCS. 1974, XXVI, N 3, с. 178—180. Но первого варианта чтения — Энтемена — продолжают придерживаться многие исследователи.

²⁰ В новом переводе воспроизведено графическое написание текста, передающее ритм произведения, что способствует лучшему его восприятию.

Энлиль — главное божество шумерского пантеона. Нингирсу — бог-покровитель города Лагаша. Шара — бог-покровитель города Уммы.

²¹ Буквально: «предок».

²² Размеры поля — около 12 500 м в длину.

²³ То есть установил нейтральную пограничную территорию.

²⁴ В переводе Крамера — имя собственное: Имдубба (букв. «насыпь глины»?). Возможно, речь идет о глиняном обелиске или специфической форме маленького святилища.

²⁵ Возможно, также особые маленькие святилища или постаменты, может быть, алтари.

²⁶ У Крамера — Урлумма (от него) бежал, а он (Энм.) истреблял (войска Уммы) до (самой) Уммы.

²⁷ Букв. «сверху». Умма расположена на берегу Евфрата, выше по течению, чем Лагаш, лежавший на берегу Тигра. В этом и состояла суть конфликта — правители городов, расположенных выше по течению, могли перекрыть воду общих каналов и лишить поля орошения.

²⁸ Последний перевод и литературу см.: *Steible Horst. Die Altsumerischen Bau- und Weihinschriften, Teil I, Inschriften aus Lagaš. Wiesbaden, 1982, с. 231—245.* Там же ссылки на предшествующие работы и переводы.

²⁹ Современное чтение этого слова «энси». Можно переводить как «правитель».

³⁰ Серебряный шекель (сикль) весил около 8,5 г.

³¹ Возможно: «которые он ему сломал». По-видимому, номинализованная форма от составного глагола «*al-ra*» — «разбить лопатой»? Недавно найденная табличка из Сиппара, где сохранилась вторая часть пролога и полный текст первых девяти законов, дала ключ к идентификации автора законов: им был не Ур-Намму, но, скорее всего, его сын Шульги. Поставил вопрос об этом сам Крамер; см.: *Kramer S.N. The Ur-Nammu Law Code: Who was its Author? — Orientalia. 52, 1983, с. 453—456.*

³² Новый перевод был сделан финским ученым А. Салоненом (*Salonen A. Farmer's almanac. — Agricultura Mesopotamica. Helsinki, 1968, с. 202—203.*)

³³ Текст до сих пор опубликован не полностью.

³⁴ Эта «поэма» оказалась введением к рассказу о выборе богиней Инанной жениха и о споре между земледелием и скотоводством. Полный текст поэмы составил бельгийский ученый А. Ван Дейк; см.: *van Dijk J.J.A. La sagasse suméro-accadienne. Leiden, 1953, с. 65—85.*

³⁵ Может быть просто: «связанная веревкой»?

³⁶ У Крамера — «шелковица». По новым исследованиям, однако, скорее — «тополь». Точное значение других пород деревьев, о которых упоминается в тексте, не выяснено.

³⁷ В тексте совершенно явная игра слов, благодаря чему эту строку можно перевести: «плуг, ты длинен, но что есть твоя длина? Плуг, ты велик (тяжел, основателен), но что есть твоя тяжесть»? В последнем случае наблюдается явная ссылка на известную шумерскую пословицу: «Кто столь велик (длиннен), чтобы дотянуться до неба, кто столь обширен, чтобы покрыть землю?»

³⁸ «Шу-нумук» (букв. «рука—зерно») — месяц Думузи (Дузу), соответствует июню—июлю.

³⁹ Более употребительно чтение Шаккан — бог-покровитель дикого копытного скота и мелких степных животных.

⁴⁰ Евфрат.

⁴¹ Вряд ли можно полностью согласиться с этим утверждением. Безусловно, понятие о причинах и следствиях существовало в сознании древних шумеров, однако не всегда их представления о причинах совпадали с современными, ср. хотя бы выражение на с. 140: «ни одно человецье дитя не выходит из лона безгрешным».

⁴² Учение о первичной роли замысла и о созидательной силе слова отнюдь не связано, как предполагает автор, со стремлением уйти от реальности, но с верой в первичность мысли по отношению к материи — скажем, подобно тому, как создаваемая художником картина сперва складывается в его голове в виде замысла, так и вселенная была сотворена мыслью и словом Творца или творящего начала. Что же касается замечания о «тяжелых временах» жизни древних людей, то и оно представляется нам несостоятельным. Такая мысль несет в себе распространенную логическую ошибку современного человека, который сравнивает «тяжелые условия жизни древних людей» с нынешними. Для древнего человека его собственная жизнь была в той же мере тяжелой, какой является для нас наша. Его радости и трудности были его собственными радостями и трудностями, не наложенными на проекции, допустим, современных понятий о комфорте, и т.д.

⁴³ Есть много исследований, посвященных значению этого слова, одно из наиболее всеобъемлющих — немецкой исследовательницы Гертруды Фар-

бер-Клюгге (см. комментарии к тексту «Инанна и Энки»). Понятие «*ме*» включает в себя наименование всех социальных и идеологических институтов, мыслимых шумерами, комплекс правил и поведения, а кроме того, наличие в каждом предмете, природном явлении, живых существах некоей внутренней субстанции, составляющей его силу, энергию. Так как есть все основания связывать этот корень с глаголом «*быть*», я даю перевод этому слову «*суть*».

⁴⁴ С тех пор этот текст неоднократно интерпретировался и комментировался шумерологами, см.: *Behrens Herman. Enlil and Ninlil. Rome, 1978. Cooper J. Critical Review. — JCS.32/3. 1980, с. 175—188.* На русском языке см.: *Афанасьева В. Литература древнего Двуречья. — История всемирной литературы. Т. I. М., 1983, с. 82—117.* Такой интерес к этому, хорошо сохранившемуся памятнику объясняется в первую очередь его высокими литературными достоинствами, а также важными сведениями о мировоззрении и мироощущении шумеров.

⁴⁵ У Крамера мать советует дочери купаться в потоке, дабы соблазнить Энлиля, и та ее совету следует. Прав оказался Т. Якобсен, который первым заметил, что начало текста содержит не совет матери, а запрет. Особенности шумерской графики позволяют рассматривать глагольную форму начальных фраз и как повелительную, и как запретительную. В последнем случае текст приобретает форму, в которой мы узнаем традиционный мировой фольклорный мотив — запрет и его нарушение, типичное начало мифологической волшебной сказки, ср. хотя бы русский материал, исследованный В.Я. Проппом в его трудах, в первую очередь: *Морфология сказки. М., 1969 (2-е изд.), и Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.*

⁴⁶ Этот пример «*божественной метаморфозы*» скрывает в себе один из важнейших аспектов шумерского мировоззрения, а именно представление о некоем равновесии, гармонии между миром мертвых и миром живых, которое должно поддерживаться. Важно в данном случае, что три существа должны родиться в подземном мире, чтобы три бога могли вернуться на землю — сам Энлиль, его супруга Нинлиль и их первенец Нанна. Эта мысль еще более четко, в виде формулы «*голова — за голову*», сформулирована в другом шумерском мифе, приведенном С.Н. Крамером ниже, — в рассказе о нисхождении в подземный мир богини Инанны. См. об этом подробнее: *Afanasjeva V. Vom Gleichgewicht der Toten und der Lebenden. Die Formel sag-aš sag-a-na in der sumerischen mythologischen Dichtung. — Zeitschrift für Assyriologie. 1980, с. 161—169.*

⁴⁷ Характер Энлиля, как и большинства шумерских божеств, амбивалентен, он и добр и зол, а точнее, не добр и не зол, но является носителем некоей объективной справедливости, включающей оба состояния. И все же, если говорить о его антропоморфном облике, то есть все основания отметить в его образе черты жестокости, капризности, неуловимости смены его настроений, возможно, связанных с его сущностью: «*Эн-лиль*» может толковаться как «*владыка-ветер (воздух, дуновение воздуха)*». В сказании о потопе, как шумерском, так и аккадском вариантах, Энлиль — сознательный сторонник всеобщего уничтожения людей: так, в эпосе об Атрахасисе прямо сказано, что его тревожит и раздражает шум людей, они мешают ему спать. Прямым заступником людей в большинстве мифов оказывается не Энлиль, но хитроумный Энки, который всегда изобретает средство, чтобы противостоять жестокой справедливости верховного бога.

⁴⁸ Этот, один из популярнейших шумерских эпических гимнов неоднократно издавался и комментировался. На русском языке см.: «*Поэзия и проза...*», с. 136—137.

⁴⁹ Наиболее известны переводы этого текста Крамера и А. Фалькенштейна (*Bernhardt Inez und Kramer S. N. Enki und die Weltordnung*. Jena, 1959; *Falkenstein A. Enki und die Weltordnung*. Zeitschrift für Assyriologie, 56, с. 44. Последний по времени перевод — *Benito C. Enki and the Worldorder* (Dissertation), 1969, Ann Arbor Microfilms, 70—76, с. 124.

⁵⁰ Гигуну — святилище, часть храмового комплекса. У Крамера: «В твоих обширных рошах» (?).

⁵¹ Полное издание, перевод и обширные комментарии см.: *Flügge G. Der Mythos «Inanna und Enki» unter besonderer Berücksichtigung der Liste der me*. В., 1973. Эта работа была выполнена ею как докторская диссертация, и значительная часть ее сделана в Америке под руководством профессора Крамера и его ученика Аке Шёберга. После ее работы список «*ме*» выглядит иначе, хотя значение ряда наименований осталось по-прежнему неясным и спорным.

⁵² «Нин-Шубур(а)» — «госпожа-свинья» — имя посланца (посланицы) богини Инанны, исполнявшего также функции советчика-везирия. В современной шумерологии принято считать, что это существо женского, а не мужского пола, в действительности же это был, по-видимому, гермафродит.

⁵³ Новый полный перевод гимна см.: *Heimpel W. The Nanshe Hymn*. — *Journal of Cuneiform Studies*. Vol. 33/2, 1981, с. 65—139.

⁵⁴ Новое издание текста см.: *Benito C. Enki and Ninmach*. Dissertation, 1969. Ann Arbor. 70—16, 124.

Текст по-прежнему очень труден для понимания, сильно фрагментирован и ждет находки новых копий для восстановления непонятных мест. Но уже сейчас ясно, что это один из важнейших мифологических текстов и что ближе всего к нему по содержанию аккадский миф об Атрахасисе, его первая часть, в основу которой, по-видимому, и легло шумерское сказание. Ясно также, что в этом мифе отдельные моменты спародированы, возможно, и сам акт творения неполноценных людей. Конец мифа, где говорится, что Нинмах — не соперница богу Энки, позволил предположить, что одна из целей создания мифа — умаление роли Нинмах как богини-творительницы и подчеркивания роли Энки, бога-мудреца и хитреца, который мог подстроить все таким образом, что Нинмах не смогла ничего поделаться с творением Энки, в то время как сам он справился с возложенной на него аналогичной задачей весьма хитроумно.

⁵⁵ Новое полное издание текста см.: *Alster B. Vanstiphout, Presentation and Analysis of a Sumerian Disputation*. — *Acta Sumerologica*, 9, June 1987, с. 1—43.

Строка 72 текста дает возможность с полным основанием утверждать, что Лахар — не бог, а богиня, «госпожа-овца», так как Ашнан обращается к ней, называя ее «сестра!»

⁵⁶ Строки 20—21, как и 35—36, содержат очень важный мифологический топос, однако в свете других материалов их толкование отлично от предложенного Крамером. В тексте (так в первом издании русского перевода) говорится не о том, что Ауннаки не вкушали хлеба, ходили без одежды и т. д., но в таком положении находились «люди тех далеких дней», то есть рассказывается о некоем первобытном состоянии человеческого общества. И далее говорится не о сотворении человека, но о переходе его в новое качество, когда люди, научившись вкушать дары Зерна и Овцы и покрывшись одеяниями, переходят к новой стадии культуры и могут кормить и богов своими жертвами, поддерживая дарованное им изобилие.

⁵⁷ Число публикуемых и становящихся известными притч, пословиц,

поговорок, басен и побасенок увеличивается. Особенно интересный материал принесли раскопки 70-х годов в Абу-Сальябихе, местечке, расположенном к северо-западу от древнего шумерского центра культуры Ниппура. Там были обнаружены литературные шумерские произведения в записи примерно 2500 г. до н.э., в их числе так называемые «Поучения мудреца Шуруппака», произведение размером почти в триста строк, представляющее собой сборник пословиц и афоризмов, приписываемых мудрецу Шуруппаку. Шуруппак, отец Зиусудры, шумерского Ноя, наставлял своего сына, передавая ему, как неоднократно подчеркивалось в тексте, «советы отцов». Это один из древнейших известных нам сборников пословиц, уже сведенных таким образом в самостоятельное произведение, но есть и другие древние менее систематизированные списки. Дошли до нас пословицы и поговорки, написанные рукой учеников на школьных табличках. Включение такого рода текстов в систему школьного обучения, равно как и составление, сочинение их самими писцами-педагогами — один из остроумнейших и удачнейших педагогических приемов. Благодаря своей краткости и выразительности такие тексты легко запоминаются, желаемые результаты — усвоение, восприятие проповедуемых истин и правил — достигаются гораздо быстрее и легче, чем если бы они внушались с помощью скучных нравоучений. Кроме того, у учащихся развивается языковое чутье, так как большинство таких текстов построено на игре слов, звукосочетаний, рифма применяется чаще, чем в других литературных произведениях. Но для нашего понимания эти тексты часто бывают особенно трудны, как и подчеркивает профессор Крамер, который в ряде случаев, однако, не только блестяще уловил «дух» изречения, но и подобрал к ним удачные английские аналогии. У русского читателя есть такая возможность сопоставления с русским фольклором, например, «дыма без огня не бывает» (строка 144), «сапожник ходит без сапог» (строка 145), и т.д.

⁵⁸ Лев схватил козу беззащитную.

— Отпусти! Овцу-подругу вместо себя я к тебе приведу!

— Если я тебя отпущу, скажи мне свое имя!

Коза льву так отвечает:

— Ты имени моего не знаешь?!

«Покличь-ка ту, что ты отпустил» — моя кличка!

Когда лев подошел к загону,

— Я тебя отпустил! — так прорычал он.

Из-за ограды она ему отвечает:

— Ты меня отпустил — ты умно поступил.

Что до овец, то их здесь не бывает.

Басни, как и пословицы и поговорки, особенно трудны для толкования, так как мы не всегда ясно представляем себе реалии, скрывающиеся за игрою слов, не очень хорошо понимаем, что именно считалось смешным в древнем Шумере. Переведенная нами басня — единичный пример возможности совершенно различного толкования текста, которое до конца не передает игры слов памятника.

⁵⁹ Возможна интерпретация: «Я не стану жениться на трехлетке, будто я осел!» О шумерском фольклоре см.: Дьяконов И. М. Общественные отношения в шумерском и вавилонском фольклоре (120 пословиц и поговорок). — ВДИ, 1966, № 1, с. 9—27.

⁶⁰ У Крамера — Лусалуса. Новое чтение имени матери принято большинством шумерологов.

⁶¹ Издание текста Сивилом см.: *Civil M. The Home of the Fish*. New

Sumerian Literary Composition. — Iraq 23 (1961), с 154—175. Это издание легло в основу стихотворного перевода, приведенного здесь.

⁶² Сравни текст на с. 93 и комментарий к 34.

⁶³ Последние археологические и филологические исследования, в том числе и самого профессора Крамера, позволили более точно локализовать остров Дильмун — это один из группы Бахрейнских островов Персидского залива. Примерно с середины III тысячелетия до н.э. остров Дильмун известен как важный торговый пункт и арена политического влияния Двуречья. Особенно важную роль перевалочного пункта в посреднической торговле Шумера с другими странами, вплоть до Индии, он играл в самом конце III — начале II тысячелетия до н.э., о чем свидетельствует так называемый «Гимн о торговле Дильмуна», вставленный в текст сказания об Энки и Нинхурсаг. Согласно последним изысканиям изменились и представления об острове Дильмуне как первоизданном «рае». Остров Дильмун предстает перед нами скорее как остров незнания, неведения, отсутствия устоявшихся природных и человеческих законов, чем остров «блаженства». Так, все о чем рассказывается в начале текста, то ли существует, то ли нет, и из самого текста это невозможно понять: голубь не клюет зерно для солода то ли оттого, что не знает, как это делается, то ли оттого, что этого зерна нет, и так все явления, перечисленные во введении, которое оканчивается заявлением, что пресной («сладкой») воды на острове действительно нет. Соответствует этому представлению и последующее изложение развивающихся событий — неупорядоченность половых отношений как бы «незнание» того, как это делается, безболезненными родами — результатом краткой, неестественной беременности, родовыми муками бога вместо богини. И как в первой половине текста, происходит упорядочение событий, ввод Дильмуна в историю, в культуру и закономерное течение событий. Новый перевод текста см.: *Attinger P. Enki et Ninhursaga. — Zeitschrift für Assyriologie, Bd. 74, 1984, с. 1—52. Обобщающий материал новейших исследований по острову Дильмуну, равно как и интерпретация мифа и других литературных источников, см.: Alster B. Dilmun, New Studies in the Archeology and Early History of Bahrain — Berliner Beiträge zum Vorderen Orient, V.2, с. 10 и сл.*

⁶⁴ Интерпретация профессора Крамера имени Евы по аналогии с шумерским мифом аргументирована весьма основательно и принята большинством ученых, как шумерологов, так и библистов. Общая идея мифа — от незнания к познанию — так же была, видимо, воспринята составителями Библии, хотя и трансформирована на свой лад.

⁶⁵ Шумерский вариант мифа о потопе был опубликован в переводе Свилла как приложение к изданию аккадского эпоса об Атрахасисе (*Civil M. The Sumerian Flood Story. — Lambert W. G. and Millard. Atrahasis, the Babylonian Story of the Flood. Oxf., 1969*). К сожалению, текст до сих пор остается малопонятным из-за своей фрагментарности. Аккадское сказание о потопе, в основу которого лег шумерский текст, изложено не только в эпосе о Гильгамеше, но и в эпосе об Атрахасисе, на русском языке см.: Я открую тебе сокровенное слово... М., 1939 (составление В. Афанасьевой и И. Дьяконова, перевод В. Афанасьевой).

⁶⁶ О любви Думузи и Инанны существует большое количество песен, рассказов, коротеньких поэм. Большинство этих текстов издавалось самим профессором Крамером и вошло в две его книги, одна из которых посвящена обряду священного брака (*Kramer S.N. The Sacred Marriage Rite, 1969*). Также и в трудах профессора Торкильда Якобсена и других западных исследователей можно найти переводы отрывков этих удивительно поэтических произведений. Некоторые из них публиковались и на русском

языке, см.: Поэзия и проза, с. 141—144, также: Лирическая поэзия древнего Ближнего Востока. М., 1983, с. 33—44.

⁶⁷ В этом тексте в переводе Крамера, равно как и в моем поэтическом переводе в БВЛ, Ниншубур предстает не в женском, но в мужском образе, хотя другие переводчики склонны и в этом произведении интерпретировать его образ как женский. Возможно, так и следует перевести, хотя бы ради единообразия, но в данном контексте Ниншубур-посол органически вписывается в число трех божеств мужского рода, поочередно падающих ниц перед Инанной и демонами *гала*, когда те ищут ей замену в подземном царстве; ср. Ниншубур, Шара, Латарак.

⁶⁸ О гибели Думузи, преследуемого демонами подземного мира *гала*, до нас дошло несколько мифов, представляющих собой вариант одной темы. Главный из них под условным названием «Сон Думузи» был опубликован Б. Альстером; см.: *Alster B. Dumuzi's Dream*. Copenhagen, 1972. На русском языке см.: Поэзия и проза, с. 156—162, а также Лирическая поэзия, с. 45—59.

⁶⁹ Перевод «Инанна во время подземных обрядов молчи!» в противоположность традиционному «Инанна, не осуждай обрядов подземного мира» (так и в переводе Крамера) передает конструкцию шумерской фразы почти буквально.

⁷⁰ Окончание текста, где оказывается, что вместо Думузи в подземное царство готова спуститься сестра его Гештинанна, а Инанна вынесла приговор: полгода — ты (т.е. Думузи), полгода — она (Гештинанна) — было опубликовано А. Фалькенштейном. Условная сборная композиция разных вариантов текста была сделана мною, см.: Поэзия и проза, с. 144—155.

⁷¹ Лудингира (букв. «Человек бога») — условный вымышленный персонаж, от лица которого составлены не только эти элегии-плачи, но и послание к матери, где герой демонстрирует свои качества любящего и преданного сына.

⁷² Сравнительно недавно был обнаружен еще один текст, содержащий сокращенный вариант первой элегии. Аке Шёберг опубликовал его в сборнике, посвященном своему учителю, однако этот текст не помог восстановить лакуны сильно разбитого текста коллекции Музея им. А. С. Пушкина.

⁷³ Нет полной уверенности, что отец Лудингиры умер в битве или при нападении, как переводит Крамер, так как это место плохо понятно. Повторяющийся рефрен «на него напала болезнь» позволяет думать, что, возможно, он умер и своей смертью.

⁷⁴ В своем первом издании текста сказания о Гильгамеше и дереве *хулли* я высказала предположение, что речь идет не о сражении Энки с Куром, а просто описывается стремительный бег ладьи Энки, см.: *Афанасьева В. Одна шумерская песня о Гильгамеше и ее иллюстрации в глиптике*. — ВДИ. 1962, № 1, с. 74—93. Ныне я могу подкрепить мою интерпретацию расшифровкой не очень ясных определений «камни руки» и «камни пляшущего тростника». И то и другое — образное описание бурунов и бурунчиков, которые образуются от стремительного прохода ладьи Энки. «Камни руки» — круги на воде, образующиеся от брошенного камня, «камни, что заставляют плясать тростника» (так буквально в тексте), — крупные камни, от которых по воде расходятся большие круги. Объяснение образа заключено в последующих двух строках: «Вокруг кия ладьи Энки они рассыпаются, как черепахи». О том, что Энки боролся с Куром, в тексте нигде не говорится. Полное сводное издание текста было выполнено: *Shaffer A. Gilgameš, Enkidu and the Nether World*, Dissertation, 1963, Ann Arbor Microfilms, 63—7085.

⁷⁵ Полное издание текста было осуществлено А. Ван Дийком, см.: *Dijk J. van. Lugal ud-me-lám-bi NIR-GAL. Leiden, 1983*; О Нинурте и его делах см. также: *Cooper J. The Return of Ninurta to Nippur. Roma, 1978*. Текст насчитывает более 800 строк.

⁷⁶ Текст обрабатывался и дополнялся вновь найденными отрывками. На русском языке см.: *Поэзия и проза, с. 130—135*. Текст включил отрывки и фрагменты, издававшиеся Ван Дийком и А. Фалькенштейном.

⁷⁷ Об издании поэмы см. комментарий 74. В своем полном виде поэма оказалась первым нам известным шумерским произведением на темы космогонии, которая объединила шумерские представления о небе, земле и подземном мире (полный вариант подготовлен к публикации на русском языке).

⁷⁸ Гильгамеш все же, по-видимому, отдал Инанне дерево для ложа и кресла, а «пукку» и «микку» сделал из его ветвей и из оставшихся частей дерева. Дальнейшие события развивались следующим образом: когда Гильгамеш вынес свой барабан «громкоговорливый, громкоговорливый» на улицу Урука, группа молодых людей начала петь и плясать, да так, что они никак не могли остановиться, из чего явствует, что барабан был волшебный (ср. аналогичный мотив волшебных сказок). Молодые люди плясали с воплями: «о мои бедра, о мое горло», а их сестры и матери носили им воду, очевидно, чтобы поддержать их силы. Когда же настал вечер, сестры произнесли проклятья, и барабан и палочки провалились под землю и упали около ворот (входа? дворца?) подземного царства.

⁷⁹ Смысл этого отрывка проясняется при сопоставлении его с другим текстом, опубликованным С. Н. Крамером в 1977 г. и условно названным им «Девушка и *gir*» (странник, спутник). Речь идет о том, что Энкиду не должен уподобляться мертвому, чтобы его не могли оставить в подземном мире. По-видимому, также в тексте упоминаются какие-то из погребальных обрядов (умощение маслами, облачение в чистую одежду и т.д.). Энкиду нарушает все эти запреты и как бы становится мертвым, поэтому-то «подземный мир», не «судьба Нергал» хватают и оставляют его у себя. Эта часть шумерского текста была переведена на аккадский язык и присоединена к вавилонскому эпосу о Гильгамеше в виде 12-й таблицы, видимо, потому, что содержала, с точки зрения вавилонских жрецов, очень важные эзотерические сведения о подземном мире.

⁸⁰ Новый полный перевод см.: *Berlin A. Enmerkar and Ensuhkešdanna, Philadelphia, 1979*.

⁸¹ Текст см.: *Wilcke C. Das Lugalbandaepos. Wiesbaden, 1969*. На русском языке см.: *Афанасьева В. Поэзия Древнего Шумера и Вавилона, Лугальбанда. — Восточный альманах, вып. 5; Обелиск Свободы. М., 1976, с. 539—553*.

⁸² О том, не являлась ли первая поэма первой частью сказания о Лугальбанде и орле Анзуде, до сих пор идет много споров в науке. Во всяком случае, очевидно, что начало текста сказания о Лугальбанде и орле делается понятным из содержания этого сказания, ибо в противном случае остается неясным, как Лугальбанда оказался один в горах и почему он так стремится соединиться с урукским войском. Большая часть текста была собрана К. Вильке в его издании рассказа о встрече Лугальбанды с орлом. Важный отрывок, дополняющий текст, опубликовал Халло; см.: *Hallo W. Lugalbanda Excavated. — JAOS, 1983, с. 165—180*.

⁸³ В «Лирической поэзии Древнего Востока» дан перевод И. М. Дьяконова, близкий переводу Крамера (с. 37—38). Новый перевод отличается попыткой передать эмоциональный строй произведения, а также уточнить значения некоторых слов и выражений. То, что мы называем «лю-

бовной лирикой» шумерийцев, по большей части относится к лирике культовой и связано с обрядом священного брака (см. также примечание 66). Во многих из этих текстов бросаются в глаза совпадения с библейской «Песнью песней» не только в настроении, образах, что вполне естественно, но и почти дословные; ср. «Свою правую он возложил мне на лопатку, его левая над моей головою, уста твои к моим стремятся...» (Песнь Песней, 1,6 и Лирическая поэзия, с. 87).

⁸⁴ В новом, более полном варианте этого отрывка, приведенном здесь, сохранился древнейший вариант легенды о смешении языков и о роли в разделении людей хитрого и мудрого Энки, который обычно выступает как благодетель людского рода.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Афанасьева. Шумеры, шумерологи и шумерология. Сэмюэл Ной Крамер</i>	5
Предисловие автора к русскому изданию	16
1. Образование	18
2. Школьные будни	24
3. Отец и сын	27
4. Международные отношения	31
5. Политическая система	40
6. Гражданская война в Шумере	45
7. Социальные реформы	56
8. Своды законов	61
9. Правосудие	65
10. Медицина	68
11. Сельское хозяйство	73
12. Садоводство	80
13. Мотыга и Плуг	84
14. Натурфилософия	90
15. Этика	114
16. Страдания и смирение	122
17. Мудрость древних	126
18. Предшественники Эзопа	133
19. «Дом рыбы»	140
20. Диспуты	144
21. Рай	149
22. Потоп	155
23. Потусторонний мир	159
24. Элегии	170
25. Борьба с драконом	178
26. Сказания о Гильгамеше	187
27. Эпическая литература	202
28. Во славу царственного жениха	212
29. Библиография	216
30. Мир и согласие на Земле	221
Комментарии	223

Крамер Сэмюэл Н.

К78 История начинается в Шумере. 2-е изд., измен. Пер. с англ. Ф.Л. Мендельсона. Предисл., пер. шумерских поэтических текстов и коммент. В. К. Афанасьевой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 235 с. (По следам исчезнувших культур Востока).

ISBN 5-02-016729-0

Автор этой книги Сэмюэл Н.Крамер — крупнейший исследователь в области шумерской литературы и письменности. Характеризуя книгу американского ученого, академик В.В.Струве писал: «Крамер открыл для науки литературные и религиозные памятники древнейшей цивилизации мира. Великолепные в научном и литературном отношении тексты, отображающие все стороны культурной жизни древнего Шумера, увлекательное изложение, огромный фактический материал позволяют рекомендовать эту книгу всем, кто интересуется прошлым человечества».

К 0503010000-146 Без объявления
013(02)-91

ББК 63.3(0)3

Научное издание

Крамер Сэмюэл Ной

ИСТОРИЯ НАЧИНАЕТСЯ В ШУМЕРЕ

2-е издание, измененное

Утверждено к печати

Институтом востоковедения АН СССР

Заведующий редакцией *Л.Ш.Рожанский*

Редактор *Л.Э.Шварц*

Младший редактор *М.С.Грикурова*

Художник *С.Ю.Архангельский*

Художественный редактор *Э.Л.Эрман*

Технический редактор *М.П.Горшенкова*

Корректор *Т.А.Алаева*

ИБ № 16362

Сдано в набор 21.03.90. Подписано к печати 16.05.91

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Усл. п.л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,92

Уч.-изд. л. 13,59. Тираж 15 000 экз. Изд. № 6817

Зак. № 121. Цена 3 р. 50 к.

Издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"

107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**В ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Готовится к изданию

Вейнберг И.П. Рождение истории: (Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э.). 20 л.

В книге известного читателю исследователя древней истории (в 1987 г. вышла в свет его книга «Человек в культуре древнего Ближнего Востока») на материалах позднеегипетских и новоассирийских, древнеперсидских и ветхозаветных исторических письменных сочинений предпринимается попытка раскрыть особенности древневосточной исторической мысли, осмысления ею места и роли природы и вещи, человека, божественных сил и пространства—времени в историческом процессе, определить приемы работы древних историков, восприятия их сочинений слушателями—читателями, выяснить место и роль ближневосточных исторических писаний в становлении исторической науки.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкниги», а также по адресу: 117393. Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига».

**Книги Главной редакции восточной литературы
издательства "Наука"
можно предварительно заказать
в магазинах всесоюзной фирмы "Академкнига",
в местных магазинах книготоргов
или потребительской кооперации**

*Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:*

- 117192 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин "Книга—почтой" Центральной конторы "Академкнига";
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин "Книга—почтой" Северо-Западной конторы "Академкнига" или в ближайший магазин "Академкниги", имеющий отдел "Книга—почтой";
480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 ("Книга—почтой");
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 ("Книга—почтой");
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 ("Книга—почтой");
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 ("Книга—почтой");
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой");
420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 ("Книга—почтой");
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 ("Книга—почтой");
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 ("Книга—почтой");
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Самара, пр. Ленина, 2 ("Книга—почтой");
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199044 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинградский пр., 72 ("Книга—почтой");
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 ("Книга—почтой");
142284 Протвино Московской обл., "Академкнига";
142292 Пушкино Московской обл., МР "В", 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина—Сибиряка, 137 ("Книга—почтой");

- 700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
701000 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 ("Книга—почтой");
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Зорге, 10 ("Книга—почтой");
720001 Бишкек, бульв. Дзержинского, 42 ("Книга—почтой");
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 78 ("Книга—почтой").

Книга Крамера рассчитана на читателя, хорошо знакомого с Библией. Первый Ной, первый Моисей, первый Иов — эти имена должны вызывать определенные ассоциации, чтобы стало полностью ясен смысл сравнения библейских и шумерских персонажей. Столетиями мы привыкли видеть «начало начал» в историях библейских героев. Первыми были шумеры, уверяет нас ученый, влюбленный в свои занятия и открытый им мир, и это не просто литературный прием. Шумерская цивилизация — единственная в своем роде: до нас дошло такое огромное количество письменных документов, как ни от какой другой древней культуры мира.